

**Branislav NUŠIĆ
POKOJNIK**

Komedija sa predigrom u tri čina

LICA

PAVLE MARIĆ
MILAN NOVAKOVIĆ
SPASOJE BLAGOJEVIĆ.
GOSPODIN ĐURIĆ.
LjUBOMIR PROTIĆ
ANTA
MLADEN ĐAKOVIĆ
MILE
ALJOŠA
ADOLF ŠVARC
RINA
VUKICA
AGNIJA
PRVI policijski agent
DRUGI policijski agent
MARIJA
ANA i SOFIJA sobarice
Tri čina se dešavaju tri godine posle predigre.

PREDIGRA

(Ukusno nameštena soba kod Marića.)

I

PAVLE, MARIJA

MARIJA (*sobarica, starica, dolazi spolja.*):
Gospodine, jedan gospodin, kaže pozvan je.
PAVLE (*za stočićem zariven u jednu knjigu*): A da,
neka uđe!
MARIJA (*ode na vrata i propušta agenta*).
PAVLE (*Mariji*): Idite, javite gospođi!
MARIJA (*ode levo*).

II

PAVLE, I AGENT

PAVLE: Ako se ne varam, vi ste iz Uprave grada?
PRVI AGENT: Da, na vaš poziv...
PAVLE (*nemarno*): Stvar, doduše, nije tako tragična,

**Бранислав НУШИЧ
ПОКОЙНИК**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павле МАРИЧ.
Милан НОВАКОВИЧ.
СПАСОЕ Благоевич.
Господин ДЖУРИЧ.
ЛЮБОМИР Протич.
АНТА.
Младен Джакович.
Миле.
АЛЕША.
Адольф Шварц.
РИНА.
ВУКИЦА.
АГНИЯ.
1-й полицейский агент.
2-й полицейский агент.
Мария, Анна, Софья –
горничные.

Между прологом и первым,
вторым и третьим действиями
проходит три года.

Пролог

Со вкусом обставленная комната у МАРИЧа.

I

МАРИЧ, Мария.

Входит Мария.

Мария. Барин, там господин, говорит, вы его
вызывали.

МАРИЧ (*за столиком, погруженный в книгу*). А?
Да, пусть войдет!

*Мария идет к дверям и впускает 1-го
полицейского агента.*

(*Марии.*) Пойдите сообщите госпоже!
Мария уходит налево.

II

МАРИЧ, 1-й полицейский агент.

МАРИЧ. Если не ошибаюсь, вы из городского
полицейского управления?

ali moja žena, u prvome uzbuđenju, odmah je pozvala policiju. (*spazi Rinu na vratima*) Uostalom, evo moje žene, ona će vam objasniti.

III

RINA, PAVLE, I AGENT

RINA (*u elegantnoj jutarnjoj haljini*): Gospodin je od policije?

PRVI AGENT: Da, gospođo!

RINA: Ne bih imala šta da vam objasnim: kod nas se noćas desila krađa.

PRVI AGENT: Možete li mi reći što bliže?

PAVLE: Reći ću vam ja. Moja žena i ja bili smo sinoć u pozorištu. Kada smo se posle jedanaest vratili, prošli smo kroz ovu sobu — ovde je odmah naša soba za spavanje — i, koliko sam ja video, sve je bilo u redu. Jutros, međutim, zatekao sam ovaj stočić, koji je inače zaključan, otvoren i u njemu sve ispremetano, kao što vidite.

PRVI AGENT (*prilazi ženskom stočiću za pisanje, na kome je jedna fioka izvučena i predmeti u njoj ispreturani*): Inače, ništa drugo samo to?

RINA: Da, samo to!

PRVI AGENT: Dozvolite, ko je prvi opazio?

PAVLE: Ja se najranije budim u kući, posao mi je takav, izlazim rano na građevinu — dakle, prošao sam ovuda i slučajno mi je palo u oči. Probudio sam odmah ženu i ona je telefonirala policiji.

PRVI AGENT (*razgleda stočić*): Fioka je očigledno nasilno otvorena. Zna li mi reći šta je ukradeno?

PAVLE: To je stočić moje žene, ona će to znati.

RINA: Ja ovde držim moj mali nakit i skitnice, obične toaletne sitnice. Imam uvek tu i po dve-tri stotine dinara mojega ručnog novca, i sve je tu, čak i novac je tu. Razbijena je samo ova mala kaset, koja je inače zaključana i u kojoj držim svoja pisma. Iz nje je, vidi se, ukraden jedan deo pisma.

PRVI AGENT: Znači, dakle, da nije koristiljublje posredi. Utoliko pre ne bih mogao reći da je provalnik došao spolja. Imate li mlađe u kući?

RINA: Imamo devojku, ali u nju ne sumnjam, to je jedna čestita starica već toliko godina kod nas.

PRVI AGENT (*domišlja se*): Možete li mi reći jesu li samo izvesna i naročita pisma ukradena, ili je... ?

RINA (*zbunjena*): Bože moj... ja ne znam... za mene su sva podjednako važna ima među njima devojačkih, intimnih...

PRVI AGENT (*pošto je malo razmislio posmatrajući i jedno i drugo*): Ako je po volji, ja mogu povesti zvaničnu istragu, ali, ako dozvolite, mislim da je bolje

1-й полицейский агент. Да, по вашему вызову... МАРИЧ (*небрежно*). Дело, видите ли, не так трагично, но жена разволновалась, тут же позвонила в полицию. (*Замечает в дверях Рину.*) Впрочем, вот и жена, она вам сама объяснит.

III

РИНА, МАРИЧ, 1-й полицейский агент.

РИНА (*е элегантном пеньюаре*). Вы из полиции?

1-й полицейский агент. Да, сударыня!

РИНА. Мне вам особенно объяснять нечего; ночью у нас произошла кража.

1-й полицейский агент. Вы можете рассказать об этом подробнее?

МАРИЧ. Я расскажу. Вчера вечером мы с женой были в театре. Когда после одиннадцати мы возвращались и проходили через эту комнату — здесь рядом наша спальня, — насколько я заметил, все было в порядке. Между тем утром я обнаружил, что этот столик, обыкновенно запертый, открыт, и в нем, как видите, все перевернуто.

1-й полицейский агент (*подходит к дамскому письменному столику, у которого один ящик выдвинут и в нем все перевернуто*). И ничего больше, только это?

РИНА. Да, только это!

1-й полицейский агент. Разрешите узнать, кто первый обнаружил?

МАРИЧ. Я встаю в доме первым, у меня такая работа, я рано ухожу на стройку. Так вот, когда я проходил здесь, мне случайно это бросилось в глаза. Я немедленно разбудил жену, а она позвонила в полицию.

1-й полицейский агент (*осматривая столик*).

Ящик явно взломан. Вы не можете сказать, что из него украдено?

МАРИЧ. Это столик жены, она знает лучше.

РИНА. Я храню здесь свои мелкие драгоценности и безделушки, обыкновенные туалетные безделушки. Здесь же у меня всегда лежит две-три сотни динаров на карманные расходы. И все на месте, даже деньги. Разбита только маленькая шкатулка, которая обыкновенно бывает заперта, в ней я храню свои письма. Часть писем из нее, видимо, украдена.

1-й полицейский агент. Следовательно, кража совершена не с корыстной целью. Тем более нельзя предположить, что вор забрался с улицы. У вас в доме есть прислуга?

ne davati stvari širi značaj no što je ima.

PAVLE i RINA (*ćute*).

PRVI AGENT: Sve što se može konstatovati to je da ovo obijanje nije iz koristoljublja i da provalnik nije došao spolja on je u kući. Ja mislim da u dalje konstatacije ne treba ni ulaziti. Ja vas molim da me oslobodite. Gospođo, gospodine! (*ode*)

IV

PAVLE, RINA

PAVLE (*zadubljen ponovo u knjigu*).

RINA (*pošto je bacila jedan prezriv pogled na Pavla, polazi u svoju sobu na vratima se zadržava, okreće, naglašavajući*): Policijski agent je konstatovao da je kradljivac u kući.

PAVLE: Da, čuo sam!

RINA (*ode u svoju sobu*).

V

PAVLE, MARIJA

PAVLE (*digne glavu i pogleda za njom kad vidi da je ona zatvorila vrata, odlazi telefonu, uzima telefonsku knjigu i traži izvestan broj*).

MARIJA (*dolazi*): Nadzornik građevine.

PAVLE: Aljoša? Neka uđe.

MARIJA (*propušta Aljošu, a sama ode*)

VI

ALJOŠA, PAVLE

PAVLE: Šta je Aljoša? Je li tamo sve u redu?

ALJOŠA: Da, gospodin inženjer!

PAVLE: Je li povećan broj na zemljanim radovima?

ALJOŠA: Da. Uzeo sam šest radnika više.

PAVLE: Cement se prevozi?

РИНА. Есть, но в ней я не сомневаюсь. Это почтенная старушка, она у нас уже столько лет. 1-й полицейский агент (*размышляет*). Вы можете сказать: украдены только некоторые, особо важные письма или же?...

РИНА (*смущено*). Боже мой... не знаю... для меня они все одинаково важны: среды них есть девичьи, интимные...

1-й полицейский агент (*после небольшого раздумья, смотря то на того, то на другого*). Если вам угодно, я могу начать официальное следствие. Но, с вашего разрешения, лучше не придавать этому делу большого значения.

МАРИЧ и РИНА молчат.

Можно установить только одно: взлом совершен не с корыстной целью, и взломщик не залез с улицы, он в доме. Думаю, дальше углубляться не стоит. Прошу вас меня отпустить. Господин, госпожа (*Уходит.*)

IV

МАРИЧ, РИНА.

МАРИЧ снова углубился в книгу.

РИНА (*бросив презрительный взгляд на МАРИЧа, идет в свою комнату, в дверях задерживается, поворачивается, подчеркнуто*). Полицейский агент установил, вор в доме!

МАРИЧ. Да, я слышал.

РИНА уходит.

V

МАРИЧ, потом Мария. МАРИЧ поднимает голову и смотрит вслед Рине. Убедившись, что она закрыла дверь, подходит к телефону и ищет в телефонной книжке номер.

Мария (*входит*). Надсмотрщик с постройки.

МАРИЧ. АЛЕША? Пусть войдет!

Мария пропускает Алешу и уходит.

VI

МАРИЧ, АЛЕША.

МАРИЧ. В чем дело, АЛЕША? Там все в порядке?

<p>ALJOŠA: Da, gospodin inženjer. PAVLE: A što si napustio posao? ALJOŠA: Ja čekaо vas tamo, mislim doći ćete kao obično, kao svako jutro, pa kad niste došli... PAVLE: A jesam li vam potreban? ALJOŠA (<i>zbunjeno</i>): Ja mislio vi dođete, pa kad niste došli... PAVLE: Govorite dakle šta je zašto ste me čekali? ALJOŠA: Gospodin inženjer! Ja vama mnogo blagodaran, beskonječno blagodaran. Vi bili moj otac, dobri, velikodušan otac. Pre tri godine vi mene primili u službu... PAVLE: Ali našto toliko blagodarnosti! Vi ste dobar radnik zadovoljan sam sa vama pa svršena stvar. ALJOŠA: I zato mene žal, neizmerno je ti i ja se bojim da vas ne uvredim. To ne bih hteo, ne bih hteo da vas uvredim. PAVLE: Čudno mi izgledate, Aljoša. Vi kao da bi hteli nešto da mi kažete, pa ne smete? Da biste nezadovoljni platом? ALJOŠA: Ah, ne, gospodine! PAVLE: Da nam nije težak posao? ALJOŠA: Ne, ne, ne! PAVLE: Dakle, šta je? ALJOŠA: Došao sam da vam blagodarim za sve što ste za mene učinili i da vas zamolim da primite moj otkaz. PAVLE: Otkaz? Našli ste bolje mesto? ALJOŠA: Ne to. Ni za bolje mesto, nju za bolju platu ne ostavim, ali, ali... PAVLE: Onda ste bolesni? ALJOŠA (<i>vrti glavom ne podižući oči</i>): Njet! PAVLE: No, pa recite šta je? ALJOŠA: Ja moram, ja moram da vam kažem, ja ne mogu da od vas krijem. (<i>pauza, lomi se i najzad diže glavu</i>) Vi znate moju Lidočku? PAVLE: Vašu gospođu? ALJOŠA: Da! PAVLE: Čini mi se da sam je video jedanput kad je dolazila k vama na građevinu. Koliko se sećam, lepa i prijatna ženica. ALJOŠA: Ona mene ostavila. PAVLE: Napustila vas? ALJOŠA: Da. Bio je tu pevač, operски pevač, Piserkovski. PAVLE: Rus? ALJOŠA: Ne Rus, Poljak. On je gostovao ovde... PAVLE: On vam je odveo ženu? ALJOŠA: Ona meni kazala mnogo voli njega, ne može bez njega. Kazala mi zbogom, ja plakao, ona otišla. PAVLE: To je skoro bilo? ALJOŠA: Pre tri meseca!</p>	<p>АЛЕША. Да, господин инженер! МАРИЧ. Вы увеличили количество рабочих на земляных работах? АЛЕША. Да, я взял еще шесть рабочих. МАРИЧ. Цемент перевозится? АЛЕША. Да, господин инженер. МАРИЧ. А почему вы ушли с работы? АЛЕША. Я ждал вас, думал, придете, как обычно, как приходили каждое утро, но вы не пришли... МАРИЧ. А я вам нужен? АЛЕША (<i>смущено</i>). Я думал, вы придете, но так как вы не пришли... МАРИЧ. Говорите же, в чем дело? Зачем вы меня ждали? АЛЕША. Господин инженер! Я вам очень благодарен, бесконечно благодарен. Вы были моим отцом, добрым, великодушным отцом. Три года назад вы приняли меня на службу... МАРИЧ. К чему столько благодарностей! Вы хороший работник, я вами доволен, вот и все. АЛЕША. И потому мне жаль, неизмеримо жаль, и я боюсь вас обидеть. Этого мне не хотелось бы, я не хотел бы вас оскорбить... МАРИЧ. Вы кажетесь мне каким-то странным, АЛЕША. Как будто хотите что-то сказать и не осмеливаетесь. Может быть, вы недовольны жалованием? АЛЕША. Ах, нет, господин инженер! МАРИЧ. Может быть, работа для вас тяжела? АЛЕША. Нет, нет, нет! МАРИЧ. Так в чем дело? АЛЕША. Я пришел поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали, и попросить принять мой отказ. Мар и ч. Отказ? Вы нашли лучшее место? АЛЕША. Нет, не то. Ни на лучшее место, ни на лучшее жалование я не променял бы работу у вас... но, но... МАРИЧ. Значит, вы больны? АЛЕША (<i>не поднимая глаз, отрицательно качает головой</i>). Нет! МАРИЧ. Ну, так скажите, что? АЛЕША. Я должен, я должен вам сказать, я не могу от вас скрывать. (<i>Пауза, мнется, затем поднимает голову.</i>) Вы знаете мою Лидочку? МАРИЧ. Вашу жену? АЛЕША. Да! МАРИЧ. Кажется, я ее как-то раз видел, она приходила к вам на стройку. Насколько помню, красивая и приятная женщина.</p>
---	--

PAVLE: Još pre tri meseca? No pa to je dovoljno vremena vi ste se izvesno dosad izmirili sa takvim stanjem?

ALJOŠA: Ne, gospodin inženjer, ja ljubim Lidočku, ja mnogo ljubim Lidočku.

PAVLE: Ali kad ona vas ne voli?

ALJOŠA (*uzdiše*).

PAVLE: Ne razumem zašto toga radi otkazujete hoćete li da otputujete za njom?

ALJOŠA: Ne to. Ja ne hoću da joj kvarim sreću ona tako srećna tamo sa njim. Zašto da joj kvarim sreću?

PAVLE: A mislite da je srećna?

ALJOŠA: Da, ona meni piše, piše da je srećna, al' opet ja moram da pomognem.

PAVLE: Novčano.

ALJOŠA: A ne ima, ima ona. Ali, jel' dozvolite da vam pročitam pismo koje sam juče od nje dobio?

PAVLE: A odakle piše?

ALJOŠA: Iz Berlina. On tam ima angažman

PAVLE: A šta vam piše?

ALJOŠA (*razvije pismo*): Piše ruski.

PAVLE: Razumeću toliko.

ALJOŠA (*četa*): »Miljenki moj... « (*zastidi se*)

Oprostite, to nežnost...

PAVLE: Čitajte samo!

ALJOŠA (*čita*): »Mnje zdjes očenj harašo, ja savsem sčastljiva.« (*govori*) Sčastljiva, to je srećna. (*čita*) »Dorogoj moj Andruša, každim dnjem boljše menja ljubit.« (*govori*) On je svaki dan sve više voli. (*čita*) »On očenj laskovij ko mne smotrit na menja kak na obraz.« (*govori*) Čuva je kao ikonu. (*čita*) »Ja sčastljiva, ja sčastljivejšaja ženčina na svjetje.« (*govori*) Ona najsrećnija žena na svetu. (*čita*) »Mojo sčastije odno obstojateljstvo trevožit.«

PAVLE: To ne mogu da razumem.

ALJOŠA: Kaže, njenoj sreći samo jedno smeta. (*čita*) »Ja znaju što ti svjo vremena dumaješ oko mne.« (*govori*) Zna da ja stalno mislim na nju. (*čita*) »Jesli bi i ti ne dumal obo mnje, moja sčastije bilo bi v dvojne boljše.«

PAVLE: Kad vi ne bi mislili na nju, ona bi bila dvaput srećnija.

ALJOŠA: Da! (*čita*) »3delaj odolženije, prestanj dumat obo mnje, etim zdelaješ menja sčastljivejšej ženščinoj na svjete.«

PAVLE: Ako prestanete misliti na nju, učinićete da bude najsrećnija žena na svetu.

ALJOŠA (*čita*): »Do groba ljubaščaja tebja Lidočka.«

PAVLE: Dakle, šta u stvari hoće ta žena koja vas do groba voli?

ALJOŠA: Hoće da ja ne mislim na nju.

PAVLE: No, pa to joj možete učiniti. Pišite joj da više

АЛЕША. Она меня бросила.

МАРИЧ. Бросила?

АЛЕША. Да. Здесь был один певец, оперный певец. Пиерковский.

МАРИЧ. Русский?

АЛЕША. Нет, поляк. Он был здесь на гастролях...

МАРИЧ. Он увез у вас жену?

АЛЕША. Она мне сказала, что очень его любит, не может без него жить. Попрощалась со мной... Я плакал, она уехала.

МАРИЧ. Давно это произошло?

АЛЕША. Три месяца назад.

МАРИЧ. Еще три месяца назад? Ну, тогда срок достаточный. Вы, вероятно, за это время уже смирились со своим положением?

АЛЕША. Нет, господин инженер, я люблю Лидочку, очень ее люблю.

МАРИЧ. Но если она вас не любит?

АЛЕША вздыхает.

Не пойму, зачем же вам тогда отказываться от работы? Вы хотите за ней поехать?

АЛЕША. Нет, не то. Я не хочу разрушать ее счастья; она с ним так счастлива. Зачем ей омрачать счастье!

МАРИЧ. А вы думаете, она счастлива?

АЛЕША. Да, она так пишет. Пишет, что счастлива. Но все равно я должен ей помочь.

МАРИЧ. Деньгами?

АЛЕША. Нет, деньги у нее есть. Позвольте прочесть вам письмо, полученное мною вчера?

МАРИЧ. А откуда она пишет?

АЛЕША. Из Берлина. У него там ангажемент.

МАРИЧ. И что она вам пишет?

АЛЕША (*развертывает письмо*). Она пишет по-русски.

МАРИЧ. Я немного пойму.

АЛЕША (*читает*). «Миленький мой...» (*Застеснявшись.*) Простите, это нежность...

МАРИЧ. Читайте, читайте!

АЛЕША (*читает*). «Мне здесь очень хорошо, я совершенно счастлива. Мой дорогой Андруша с каждым днем любит меня все больше. Он очень ласков со мной; смотрит на меня как на божество. Я счастлива, я счастливейшая женщина в мире. Мое счастье тревожит лишь одно обстоятельство».

МАРИЧ. Здесь я не понял.

АЛЕША. Она говорит, ее счастьем мешает только одно... (*Читает.*) «Я знаю, ты все время думаешь обо мне». (*Прерывает чтение.*) Знает, что я постоянно о ней думаю. (*Читает.*) «Если бы ты обо мне не думал, мое счастье было бы вдвое большим».

nećete misliti na nju.

ALJOŠA: Ne mogu, ne mogu! Ja ne mogu da ne mislim na nju ja hoću da je načinim najsrećnijom ženom na svetu. Zašto da ne bude srećna? Ne možemo ni ja ni ona da budemo srećni, pa neka bar ona bude, neka ona bude.

PAVLE: Pa kako vi to mislite učiniti je srećnom?

ALJOŠA: Ja tek moram misliti na nju. Ja nju ljublju. Ja moram misliti na nju... mrtav neću misliti.

PAVLE: Kako mrtav?

ALJOŠA: Ja napisal njoj.

PAVLE: Šta ste joj napisali?

ALJOŠA: Ja napisal kad ovo pismo primiš, mene će pokrivat talasi Dunava i tada neću više misliti na tebe.

PAVLE: Šta govorite, čoveče kakvi talasi, kakav Dunav?

ALJOŠA: Ja tak napisal.

PAVLE: Jeste li vi takvo pismo napisali?

ALJOŠA: Da, i zato sam došao da se vama izvinim, da se oprostim, da vam blagodariam.

PAVLE: Šta vi to govorite, Aljoša?

ALJOŠA (*vadi iz džepa papire*): Ovo su naplaćeni računi za pesak sa prevozom, ovo je nov ugovor sa cigljarem, potpmean je, ovo su priznanice za plaćene uredske takse, ovo je vaša građevinska legitimacija !Ja koju ste mi dali zbog licitacije...

PAVLE (*prekida ga*): Zadržite si, Aljoša, sve te papire, kod vas, ne ide se tako u smrt kako vi to zamišljate. Zar se za ljubav žene koja vas je izneverila ide u smrt? Naprotiv, baš u tom slučaju valja živeti, valja postojati. Ako joj uspavate savest, smejaće se vašoj smrti ne moj Aljo la, ne ide se u smrt za ljubav neverne žene.

ALJOŠA: Ne mogu!

PAVLE: Ne smete biti tako slabi.

ALJOŠA (*hteo bi da oponira*).

PAVLE (*prekida ga*): Neće biti to samo to pismo.

Aljoša, kod vas se sabralo i mnogo drugih mutnih osećanja, a četiri meseca napornog rada na građevini izmorili u vam živce. Ima tu i malo nostalgije za zavičajem. Dok je bila kraj nas Lidočka, ispunjavali ste dušu osećajima prema njoj ostali ste sada usamljeni, prazne duše i naišla je opet nostalgija i ispunila je. Sve je to vrlo razumljivo i, verujte, sve se to da preboleti.

ALJOŠA (*vrti glavom poričući*): Njet!

PAVLE: Slušajte vi mene, Aljoša, čovek se podaje ženskim ćudima biva to i biće. Svi smo mi slabi, ali ne dotle da tim ljudima žrtvujemo i svoju sudbinu. To samo malodušnici čine, a mi to ne smemo biti. Zar se u slučaju bure brodolomnik mirno predaje talasima? Ne, on grabi pojas za spasavanje i hita obali da stane

МАРИЧ. Если бы вы о ней не думали, она была бы в два раза счастливее?

АЛЕША. Да! (*Читает.*) «Сделай одолжение, перестань обо мне думать, этим ты сделаешь меня счастливейшей женщиной в мире».

МАРИЧ. Если вы перестанете о ней думать, она будет самая счастливая женщина на свете?

АЛЕША. Да. (*Читает.*) «До гроба любящая тебя Лидочка».

МАРИЧ. Чего же, в сущности, хочет эта женщина, любящая вас до гроба?

АЛЕША. Хочет, чтобы я о ней не думал.

МАРИЧ. Ну, это-то вы можете для нее сделать.

Напишите ей, что вы больше о ней не будете думать.

АЛЕША. Не могу, не могу! Я не могу о ней не думать. Мне хочется сделать ее самой счастливой женщиной в мире. Почему бы ей не быть счастливой? Не можем быть счастливы оба, пусть будет счастлива она, пусть она.

МАРИЧ. Как же вы думаете сделать ее счастливой?

АЛЕША. Я не могу о ней не думать. Я люблю ее, я не в силах не думать о ней, но... мертвый я о ней думать не буду.

МАРИЧ. Как – мертвый?

АЛЕША. Я ей так написал.

МАРИЧ. Что вы ей написали?

АЛЕША. Я написал: «Когда ты получишь это письмо, меня уже скроют волны Дуная, и я больше не буду о тебе думать».

МАРИЧ. Что вы, брат, говорите? Какие волны, какой Дунай?

АЛЕША. Я так написал.

МАРИЧ. И послали такое письмо?

АЛЕША. Да, потому-то я и пришел к вам извиниться, проститься и поблагодарить вас.

МАРИЧ. Что вы говорите, АЛЕША?

АЛЕША (*вынимает из кармана бумаги*). Это неоплаченные счета за песок и перевозку; это новый договор с поставщиком кирпича, он подписан; это квитанции за взносы по социальному страхованию; это ваше удостоверение на право строительства, данное мне вами для заключения подряда.

МАРИЧ (*перебивая его*). Оставьте все эти бумаги у себя, АЛЕША. Так, как вы себе это представляете, собой не жертвуют. Да разве из-за любви к женщине, изменившей вам, можно жертвовать собой? Наоборот, именно в этом случае и следует жить, существовать. Если вы усыпите в ней совесть, она будет смеяться над вашей смертью.

nogom na čvrsto tle! Verujte, to je kod vas, kao što vam rekoh, umor živaca, razočaranje i nostalgija. Slušajte, Aljoša, oslobađam vas danas rada, pa i sutra odmorite se!

ALJOŠA (*odbijajući*): Ah!

PAVLE: Slušajte vi mene provedite se malo, razvedrite se i sve će to proći. Znam, nemate izlišnih para. (*vadi iz budelara*) Evo vam 500 dinara.

ALJOŠA (*buni se*): Ali, gospodin inženjer.

PAVLE: Smatrajte to kao honorar za prekovremeni rad morate to primiti! (*trpa mu u džep*) Pa idite, idite u »Rusku lirku«, u »Kazbek« ili... šta ja znam kako se sve zovu ti vaši lokali. Idite tamo, naći ćete svoje drugove, slušaćete balalajke i čućete pesmu vašeg zavičaja i... zaplakaćete možda, ali te suze leče dušu, verujte, leče je. Tako učinite i videćete kako će sve to proći.

ALJOŠA: Njet, gospodine.

PAVLE: Vi otuda sa severa, iako vas ne greje dovoljno sunce, nekako ste mekani, toplije ste duše, sanjalice ste. Mi nismo, mi smo trezveniji i, ako hoćete, otporniji smo. Zato poslušajte moj savet videćete kasnije da je bio umešan.

ALJOŠA: (*braneći se sam od sebe*): Ne mogu, ne mogu!

PAVLE: Poslušajte me ipak, Aljoša!

ALJOŠA: Ja njoj pisal.

PAVLE: No, pa? Budite mrtvi za nju.

ALJOŠA (*odričući*): Ah!

PAVLE: Bar me danas poslušajte, pa ako vas ne prođe to raspoloženje, ako i sutra ostanete pri toj odluci, onda vaša sudbina biće jača od vas, ja vas ne mogu zaustaviti. Hoćete li da me poslušate bar danas? (*pruži mu ruku*)

ALJOŠA (*pogleda ga u oči i bezvoljno mu daje ruku*).

PAVLE: Tako, tako! Idite malo u društvo, razvedrite se! (*pogleda ga*) Čekajte, ne možete takav. Vi nemate malo bolji kaput? Taj je iscepan i prljav, ne možete takav ići. (*hoće da pođe u sobu*)

ALJOŠA: Ne, gospodin inženjer, ne, ne, ne! Već ade sramota sve na meni je od vas, i kaput, i košulja, i cipele, ne, više ne!

PAVLE: Ta ostavite molim vas! (*ode u sobu i vraća se noseći jedan bolji kaput*) Tako, skinite to!

ALJOŠA: Ne tak, boga radi!

PAVLE: Ta skinite to, kad vam kažem!

ALJOŠA (*skine*).

PAVLE (*pomaže mu da obuče novi*): Tako! Tako! Prebacite te papire, prebacite ih! A svoj kaput? Pa, može možda još poslužiti tamo na građevini. No, sad već izgledate kao čovek koji može pristati u svako društvo. 'Ajde sad, tako kako sam rekao. Sutra kad se sretremo, videćete kako ćete već drugačije

Нет, дорогой мой АЛЕША, нельзя умирать ради любви к неверной женщине.

АЛЕША. Не могу!

МАРИЧ. Не будьте таким слабым!

АЛЕША *хочет возразить*.

(*Перебивая его.*) Здесь дело не только в письме. В вашей душе, АЛЕША, скопилось также много других смутных чувств, а четырехмесячная напряженная работа на стройке расшатала ваши нервы. К этому еще прибавляется тоска по родине. Пока около вас была Лидочка, ваша душа была полна чувств к ней, сейчас, когда вы стали одиноким, душа осиротела, и вами снова овладела тоска по родине. Все это очень понятно. Но, поверьте, это пройдет.

АЛЕША (*отрицательно качает головой*). Нет!

МАРИЧ. Слушайте, АЛЕША, мужчина часто поддается женским прихотям: так было и так будет. У всех у нас бывает слабость, но не значит, что ради их прихотей следует жертвовать собой. Так поступают только малодушные, а мы такими не должны быть. Разве потерпевший кораблекрушение во время бури спокойно отдается волнам? Нет, он хватается за спасательный круг, за обломки и спешит к берегу, чтобы ощутить под ногами твердую почву! Поверьте, это у вас, как я уже сказал, из-за расшатанных нервов, разочарования и тоски по родине. Слушайте, АЛЕША, я освобождаю вас от работы сегодня, ну и завтра... отдохните!

АЛЕША, (*отказываясь*). Ах, нет!

МАРИЧ. Послушайте меня: развлекитесь немного, проветритесь – и все пройдет. Я знаю, у вас нет лишних Денег. (*Достает из бумажника деньги.*) Вот вам пятьсот динаров.

АЛЕША (*возражая*). Но, господин инженер...

МАРИЧ. Считайте это гонораром за сверхурочную работу. Вы должны их взять! (*Сует деньги ему в карман.*) Ну, идите, идите в «Русскую лиру», в «Казбек», или... не знаю, как там называются ваши рестораны. Идите туда, найдите своих товарищей, послушайте балалайку, песни вашей родины и... может быть, поплачьте: такие слезы лечат душу, поверьте, лечат. Последуйте моему совету – и увидите, все у вас пройдет!

АЛЕША. Нет, господин инженер.

МАРИЧ. Вы оттуда, с севера, и если солнце вас недостаточно греет, вы как будто обмякаете. У вас душа теплее, вы мечтатели. Мы не такие, мы трезвее и, если хотите, выносливее. Поэтому послушайте моего совета. Позже увидите, как я

gledati na život.

ALJOŠA (*uvijajući svoj stari kaput, iz kojega je preneo papire umotane u novine*): Samo znate, ja sam pisal... (*odlazi*)

VII

PAVLE, RINA

PAVLE (*vraća se i zaviruje najpre na vrata gde je Rina, pa kao da je opazio nešto ili čuo pokret, odlazi brzo mestu gde je u početku čitao knjigu, seda i prividno se zadubljuje u knjigu*).

RINA (*dolazi iz svoje sobe obučena za izlaz, upućuje se izlaznim vratima, i ne osvrće se ni jednim pogledom na Pavla*).

PAVLE (*kad ona iščezne, digne glavu, posle izvesne pauze diže se i zvoni*).

был прав.

АЛЕША (*борясь с собой*). Не могу, не могу!
МАРИЧ. Послушайтесь в конце концов моего совета, АЛЕША!

АЛЕША. Я ей написал.

МАРИЧ. Ну и что же? И будьте для нее мертвым.

АЛЕША (*качает головой*). Ах, нет!

МАРИЧ. Послушайтесь меня хоть на сегодня; а если у вас это настроение не пройдет, если вы и завтра останетесь при своем решении, значит, судьба сильнее вас, – я вас остановить не смогу. Послушайтесь меня хоть сегодня! (*Протягивает Алеше руку.*)

АЛЕША *смотрит ему в глаза и безвольно подает руку.*

МАРИЧ. Вот давно бы так! Побудьте немного в дружеском кругу, проветритесь! (*Осматривает его.*) Подождите, так нельзя. У вас нет пиджака получше? Этот слишком потрепан и грязен, так идти нельзя. (*Хочет пойти в комнату.*)

АЛЕША. Нет, господин инженер, нет, нет, нет!

Мне и так стыдно! На мне все ваше: и пиджак, и рубашка, и ботинки. Нет, больше не надо!

МАРИЧ. Ну оставьте, пожалуйста! (*Идет в соседнюю комнату и выносит пиджак.*) Так, снимите этот!

АЛЕША. Ради бога, не надо!

МАРИЧ. Ну, снимите же, говорю вам!

АЛЕША *снимает пиджак.*

(*Пологая ему переодеться.*) Так! Вот так!

Переложите себе эти бумаги, переложите их! А ваш пиджак? Он может еще пригодиться там, на стройке. Ну вот, сейчас вы выглядите человеком, который может появиться в любом обществе. А теперь сделайте так, как я советую. Завтра, когда мы встретимся, увидите, вы будете иначе смотреть на жизнь.

АЛЕША (*свертывает свой старый пиджак, из которого переложил бумаги, завернутые в газету*). Только знаете, я же написал... (*Уходит.*)

VII

МАРИЧ, РИНА.

МАРИЧ *заглядывает в двери комнаты Рины, но, очевидно, услышав или заметив что-то, быстро идет на то место, где читал книгу, садится и делает вид, что углубился в чтение. РИНА, одетая, выходит из комнаты, направляется к выходной двери и, не взглянув на него, уходит. Когда она уходит, МАРИЧ поднимает голову и*

VIII

MARIJA, PAVLE

PAVLE: Gospođa je otišla?

MARIJA: Da!

PAVLE: Slušajte, ma ko da me traži, nisam kod kuće. Razumete li?

MARIJA: Razumem!

IX

LjUBOMIR, ISTI

LjUBOMIR (*u tom trenutku pojavljuje se na vratima noseći jednu veliku knjigu*): Je li slobodno?

PAVLE (*malo zbunjeno i otežući*): Da, da, izvolite! Uđite!

LjUBOMIR (*osećajući nelagodnost koju je izazvao posetom*): Ja nisam imao nameru da vas uznemiravam; hteo sam samo da predam ovu pozajmljenu knjigu devojci, ali je nisam našao. Izvinite molim vas, izgleda da nisam u podesan čas došao. (*ostavi knjigu na sto*)

PAVLE: Ne kažem da ste u najsrećniji čas došli, ali to ne menja ništa za svoga mladog prijatelja ja imam uvek vremena i raspoloženja. (*Mariji*) Idite!

MARIJA (*ode*).

X

LjUBOMIR, PAVLE

LjUBOMIR: Tako mi je neprijatno. (*hoće da pođe*) Ako dozvoljavate.

PAVLE: Ta ostanite kad vam kažem. Zatekli ste me u jednom trenutku uzbuđenja... Uostalom, možda je to baš dobro što ste došli ja... meni je potreban u ovom trenutku prijatelj ja imam potrebe u ovome trenutku da s kim progovorim. Sedite, molim vas!

LjUBOMIR (*sedajući*): Radovao bih se kad bih vam mogao biti od koristi.

PAVLE: Za onoga koji pati i iskreno saučešće je od koristi.

LjUBOMIR (*iznenađeno*): Kako... Vi patite?

PAVLE (*trgne se*): Ne, ne patim... Pa ipak, zašto se zavaravati, ipak patnja je to! (*potreseno*) Mladiću, moja žena me vara! (*trgne se, jer mu se učini nepromišljeno što je poverio to jednom mladom čoveku, učuti i hoda uzbuđeno*.)

LjUBOMIR (*sa iznenađenjem prati ga pogledom*).

PAVLE (*najzad oseti potrebu da se opravda i stane pred Ljubomirom*): Ja ne znam zašto sam vama to

posle neke pauze vstaje i zvoni gorničnoj.

VIII

МАРИЧ, Мария.

МАРИЧ. Госпожа ушла?

Мария. Да.

МАРИЧ. Слушайте, кто бы меня ни спрашивал, меня дома нет. Поняли?

Мария. Поняла!

IX

ЛЮБОМИР, те же.

ЛЮБОМИР (*появляется в дверях, неся большую книгу*). Можно?

МАРИЧ (*немного смущенно, растягивая слова*). Да, да... пожалуйста! Войдите!

ЛЮБОМИР (*чувствуя неловкость, вызванную его приходом*). У меня не было намерения беспокоить вас, я хотел только передать взятую мной книгу гornичной, но не встретил ее. Извините, пожалуйста, кажется я пришел в неподходящее время. (*Кладет книгу на стол*.)

МАРИЧ. Не могу сказать, что вы пришли в самый подходящий момент, но это ничего не меняет; для своего молодого друга у меня всегда найдется и время и настроение. (*Марии*.) Идите!

Мария уходит.

X

ЛЮБОМИР, МАРИЧ.

ЛЮБОМИР. Мне так неудобно. (*Собирается уходить*.) Если разрешите?

МАРИЧ. Да оставайтесь же, говорю вам. Вы застали меня, когда я взволнован... Впрочем, может быть, это и хорошо, что вы пришли. Я... мне сейчас нужен друг, в такую минуту мне необходимо с кем-нибудь поговорить. Садитесь, прошу вас!

ЛЮБОМИР (*сядась*). Рад быть вам полезным.

МАРИЧ. Для того, кто страдает, и искреннее сочувствие полезно.

ЛЮБОМИР (*удивленно*). Как... вы страдаете?

МАРИЧ (*поводя плечами*). Нет, не страдаю... Но, если вас обманывают, – это тоже страдание! (*Взволнованно*.) Молодой человек, моя жена меня

maločas poverio, ali... tako, naišli ste, prek ste naišli, a ja sam imao potrebu da glasno kažem ono što me guši od jutros.

LjUBOMIR: Ne žalite što ste mi se poverili, prijatelju ste poverili. Moje obaveze prema vama nisu tako obične vi znate koliko vas cenim i poštujem. Bio bih srećan kada bih vas mogao utešiti bar.

PAVLE: U svakom slučaju svaka je uteha iluzorna liči na izjavu saučešća koje se porodici umrlog ukazuje.

LjUBOMIR: Pa... ipak. Možda sve to nije tako, možda su vam samo zli ljudi došapnuli ružne stvari!

PAVLE: Da, došapnuli su, to je istina, i ja sam preko tih šaputanja prelazio, ali... *(vadi iz džepa hrpu pisama)* Ovo su pisma njenog ljubavnika izvršio sam razbojničku provalu i pokrao sam ih. Šaputanja su samo nagoveštavala neverstvo, ali mi nisu kazala i ime zavodnika, a ono je tu, tu je u mojim rukama, tu je njegovo ime! *(grčevito gužva u pesnici pisma)* Tu je!

LjUBOMIR *(osećajući se nelagodno, sleže ramenima)*.

PAVLE *(uvek uzbuđen)*: Tu je, ali ja ne smem, nemam hrabrosti da zavirim! Bojim se, potvrdiće se moje slutnje, a to bi bilo užasno. To bi bilo porazno. Bojim se, bojim se istine nije li zar bolje pobeći od istine? Dovoljno je već težak udarac što znam da me vara? *(bori se)* Pa ipak, muči me, mučiće me, mučilo bi me kroz život. Zašto ne bih ispio do dna čašu gorčine koja mi je namenjena? *(otvara pismo i zagleda potpis nov nastup uzbuđenja)* Jeste, on Je! Slutio sam, slutio sam...

LjUBOMIR *(prilazi mu)*: Umirite se! Stišajte se! Sve te stvari u prvome trenutku izgledaju strašnije.

PAVLE: Moj drugo iz detinjstva, moj školski drug, moj ortak u preduzeću, moj nerazdvojni prijatelj....

LjUBOMIR: Gospodin Mozaković!

PAVLE: Da, on, on! Ah, kako je to podlo, kako je to odvratno!

LjUBOMIR *(pauza, neodvažno)*: I šta mislite sad činiti?

PAVLE: Šta? To se i sam pitam. Pitam se, a ne umem da se odlučim.

LjUBOMIR: Svakako ne mislite... ?

PAVLE: Oterati ženu osvetiti se zavodniku? Ah, to ne! Ali šta? Da bih doneo odluku, valja mi najpre preboleti, jer, ipak, ja sam voleo tu ženu, valja mi preboleti to!

LjUBOMIR: Ja vas potpuno razumem, ali nisam kadar i ne pripada mi savetovati vas.

PAVLE: Bojim se da u ovom trenutku uzbuđenja ne donesem prenaplenu odluku. Da mi je da se osamim, da se povučem, da razmislim.

LjUBOMIR: Kad biste otputovali gde na dan-dva?

обманывает! *(Замолкает, – ему кажется, что он необдуманно доверился молодому человеку, – и нервно ходит.)*

ЛЮБОМИР с удивлением наблюдает за ним.

(Чувствуя наконец необходимость оправдаться, останавливается перед ЛЮБОМИРОМ.) Не знаю, почему я вам только что об этом сказал, но... так вышло, вы пришли, появились первым, а мне нужно было во всеуслышание высказать то, что меня гнетет с самого утра.

ЛЮБОМИР. Не сожалеете, что доверились мне, вы доверились другу. Мое отношение к вам не обычное. Вы знаете, как я вас ценю и уважаю. Я был бы счастлив, если бы мог вас хотя бы утешить.

МАРИЧ. В подобном случае всякое утешение иллюзорно: это похоже на соболезнование, приносимое семье умершего.

ЛЮБОМИР. Да... но все же. Может быть, все не так, может быть, злые люди только наговорили вам.

МАРИЧ. Да, наговаривали, правда. Но на их толки я не обращал внимания, однако... *(Вынимает из кармана пачку писем)*. Вот письма ее любовника.

Я, как разбойник, совершил взлом и выкрал их.

Мне намекали на ее измену, но не подсказали имени соблазнителя. А сейчас оно здесь, здесь, в моих руках, здесь его имя! *(Нервно комкает письма.)* Здесь!

ЛЮБОМИР, чувствуя себя неловко, пожимает плечами.

(Так же взволнованно.) Здесь! Но я не решаюсь, мне не хватает смелости заглянуть в них! Боюсь, мое предчувствие подтвердится, а это было бы ужасно! Это было бы невыносимо! Боюсь, боюсь правды! Разве не лучше от правды убежать?

Достаточно тяжелый удар и то, что я знаю, что она мне изменяет. К чему же еще один удар – с кем она изменяет? *(Борется с собой.)* Но все-таки это мучает меня, будет мучить и мучило бы всю жизнь. Почему бы мне не испить предназначенную чашу горечи до дна. *(Открывает письмо и смотрит на подпись. С еще большим волнением.)*

Да, это он! Я предчувствовал, предчувствовал!..

ЛЮБОМИР *(подходит к нему)*. Успокойтесь!

Успокойтесь! Подобные вещи в первый момент всегда кажутся более страшными, чем это есть на самом деле.

МАРИЧ. Мой друг детства, мой школьный товарищ, мой компаньон по предприятию, мой неразлучный друг...

ЛЮБОМИР. Господин НОВАКОВИЧ?

PAVLE: Kad bih otputovao? To bi možda najbolje bilo. (*kratko razmišljanje*) Tako ću učiniti, otputovaću.

LjUBOMIR: Na dva-tri dana.

PAVLE: Ne znam na koliko, ne znam ni kuda u nepoznatom pravcu, na neodređeno vreme. Nemam zasad jasne namere, ali osećam potrebu da se uklonim, da se udaljim, da se osamim, da prebolim. Da ne bih doneo pre nagljenu odluku, jedini je način da pobegnem sam od sebe. Hvala vam, prijatelju, vi ste mi dali dobar savet.

LjUBOMIR: Ako vam je potrebna kakva moja usluga?

PAVLE (*seti se*): Da, dobro pomenuste, mogli biste mi učiniti jednu uslugu.

LjUBOMIR: Molim!

PAVLE (*vadi iz portfelja pasoš*): Da pođete iz ovih stopa i da mi vizirate pasoš za inostranstvo. (*prelistavajući pasoš*) Gle, kakva srećna okolnost! Pasoš je viziran pre šest nedelja, kada sam pomišljao ići na sajam. Ta viza još važi. To je dobro, to je vrlo dobro! (*vraća pasoš u portfe.*)

LjUBOMIR (*hoće da pođe*): Ja ću vas ostaviti.

PAVLE (*pružajući mu ruku*): Računam na vašu diskreciju. (*seti se i trgne ruku*) Čekajte, setio sam se ovoga časa jedne velike usluge, koju biste mi mogli učiniti.

LjUBOMIR: Molim!

PAVLE (*ode u drugu sobu pa se otud vraća sa jednim voluminozним svežnjem rukopisa vezanih između kartona, po obliku fascikula*). Ovo je, mladi prijatelju, moja najveća dragocenost. Sedam punih godina ja radim ovo naučno delo iz oblasti hidrografije, radim ga sa verom da će učiniti naročiti utisak u naučnom svetu.

LjUBOMIR: Zar se i tom granom tehnike bavite?

PAVLE: Da, arhitekta, građevinski inženjer... ali, mene je oduvek vrlo zanimala hidrografija i u slobodnim časovima bavio sam se njome. Hidrografski problem to je opštečovečanski problem tri četvrtine globusa najizrazitijeg zemljišta pokriveno je močvarama, plitkim vodama i vodenim talozima, a prenaseljenost izaziva teške krize i poremećaje u životu naroda! Ja sam pokušao čak da postavim u hidrografiji i nove metode. Ja vam sve to kazujem da vam ukažem na značaj ovoga dela i šta ono za mene predstavlja. Taj rukopis mirno počiva u fioci moga stola, pod ključem ali... ovoga časa me obuze jedna slutnja neće li se moja žena, u mome odsustvu, poslužiti istim metodom kojim sam se ja poslužio prema njoj provaliti fioku na mome stolu i pretraživati ga. Ona neće naći ništa što bi želela, ali možda baš zbog toga neuspeha, u besu, u srdžbi, u pakosti, a

МАРИЧ. Да, он, он! Ах, как это подло, как отвратительно!

Пауза.

ЛЮБОМИР (*несмело*). И что вы думаете теперь делать?

МАРИЧ. Что? Об этом я и сам себя спрашиваю... Спрашиваю, но решить не могу.

ЛЮБОМИР. Во всяком случае, вы не думаете?...

МАРИЧ. Прогнать жену? Отомстить соблазнителью? Ах, нет! Но что же? Для того чтобы принять правильное решение, мне нужно прежде всего переболеть, ведь я все-таки любил эту женщину! Да, мне нужно перестрадать.

ЛЮБОМИР. Я вас вполне понимаю, но не могу и не вправе советовать.

МАРИЧ. Боюсь, как бы в такой горячий момент не принять слишком поспешного решения. Мне нужно уединиться, уйти от всего, поразмыслить.

ЛЮБОМИР. Может быть, вам отлучиться куда-нибудь на день-другой?

МАРИЧ. Уехать? Пожалуй, это было бы лучше всего. (*После короткого размышления.*) Так я и сделаю, уеду.

ЛЮБОМИР. На два-три дня?

МАРИЧ. Не знаю на сколько и не знаю куда... В неизвестном направлении, на неопределенное время. Пока у меня нет ясного намерения, но я чувствую необходимость уйти, удалиться, уединиться и перестрадать. Для того чтобы не принять слишком поспешного решения, лучший способ – убежать от самого себя. Спасибо вам, друг, вы дали мне хороший совет.

ЛЮБОМИР. Может быть, вам понадобится какая-нибудь помощь?

МАРИЧ (*вспомнив*). Да, хорошо, что напомнили, вы действительно могли бы оказать мне одну услугу.

ЛЮБОМИР. Пожалуйста!

МАРИЧ (*внимает из портфеля паспорт*). Сходите поскорее и поставьте визу на выезд за границу. (*Перелистывает паспорт.*) Смотрите, пожалуйста, какое счастливое обстоятельство! Паспорт уже завизирован шесть недель назад, когда я думал ехать на ярмарку. Виза еще действительна. Это хорошо, это очень хорошо! (*Кладет паспорт обратно в портфель.*)

ЛЮБОМИР (*собираясь уходить*). Я пойду.

МАРИЧ (*протягивая ему руку*). Рассчитываю, что вы будете держать это в тайне? (*Что-то вспомнив, отнимает руку.*) Подождите, я только что подумал, вы могли бы оказать мне одну великую услугу.

znajući koliko ja cenim ovaj rukopis, može doći na paklenu misao da iz osвете izvuče Jedan, dva, tri lista.

LjUBOMIR: Ah!

PAVLE: O, u pakosnome besu žene su kadre da učine najnerazmršenija dela. Ja bih hteo da obezbedim ovaj rukopis poveravam ga vama.

LjUBOMIR (*iznenaden poverenjem*): O, gospodine!

PAVLE (*daje mu ga*): Poveravam ga vama znate mu vrednost pa ćete ga umeti čuvati.

LjUBOMIR: Budite uvereni, čuvaću ga kao oči u glavi.

PAVLE: Tako, a sad zbogom!

LjUBOMIR: Zbogom! (*ode*)

XI

PAVLE (*sam, zove telefonom*): Alo... Alo! Radić i Todorović? Ko je na telefonu? To ste vi, gospodine Petre? Ovde inženjer Marić. Hteo sam da vas obavestim da izvesno vreme neću biti ovde međutim, kroz dva dana je rok vašem potraživanju. Obratite se dakle mome ortaku gospodinu Novakoviću on ovlašćeno potpisuje firmu kao i ja, a tekući je račun na firmi... da, da, obratite se njemu.

ЛЮБОМИР. Пожалуйста!

МАРИЧ (*уходит в другую комнату и возвращается с рукописью в папке*). Это, мой юный друг, моя самая большая драгоценность. Целых семь лет я работаю над этим научным трудом в области гидрографии. Работаю, веря, что он произведет большое впечатление в научном мире.

ЛЮБОМИР. Разве вы занимаетесь этой отраслью техники?

МАРИЧ. Да, я архитектор, инженер-строитель... Но меня всегда очень интересовала гидрография, и в свободные часы я занимался ею. Проблема гидрографии – общечеловеческая проблема. Три четверти земного шара, самой плодородной земли, покрыто болотами, мелководьем и отмелями, а перенаселенность вызывает тяжелые кризисы и смуты в жизни народа! Я даже пытался создать в гидрографии новые методы. Все это я говорю вам, чтобы указать, каково значение этого труда и как он мне дорог. Рукопись спокойно лежит в ящике моего стола, запертого на ключ, но... сейчас меня охватило сомнение – вдруг моя жена прибежит к такому же методу, какой использовал я в отношении ее: взломает ящик стола и все перероет. Она не найдет ничего, что ей хотелось бы найти, но, может быть, из-за этой неудачи в приступе бешенства и злобы – она знает, как я ценю эту рукопись, – ей может прийти в голову дьявольская мысль вырвать в отместку один, два, три листка.

ЛЮБОМИР. Ах!

МАРИЧ. В порыве бешенства женщины способны совершать самые необдуманные поступки. Мне хотелось бы сохранить эту рукопись, и я доверяю ее вам.

ЛЮБОМИР (*удивленный таким доверием*). О господин инженер!

МАРИЧ (*подает ему рукопись*). Доверяю вам, вы знаете ее ценность и сумеете ее сохранить.

ЛЮБОМИР. Уверяю вас, буду хранить ее, как зеницу ока!

МАРИЧ. Ну так, а теперь прощайте!

ЛЮБОМИР. До свидания! (*Уходит.*)

XI

МАРИЧ один.

МАРИЧ (*звонит по телефону*). Алло... Алло! Это контора фирмы «Радич и Тодорович»? Кто у телефона? Это вы, господин Петр? Говорит

XII

MARIJA, PAVLE

MARIJA (*dolazi*): Gospodin Novaković.

PAVLE (*trgne se i uzruja*): On?

MARIJA: Ja sam rekla da vi...

PAVLE: Ne, ne, neka uđe, pustite ga!

MARIJA (*povlači se*).

XIII

NOVAKOVIĆ. PAVLE

NOVAKOVIĆ (*nailazi vrlo ljubazno*): Dobar dan, bio sam na građevini, pa vidim nema te. Rekoh da nisi što slab, te dođoh...

PAVLE (*jedva se savlađuje*): Nisi ti bio na građevini niti si pomislio da sam ja slab, već te je moja žena poslala ovamo. Došla ti je maločas hitno i saopštila ti da sam ja izvršio provalu i da je vaša zajednička tajna otkrivena. Poslala te, izvesno, da ispitaš situaciju.

NOVAKOVIĆ: O kakvim ti to tajnama govoriš! Ja to ne razumem.

PAVLE (*približi mu se i unese u lice*): Nevaljalče!

NOVAKOVIĆ (*uvređeno*): Šta to znači?

PAVLE: Znači da si ti nevaljalac i nitkov!

NOVAKOVIĆ: Ja ne dozvoljavam da tako sa mnom govoriš!

PAVLE: Imaš pravo, i ja uviđam da bi s tobom trebalo drugače govoriti, ali... uzdržavam se i progovorićemo već! Dajem ti reč da ćemo progovoriti!

NOVAKOVIĆ (*pošto se malo približio*): Pa dobro, Pavle, govorimo otvoreno o stvari.

PAVLE: Ako ti misliš da je to otvoren razgovor što ćeš mi učiniti priznanje, onda se varaš. Meni tvoje priznanje nije potrebno.

NOVAKOVIĆ: Ne priznanje, ali možda opravdanje.

PAVLE: Zar nevaljalstvo ima opravdanja?

NOVAKOVIĆ: Ti si nesumnjivo u pravu, uvređen si, ugroženo ti je samoljublje.

PAVLE: Čast!

NOVAKOVIĆ: Samoljublje!

PAVLE: Neka je dakle i samoljublje, ali otkud ti, otkud tebi pravo da mi ga razaraš?

NOVAKOVIĆ: Bože moj, Pavle, zar ti nisi kadar trezvenije da gledaš na život? To je život, takav je život! Tako je to otkako je sveta i veka. Ti si zauzet poslovima, odlaziš u ranu zoru na građevinu, ručaš s nogu, vraćaš se s večeri umoran, pa i takav sav se posvećuješ knjizi i nekakvim paučnim radovima. Nisi kadar da posvetiš ženi ni nekoliko ljubaznih reči. Žena

инженер МАРИЧ. Я хотел сообщить вам, что я некоторое время буду отсутствовать, а между тем через два дня срок моего платежа. Обратитесь по этому делу к моему компаньону господину НОВАКОВИЧу, он также представляет нашу фирму, а текущий счет на имя фирмы... Да, да, обратитесь к нему.

XII

МАРИЧ, Мария.

Мария (*входит*). Господин НОВАКОВИЧ.

МАРИЧ (*взволнованно*). Он?

Мария. Я сказала, что вы...

МАРИЧ. Нет, нет, пусть войдет, впустите его!

Мария уходит.

XIII

МАРИЧ, НОВАКОВИЧ.

НОВАКОВИЧ (*входит, очень любезно*). Добрый день! Я был на стройке, вижу, тебя нет. Подумал, может быть, ты нездоров, и пришел...

МАРИЧ (*едва сдерживаясь*). Ни на какой стройке ты не был и вовсе не думал, что я болен, а тебя послала сюда моя жена. Она прибежала к тебе и сообщила, что я совершил взлом и ваша общая тайна открыта. Она направила тебя выяснить ситуацию.

НОВАКОВИЧ. О каких тайнах ты говоришь? Я что-то не понимаю.

МАРИЧ (*подходит к нему вплотную*). Негодяй!

НОВАКОВИЧ (*оскорбленный*). Что это значит?

МАРИЧ. Это значит, что ты негодяй и подлец!

НОВАКОВИЧ. Я не позволю тебе со мной так говорить!

МАРИЧ. Ты прав, я вижу, с тобой следовало бы говорить иначе, но... сдерживаюсь! Мы еще поговорим! Даю тебе слово, поговорим!

НОВАКОВИЧ (*немного приблизившись*). Ну хорошо, Павле, поговорим откровенно.

МАРИЧ. Если ты думаешь, что откровенный разговор заключается в твоём признании, ты ошибаешься. Мне твоё признание не нужно.

НОВАКОВИЧ. Не признание, а, может быть, оправдание.

МАРИЧ. Разве подлость имеет оправдание?

НОВАКОВИЧ. Ты, несомненно, прав, ты оскорблен, задето твоё самолюбие.

МАРИЧ. Честь!

međutim mlada, koli život, zahteva pažnju, usrdnost.
PAVLE: I to će sve postići razarajući brak, i to će sve postići sramnom saradnjom moga druga, prijatelja u poslu.

NOVAKOVIĆ: Ja ili ko drugi, to ne menja stvar. Ja sam slučajno imao dovoljno vremena; imao sam možda i načina da joj ukažem pažnju...

PAVLE: I dovoljno podlosti da zaboraviš na sve obzire.

NOVAKOVIĆ: Ne vidim zašto tebe to sve toliko uzbuđuje? Ima slučajeva sa kojima se čovek mora miriti u životu. Uporstvo u ovakvom slučaju je pravo divljaštvo...

PAVLE (*plane gnevom na ovaj cinizam, odjuri i otvara vrata, dohvati stolicu i zamahne njome*):

Napolje! Napolje!

NOVAKOVIĆ (*polazeći*): Divljaštvo, zar ne?

PAVLE: Napolje!

NOVAKOVIĆ (*udaljava se*).

XIV

PAVLE, MARIJA

PAVLE (*pošto se stiša od uzbuđenja, zvoni*).

MARIJA (*ulazi*).

PAVLE: Marija, spremite rublje, odvojite ono plavo odelo i sve drugo što je potrebno.

MARIJA: Hoće gospodin na put?

PAVLE: Da!

MARIJA: Na duži put?

PAVLE (*nervozno*): Otkuda ja to znam?

MARIJA: Pitam zbog kofera, 'oću li onaj veći ili... ?

PAVLE: Nemojte nijedan, ne treba li! Neću nijednu maramicu da iznesem iz ove kuće... Ne treba mi!

MARIJA: Kako gospodin želi.

PAVLE: Ne treba mi ništa. Idite, zvaću vas!

MARIJA (*odlazi*).

XV

PAVLE, RINA

PAVLE (*jedan trenutak razmišlja, zatim izvadi iz*

НОВАКОВИЧ. Самолюбие!

МАРИЧ. Пусть самолюбие, но откуда у тебя право оскорблять его?

НОВАКОВИЧ. Боже мой, Павле, неужели ты не способен смотреть на вещи более трезво? Такова жизнь! Так водится с испокон веков. Ты занят делами, уходишь спозаранку на стройку, обедаешь на скорую руку, возвращаешься вечером усталый, да еще в таком состоянии берешься за книгу и какие-то научные труды. Тебе некогда сказать жене хоть пару ласковых слов. Между тем жена твоя молода, любит жизнь, требует внимания, сердечности.

МАРИЧ. И все это она получает, нарушая брак! И притом, совершая это при позорном соучастии моего товарища, друга, компаньона!

НОВАКОВИЧ. Я или кто-нибудь другой, это дела не меняет. Случайно у меня оказалось достаточно времени, а может быть, и должного внимания...

МАРИЧ. И достаточно подлости, чтобы пренебречь всем.

НОВАКОВИЧ. Не понимаю, почему все это тебя так волнует? В жизни бывают случаи, с которыми человек должен мириться. Упорство в таких явлениях – настоящая дикость...

МАРИЧ (*взбешенный его цинизмом, подбегает к двери, распахивает ее, хватая стул и замахивается*). Вон! Вон!

НОВАКОВИЧ (*уходя*). Дикость! Разве это не дикость?!

МАРИЧ. Вон!

НОВАКОВИЧ *уходит*.

XIV

МАРИЧ, Мария.

МАРИЧ, *успокоившись, звонит. Входит Мария*.

МАРИЧ. Мария, приготовьте белье, положите синий костюм и все остальное, что необходимо.

Мария. Господин собирается в дорогу?

МАРИЧ. Да!

Мария. Надолго?

МАРИЧ (*нервно*). Да откуда я знаю?

Мария. Я спрашиваю вас из-за чемодана, приготовить тот, большой, или?...

МАРИЧ. Не надо, никакого мне не надо! Я не хочу выносить из этого дома даже платка... Не надо мне!

Мария. Как желаете, сударь.

МАРИЧ. Ничего мне не надо. Идите, я вас позову!
Мария уходит.

džepa sva pokradena pisma, zgužva ih i baci sa odvratnošću na pod).

RINA (dolazi i upućuje se pravo njemu staje pred njim, ali bez hrabrosti i onoga ponosa koji je ranije imala): Ja bih htela, Pavle, da se objasnim s tobom.

PAVLE: Žalim, ali ja nemam za to dovoljno vremena ja ovoga časa putujem.,

RINA: Kuda?

PAVLE: U neodređenom pravcu.

RINA: Na duže vreme?

PAVLE: To ne znam, ali bolje računati na duže, na vrlo dugo vreme.

RINA (prestravljeno): Znači li to...?

PAVLE (polazeći): To znači da ja putujem. {ode naglo, zalupnuvši vrata za sobom i ne osvrćući se}

RINA (sagledav sad tek svu istinu cikne za njim):

Pavle! (klone u stolicu kraj izlaznih vrata i zajeca..)

Zavesa

Prvi čin

(Ukusno nameštena soba Milana Novakovića)

I

NOVAKOVIĆ, RINA

NOVAKOVIĆ (*po svršenom jutarnjem času sedi za stolom malo smučeno, držeći jednu srebrnu kašičicu u ruci i posmatrajući je*).

RINA (*sedi prema njemu u raskošnoj jutarnjoj haljini*): Opet si nešto sumoran, opet neki oblačak. (*ustaje, zađe mu za leđa i zagrli ga*) Nikakav oblačak, hoću da mi je sve vedro.

NOVAKOVIĆ: U srećnom braku uvek je vedro.

RINA: No, a zar naš brak nije srećan? Imaš li da mi prebaciš što?

NOVAKOVIĆ (*brani se odlučno*): Ali ne!

RINA (*ljubi ga*): No, pa onda razvedri se.

NOVAKOVIĆ: To nije ništa, sitnica, ne вреди ni govora.

RINA: Dakle, ipak nešto?

NOVAKOVIĆ: Da, ali beznačajna sitnica.

RINA: Da čujem, hoću da čujem šta je?

NOVAKOVIĆ (*pokazuje na kašičicu*): Vidiš ovaj monogram. Tvoje prezime iz prvog braka. Već dve i

XV

МАРИЧ, затем РИНА.

МАРИЧ мгновение размышляет, потом достает из кармана украденные письма, комкает их и с отвращением бросает на пол.

РИНА (входит и направляется прямо к нему;

останавливается перед ним, но не такая решительная и гордая, как прежде). Я хотела бы объяснить с тобой, Павле.

МАРИЧ. Сожалею, но у меня нет для этого времени. Я сейчас уезжаю.

РИНА. Куда?

МАРИЧ. В неизвестном направлении.

РИНА. Надолго?

МАРИЧ. Не знаю, но лучше считать, что надолго, на очень долго...

РИНА (поражена). Значит ли это?...

МАРИЧ (уходя). Это значит, что я уезжаю.

(Поспешно уходит и, не оглядываясь, захлопывает за собой дверь.)

РИНА (только теперь поняв истинное положение, истерически кричит ему вслед). Павле!

(Опускается на стул подле двери и рыдает.)

Занавес

Действие первое

Со вкусом обставленная комната Милана НОВАКОВИЧА.

I

НОВАКОВИЧ, РИНА.

НОВАКОВИЧ после завтрака сидит за столом и держит в руке ложечку, смущенно рассматривая ее. РИНА сидит напротив него в роскошном пеньюаре.

РИНА. Ты опять мрачный, опять нашла какая-нибудь тучка? (Встает, подходит к НОВАКОВИЧу сзади и обнимает его.) Никаких туч! Я хочу, чтобы для меня всегда было безоблачно.

НОВАКОВИЧ. В счастливом браке всегда бывает

po godine kako smo se uzeli, i ti se tragovi još vuku.
RINA: Ali zaboga, Milane!
NOVAKOVIĆ: Pa da, priznajem i sam da je to sitnica, ali ipak, neprijatno je to svakoga jutro podmetati mi pod nos ovaj monogram, svakog jutra podsećati me na prvog muža.
RINA (*grleći ga, slatko se smeje*): Bože moj! Bože moj! Nikad mi nije ni na kraj pameti palo, a ništa lakše.... (*zvoni*) Zbilja, nikad mi nije ni na pamet palo.

II

ANA, PREĐAŠNJI

ANA (*mlada lepuškasta devojka, uđe*).
RINA (*pokazuje na sto*): Skupite ovo. Slušajte, Ana, ubuduće nećete stavljati više ove srebrne kašičice. Daćete posrebrene iz malog kredenca.
ANA: Da, znam.
RINA (*uzme jednu kašičicu*): A posle, kad ode gospodin u kancelariju, uzećete ovu kašičicu i otići ćete... vi znate onu malu juvelirsku radnju preko puta Kasine, taj je juvelir radio za mene. Otići ćete dakle i zapitaćete ga može li ovih dvanaest kašičica pretopiti i izraditi mi nove.
ANA: Molim! (*dotle bi sve skupila na služavnik i ode*)

III

PREĐAŠNJI, BEZ ANE

RINA: Eto, je l' tako?
NOVAKOVIĆ (*ljubi je*): Kako si ti pažljiva i odlučna!
RINA: Nego! Zar da dozvolim jedna sitnica da mi muti sreću?
NOVAKOVIĆ (*ustajući grli je*): Hvala ti, ta me prosto pretrpavaš dokazima o tvojoj ljubavi.
RINA: Ja to ne činim što hoću da te ubedim u svoju ljubav, već tako osećam, osećam da tako moram da činim.
NOVAKOVIĆ (*ljubi joj ruku*): Zbogom, zlato moje!
RINA: Bože moj, kako sam detinjasta! Ovoga časa pade mi na pamet kako bi to divno bilo da se nisi

безоблачно.
РИНА. А разве наш брак не счастливый? Ты можешь меня в чем-либо упрекнуть?
НОВАКОВИЧ (*решительно обороняясь*). Да нет!
РИНА (*целует его*). Ну, тогда разгони тучи.
НОВАКОВИЧ. Так, мелочь, не стоит даже и говорить.
РИНА. Значит, все же что-то есть?
НОВАКОВИЧ. Да, но совсем ничего не значащая мелочь.
РИНА. Но все-таки, я хочу слышать, что?
НОВАКОВИЧ (*показывает на ложечку*). Видишь эту монограмму: твоя фамилия от первого брака. Вот уже два с половиной года, как мы поженились, а следы прошлого все еще тянутся...
РИНА. Да ты что, Милан!
НОВАКОВИЧ. Я и сам сознаю, что это мелочь, но все же неприятно, когда каждое утро подставляют под нос эту монограмму, каждое утро напоминают о твоём первом муже.
РИНА (*обнимая его, от души смеется*). Боже мой! Боже мой! Мне и в голову никогда не приходило, а, казалось бы, легче легкого... (*Звонит.*) Честное слово, мне даже в голову никогда не приходило.

II

Анна, те же.
Входит Анна, молодая хорошенькая горничная.
РИНА (*показывает на стол*). Заберите! Слушайте, Анна, никогда не подавайте эти серебряные ложечки! Достаньте посеребренные, из маленького буфета!
Анна. Я знаю.
РИНА (*взяв одну ложечку*). А потом, когда господин Милан уйдет в канцелярию, возьмите эту ложечку и пойдите... вы знаете небольшую ювелирную мастерскую напротив казино? Этот ювелир уже делал для меня кое-что. Пойдите и спросите его: может он перелить эти двенадцать ложечек?
Анна. Хорошо! (*Собрало, все на поднос и уходит.*)

III

Те же, без Анны.
РИНА. Ну, так?
НОВАКОВИЧ (*целует ее*). Какая ты внимательная и решительная.
РИНА. Ну, а как же? Разве я позволю, чтобы

primio državne službe pa po ceo dan da sediš kod kuće, pripadaš samo meni i ja samo tebi (*smeje se*)

Detinjasto, zar ne?

NOVAKOVIĆ: Pa ipak, godi mi ta tvoja detinjarija. Zbogom, dušice!

RINA (*grleći ga prati do vrata*): Još nešto. Odavde idi u kancelariju kako hoćeš, putuj ako hoćeš po sata donde, ali na podne, daj mi reč da ćeš na podne brzo, doći kući.

NOVAKOVIĆ: Razume se! Razume se! (*na vratima se poljube i on ode*)

RINA (*još uvek na vratima govori napolje*): Ana, ispratite gospodina!

IV

RINA, ANA

RINA (*ostaje na vratima još neko vreme pozdravljajući rukom, zatim ulazi*).

ANA (*dolazi*).

RINA: Otišao gospodin?

RINA: Otišao.

RINA: Ana, ja odoh da se obučem, a vi se spremite za izlaz. Da, dobro se setih! Kad pođete do juvelira, svratite i u Poenkareovu ulicu do gospođe Slucki, pitajte je: dokle ću čekati taj negliže. Nedelju dana obećava, recite joj, ljutim se!

ANA: Molim!

RINA (*ode u levu sobu*).

V

ANTA, ANA

ANTA (*sredovečan, mršav, ćelav on upada usplahiren, osvrćući se za sobom kao da ga neko goni seda na stolicu i neponuđen*): Ana, čašu vošu vode!

ANA: Molim! (*ode i malo zatim se vrati sa čašom vode*)

ANTA (*ispija naskap*): Hvala! Gde je gospođa?

ANA: Ona se oblači.

ANTA: Oblači? Zar je njoj u ovakvim trenucima do oblačenja?

ANA: Biće brzo gotova!

ANTA: Brzo! Brzo! Ženske se nikad ne oblače brzo.

какая-то мелочь нарушала мое счастье!

НОВАКОВИЧ (*встает и обнимает ее*). Спасибо тебе, ты меня просто забрасываешь доказательствами своей любви.

РИНА. Я это делаю не для того, чтобы убедить тебя в своей любви, а просто чувствую, что я должна так делать.

НОВАКОВИЧ (*целует ей руку*). До свидания, золото мое!

РИНА. Боже мой, сколько во мне еще детского. Сейчас мне пришло в голову, как было бы дивно, если бы ты не служил на государственной службе, а целый день сидел дома и ПРИНАдлежал только мне, а я только тебе. (*Смеется*.) Ребячество, не правда ли?

НОВАКОВИЧ. И все же мне это твое ребячество нравится. До свидания, душечка!

РИНА (*обняв, провожает его до двери*). Да, вот еще что, до канцелярии можешь идти сколько хочешь, хоть целых полчаса, но дай слово, что в полдень поспешишь домой.

НОВАКОВИЧ. Ну, разумеется! Конечно!

В дверях целуются, и он уходит.

РИНА (в дверях, кричит Анне). Анна, проводите господина Милана!

IV

РИНА, Анна.

РИНА еще некоторое время остается в дверях, машет рукой, затем входит в комнату. За ней Анна.

РИНА. Господин Милан ушел?

Анна. Ушел.

РИНА. Анна, я пойду одеться, вы тоже собирайтесь! Да, хорошо, что вспомнила! Когда пойдете к ювелиру, заверните на улицу Пуанкаре к госпоже Слуцкой и спросите, до каких пор я буду ждать халат? Уже неделя прошла, как она обещала. Скажите, что я сержусь.

Анна. Хорошо!

РИНА уходит в комнату налево.

V

АНТА, Анна.

АНТА – средних лет, худой, лысый; он вваливается возбужденный, оглядываясь, как будто за ним кто-то гонится. Садится на стул без приглашения.

(seti se) Uostalom recite mi, Ana, je li gospođa od jutros uzbuđena?
ANA: Kako uzbuđena?
ANTA: Pa znate valjda šta znači to uzbuđena žena, bili ste valjda i vi koji put u životu uzbuđeni?
ANA: Gospođa je sasvim kao obično raspoložena.
ANTA: Nije onako ništa čula što bi je uznemirilo?
ANA: Ne, koliko ja znam, ništa.
ANTA: Idite, zovite je, recite joj stvar je vrlo važna, ne mora baci sva dugmeta zakopčati. Idite?
ANA (ode).

VI

ANTA, ZATIM EVINA I ANA

ANTA (nervozno se kreće u stolici i velikom džepnom maramom briše znoj sa čela i oko vrata).

RINA (obučena, iznenađena, uznemirena): Šta je zaboga, da se nije desilo šur?

ANTA (Ani, koja je dopratila Rinu): Ana još jednu čašu vode!

ANA (izađe).

ANTA: Nije, nije ništa!

RINA: Ali vi ste tako uzbuđeni?

ANTA: Razume se da sam uzbuđen, bićete i vi uzbuđeni kad čujete.

RINA: Dakle, ipak se desilo nešto, govorite, zaboga!

ANA (donosi čašu vode).

RINA (Ani): Udaljite se!

RINA: Govorite, govorite, da nije ko teško bolestan?

ANTA: Ta idite, molim vas, kome je u ovakvim prilikama do toga da bude bolestan.

RINA (prestravljena): Ili... ne daj bože, mrtav možda?

ANTA: Mrtav? Hm, mrtav! Dobro bi bilo, ali u tome i jeste stvar što nije mrtav.

RINA: Ali ko, zaboga, o kome govorite vi? Nemojte me mučiti!

ANTA: Patite li vi od srca?

RINA: Da!

ANTA: E, pa eto vidite, zato i moram stvar da vam saopštim pažljivo i izdaleka.

RINA: Dobro! Samo govorite već jednom.

ANTA: Hoću, ali kažem vam, samo pažljivo. Sedite, molim vas.

RINA {sedne}.

АНТА. Анна, стакан воды!

Анна. Пожалуйста! (Уходит и через некоторое время возвращается со стаканом воды.)

АНТА (выпив до дна). Спасибо! Где госпожа?

Анна. Одевается.

АНТА. Одевается? Да разве в такой момент до одеванья?

Анна. Она скоро будет готова!

Ант а. Скоро! Скоро! Женщины никогда быстро не одеваются. (Вспомнив.) Между прочим, скажите, Анна, госпожа была чем-нибудь взволнована сегодня утром?

Анна. Как взволнована?

АНТА. Ну, вы же знаете, как бывают женщины взволнованы! И вы, вероятно, когда-нибудь в жизни были взволнованы?

Анна. Госпожа в обычном настроении.

АНТА. Она не слыхала ничего такого, что заставило бы ее нервничать?

Анна. Нет, насколько я знаю, ничего.

АНТА. Идите позовите ее, скажите, очень важное дело, не обязательно же застегиваться на все пуговицы. Идите!

Анна уходит.

VI

АНТА, потом РИНА и Анна.

АНТА, нервно ерзая на стуле, вытирает большим носовым платком пот с лысины и шеи.

РИНА (переодетая, взволнованно, с удивлением).

Ради бога, в чем дело? Не случилось ли чего?

АНТА (Анне, сопровождающей Рину). Анна, еще стакан воды!

Анна уходит.

Нет, нет, ничего!

РИНА. Но вы так взволнованы!

АНТА. Конечно, взволнован, вы тоже будете взволнованы, когда услышите.

РИНА. Значит, все-таки что-то случилось?

Говорите же, ради бога!

Анна приносит стакан воды.

(Анне.) Оставьте нас!

Анна уходит.

Говорите, говорите, может быть, кто-нибудь тяжело болен?

АНТА. Да идите вы, кому в такой момент до болезни?

РИНА (с ужасом). Или... не дай бог, может быть, умер?

АНТА. Умер? Гм, умер. Было бы хорошо, если бы

АНТА (kad ona sedne): Čaša vode sve je ovde
РИНА (nestrpljivo, uznemireno): Govorite, govorite!
АНТА: Recite mi, dakle, sećate li se vi svoga devojaštva?
РИНА: Kakvo je to pitanje?
АНТА: Rekao sam vam, moramo izdaleka poći, dakle, sećate li se vi svoga devojaštva?
РИНА: Pa da, zaboga!
АНТА: Vi ste, razume se, pre no što ste postali žena, bili devojka?
РИНА: Ali, gospodine.
АНТА: Znam, hoćete da kažete da se to samo po sebi razume, ali ja hoću samo da konstatujem. Dakle, vi ste udajom prestali biti devojka?
РИНА (uvređeno): Ali, gospodine, ako je šala, vrlo je neukusna. I ja...
АНТА: Budite strpljivi, već prelazimo na samu stvar. Vi ste se udali, lepo, a šta je zatim bilo ?
РИНА: Ostala sam udovica.
АНТА: E, tu sam vas, vidite, čekaо. Taj vaš podatak nije tačan.
РИНА: Kako nije tačan?
АНТА: Čujte, samo dozvolite, ja moram biti obazriv.
РИНА: Ali šta je vama, gospodine Anto, od jutros kakve su sve to zagonetke, kakvi su to razgovori?
АНТА: Strpite se malo, molim vas. Odmah ćemo celu stvar izvesti na čisto. Da vidimo najpre na osnovu čega vi tvrdite da ste udovica? Vaš muž jednog dana naljutio se na vas, napustio je kuću, rekao da ide ne zna gde i ne zna kad će se vratiti. Takav ste iskaz dali pred istražnim organom.
РИНА: Da, tako je!
АНТА: I on je otišao, upravo nestao je. Sutradan nađeno je kraj Dunava njegovo odelo, u kaputu su nađeni njegovi dokumenti, čak i lična legitimacija i stvar je bila jasna. Leš je tek posle šest nedelja nađen daleko niz Dunav, razume se deformisan, ali je utvrđeno da je šest nedelja u vodi, tačno toliko koliko je prošlo od nestanka vašeg muža, zatim inicijali na košulji bili su inicijali vašeg muža i mi smo ga svečано sahranili. Vi ste išli за sandukом, а i ja sam bio на погребу.
РИНА (nestrpljiva): Ali, zaboga, што mi pričate те ствари već hiljadu puta pričane i prepričавane? Dovde mi je došlo ne želim ni da mislim на sve то.
АНТА: Добро, пређимо dakle преко toga! Ali има једна ствар преко које не можемо прећи, а то је шта сте ви урадили када сте остали udovica?
РИНА: Udala sam se.
АНТА: Eh, то је оно, vidite, што сте pogrešili, niste се требали udavati.
РИНА: То је моја ствар, gospodine, i не дозволјавам

умер, но в том-то и дело, что не умер.
РИНА. Ну кто, о ком вы говорите? Не мучьте меня!
АНТА. У вас сердце больное?
РИНА. Да!
АНТА. Ну вот, видите, потому я и должен сообщить вам об этом осторожно, издалека.
РИНА. Хорошо! Но говорите же наконец!
АНТА. Скажу, но предупреждаю вас, могу только осторожно. Сядьте, пожалуйста.
РИНА садится.
(После того, как она села.) Вот вам стакан воды!
РИНА *(с нетерпением, взволнованно)*. Говорите, говорите же!
АНТА. Скажите, вы помните, как вы были девушкой?
РИНА. К чему такой вопрос?
АНТА. Я же сказал вам, что мы должны начать издалека. Итак, помните, как вы были девушкой?
РИНА. Конечно!
АНТА. Прежде чем стать женщиной, вы, разумеется, были девушкой?
РИНА. Ну, знаете ли, сударь!
АНТА. Понимаю, вы хотите сказать, что это само собой разумеется, но я только хочу разобрать все по порядку. Таким образом, после замужества мы перестали быть девушкой?
РИНА *(оскорбленно)*. Но, сударь, знаете ли, если это шутка, то она очень неуместна. И я...
АНТА. Будьте терпеливы, мы уже переходим к сути дела. Ну вот, вы вышли замуж, а что было потом?
РИНА. Я осталась вдовой.
АНТА. Вот этого-то я и добивался. Ваши сведения не точны.
РИНА. Как – не точны?
АНТА. А вот послушайте! Только разрешите, я начну осторожно, издалека.
РИНА. Да что с вами сегодня, господин АНТА? Что за загадки, что за разговоры?
АНТА. Потерпите немного, прошу вас! Сейчас мы выведем все начистоту. Прежде всего посмотрим, на основании чего вы утверждаете, будто вы вдова? Однажды ваш муж, рассердившись на вас, бросил дом и сказал, что уезжает неизвестно куда и неизвестно когда возвратится. Такое показание вы дали перед следственными органами.
РИНА. Да!
АНТА. И он действительно уехал, его не стало. На следующий день на берегу Дуная нашли его одежду. В пиджаке обнаружили его документы и даже удостоверение личности, и все было ясно.

nikome da ulazi u ocenu...

ANTA: Pa ipak, pogrešili ste. Eto baš znam jedan slučaj sa nekom Savetom Tomić. To je jedna čestita, ali sirota žena. Radi tako po kućama i izdržava se.

RINA: Ali, gospodine, ostavite se vi Savete Tomić; kakva vam je Saveta pala na pamet? Upadnete u kuću kao smušen, govorite tajanstveno i u zagonetkama, nervirate me, uzbudite i sad — nekakva Saveta.

ANTA: Nije to zaboga nikakva Saveta, već je to autentično Saveta i, kad budete saslušali, vi ćete se u to uveriti.

RINA (sedne rezignirana): Dakle, govorite!

ANTA: Ta Saveta Tomić izgubila je muža u ratu.

Poginuo je i sahranili ga tamo na frontu. Ona je dobila i zvanično izvešće da je poginuo i prema tome bila je udovica. Kao takva, dakle kao autentična udovica, ona se preuda za nekog konduktera. Dok je bila sama, mučila se pa htela žena da zbrine sebe. I lepo je živela i sa ovim drugim mužem i živela bi verovatno još i dalje, ali jednog dana, posle tri godine, vrati se njen muž iz ropstva.

RINA (pretrne, skoči i gleda ga pravo u oči).

ANTA: I razume se, drugi brak je odmah pao, jer Saveta nije bila udovica kada se udala za drugog muža. I ona morala da se vrati prvom mužu.

RINA (uzbuđena, gleda): Gospodine, da li vas ja razumem?

ANTA: Uzmite malo vode, uzmite, uzmite!

RINA (pokoravajući se nesvesno srkne vodu).

ANTA: Sedite!

RINA (bacajući se u fotelju, očajno krši ruke):

Govorite, tako vam jedinoga boga, govorite?

ANTA: Video sam ga!

RINA (cikne prestrašeno): Koga?

ANTA: Njega!

RINA (očajno): Koga, zaboga?

ANTA: Vašeg prvog muža.

RINA: Ovo je užasno, ovo je mučenje na koje me stavljate! Zašto, zašto ste došli da me mučite, ko vas je poslao? Šta je to što vi govorite, ko vam je takvu ludost ulio u glavu, šta hoćete vi, govorite, šta hoćete?

ANTA: Ja sam ga video.

RINA: Poznajete li vi njega?

ANTA: Kako da ga ne poznajem; ostao sam mu dužan 10000 dinara, bog da ga prosti!

RINA (u najvećem uzbuđenju): To je... to je nemoguće... to vaš bolestan mozak... to je... Gospode bože, ja ću da poludim!

ANTA: Nemojte! to ne smete ovoga časa.

RINA: Ne, to nije istina, recite da nije istina, recite, recite! Il' ako bi bilo istina, ja ne znam, ne umem da mislim.

Труп же нашли только через шесть недель, далеко вниз по Дунаю, и, разумеется, уже изуродованным. Но установлено, что труп находился в воде шесть недель, то есть ровно столько, сколько прошло со дня исчезновения вашего мужа. Кроме того, инициалы на рубашке совпадали с инициалами вашего мужа. После этого мы его торжественно похоронили. Вы шли за гробом. Я тоже был на похоронах.

РИНА (с нетерпением). Ну зачем вы мне рассказываете вещи, уже тысячу раз рассказанные и пересказанные? Я сыта всем этим уже вот так, по горло, и не желаю даже думать об этом.

АНТА. Хорошо, пойдем дальше! Но есть одна вещь, мимо которой пройти нельзя, а именно: что вы сделали, оставшись вдовой?

РИНА. Вышла замуж.

АНТА. Вот то-то и оно! Видите ли, здесь вы совершили ошибку. Вы не должны были выходить замуж.

РИНА. Это мое дело, сударь, и я не позволю никому об этом судить!..

АНТА. И все же вы сделали ошибку. Я знаю один случай с некоей Советой Томич. Это почтенная, но бедная женщина. Она стирает, переходя из дома в дом, и этим живет.

РИНА. Да оставьте вы, сударь, свою Совету Томич! Какая еще Совета пришла вам в голову? Вваливаетесь в дом, как сумасшедший, говорите таинственно, загадками, нервируете меня, выводите из терпения, а теперь вдруг еще какая-то Совета.

АНТА. Да вовсе не какая-то Совета, а похожая на вас по положению Совета. Когда вы выслушаете, убедитесь в этом.

РИНА (подавленная, садится). В таком случае говорите!

АНТА. Эта Совета Томич потеряла на войне мужа. Он погиб на фронте, и его там похоронили. Она получила официальное извещение о его гибели и считала себя вдовой. Будучи таковой, то есть как настоящая вдова, она вышла замуж за какого-то кондуктора. Пока она была одинока, она страшно бедствовала, ну и хотелось женщине себя обеспечить... Она хорошо жила со вторым мужем и, по всей вероятности, жила бы и дальше, но однажды, через три года, возвратился из плена ее муж.

РИНА, вздрогнув, вскакивает со стула и смотрит ему прямо в глаза.

И, разумеется, второй брак моментально стал недействительным, так как Совета не являлась

ANTA: A šta bi tek bilo da vam nisam ovako pažljivo i izdaleka saopštio?

RINA (dočepa nervozno telefon): Alo, alo? Gospodin Novaković? Kako, još nije došao u kancelariju? Vidite, molim vas, to je nemoguće. Nije! (ostavi slušalicu) Oh, bože!

ANTA: Što njega uznemiravate?

RINA: Da s kim ću se savetovati ako ne s mužem? ;

ANTA: Pa jeste, pravo imate!

RINA (opet prilazi telefonu, ali ne markira još brojeve): Slušajte, nemojte mi dozvoliti da pravim uzburu, ako je to šala ili ako ste prevideli...

ANTA: Ali ko bi se time šalio! Mislite valjda meni je prijatno što sam ga video. A video sam ga, nisam ga prevideo. Ristić trgovac stajao baš pred svojom radnjom i užasno se iznenadio kad ga je video. Čovek je prosto prebledeo. Pokojnik mu je prišao, rukovali se i dugo su razgovarali na vratima radnje. Kad su se rastali, ja sam prišao gazda-Ristiću i pitao sam ga: Jel' te, molim vas, koji je to gospodin koji je sada sa vama razgovarao? »То је човек«, вели ми газда Ristić, »kome sam bio na pogrebu, to je inženjer Marić* i sad mi objašnjava kako se sve to moglo desiti.« Eto, tako mi je kazao gazda Ristić koji je lično s njim razgovarao.

RINA: Alo! Alo! Gospodin Novaković? Kako, još nije došao u kancelariju? (nervozno ostavlja slušalicu) То је užasno! То је nemoguće! Ја ćу vas lepo moliti, rođače, da odete lično, to nije daleko, Ministarstvo građevina, da odete, znate on već mora biti tamo, zadržao se možda u kojoj drugoj kancelariji, ali je bez sumnje tamo. Nađite ga pošto-poto i recite mu neka sve ostavi, sve, i neka žuri kući.

ANTA: Та doći će on u kancelariju, doći će за koji čas... Будите strpljivi.

RINA: Ne, ne, ne mogu biti strpljiva, ja ne mogu da izdržim ovo, ne mogu da izdržim, idite, idite, molim vas!

ANTA (ustaje): Dobro! Da pođem!

RINA: Dođite vi sa njim.

ANTA: Da, da, to se razume. (ode)

вдовой, когда выходила за второго мужа. И она была вынуждена вернуться к первому мужу.

РИНА (взволнованная и бледная). Сударь, правильно ли я вас понимаю?

АНТА. Выпейте немного воды, выпейте!

РИНА покорно, безвольно пьет.

Садитесь!

РИНА (падая в кресло, в отчаянии ломает руки).

Говорите, ради бога, говорите!

АНТА. Я его видел!

РИНА (в ужасе вскакивает). Кого?

АНТА. Его!

РИНА (в отчаянии). Кого его?

АНТА. Вашего первого мужа.

РИНА. Это ужасно! На какое мучение вы меня обрекаете! Зачем, зачем вы пришли меня мучить? Кто вас подослал? Что это, что вы болтаете? Кто вам вбил в голову такие глупости! Что вы хотите?

Говорите, что вы хотите?

АНТА. Я сам его видел.

РИНА. А вы его знаете?

Ант а. Как же мне его не знать: я остался ему должен десять тысяч динаров, да простит ему бог!

РИНА (в большом волнении). Это... это невозможно... Это ваше больное воображение...

это... господи боже, я с ума сойду!

Ант а. Не сходите! Не смейте этого делать в такой момент.

РИНА. Нет, это неправда. Скажите, что это неправда, скажите, скажите! Или, если правда, я не знаю что, я не способна думать!..

АНТА. А что было бы тогда, если бы я сказал вам не так осторожно, если бы я не завел речь издалека?

РИНА (нервно берет трубку телефона). Алло, алло! Господин НОВАКОВИЧ? Как, еще не явился в канцелярию? Посмотрите, прошу вас! Не может быть! Нет? (Кладет трубку.) О боже!

АНТА. Что вы его беспокоите?

РИНА. Да с кем же мне посоветоваться, если не с мужем.

АНТА. Да, конечно, вы правы.

РИНА (снова подходит к телефону, но еще не набирая номера). Послушайте, если это шутка, не заставляйте меня подымать тревогу, возможно, вам показалось...

АНТА. Да кто же этим будет шутить! Вы, наверное, думаете, мне приятно, что я его увидел? Я его видел собственными глазами, не показалось мне. Торговец Ристич как раз в это время стоял у своего магазина и был страшно удивлен, увидев его. Он просто побледнел. Покойник подошел к

VII

ANA, RINA

RINA (*zvoni*).

ANA: Molim!

RINA (*rasejano*): Ovaj... šta sam ono htela, ne znam... zaboravila sam... Kad se setim, zvaću vas.

ANA: Molim! (*ode*)

VIII

MILE, RINA

MILE (*dendi, napudrovan i nalickan, prilazi joj, grli je i ljubi*): Šta mi radi moja Bubika?

RINA (*padne mu glavom na rame*): Ah, Mile, ja sam tako nesrećna, tako nesrećna.

MILE: Ali zašto, grlice moja?

RINA: Nećeš verovati kad ti kažem... I ja još ne verujem, neću da verujem, ne mogu da verujem! To bi bilo užasno!...

MILE: Ali šta je, zaboga? Ti si tako uzbuđena.

RINA: Stvar je tako neobična, tako fantastična, da ja ne umem da se snađem, ne umem da se priblerem, ne umem da mislim.

MILE (*miluje joj ruku*): Dakle, reci mi, šta je?

RINA: Zamisli, moj prvi muž, koji je izvršio samoubistvo davljenjem, pojavio se, živ je.

MILE (*iznenađeno*): Kako, kako? Živ? Koješta, to je

нему и поздоровался, а потом они долго разговаривали у входа в магазин. Как только они расстались, я сразу подошел к господину Ристичу и спросил его: «Скажите, пожалуйста, кто этот господин, с которым вы только что разговаривали?» «Человек, – говорит мне господин Ристич, – на похоронах которого я присутствовал: инженер МАРИЧ». И тут же сказал мне, как все получилось. Так мне сказал сам господин Ристич, а он с ним лично разговаривал.

РИНА. Алло, алло! Господин НОВАКОВИЧ? Как, еще не пришел в канцелярию? (*Нервно кладет трубку.*) Это ужасно! Это невозможно! Я очень прошу вас, дорогой мой родственник, сходите, пожалуйста, за ним, тут недалеко, Министерство строительства. Сходите! Он должен уже быть там, может быть, он задержался в каком-нибудь другом кабинете, но он, несомненно, там. Найдите его во что бы то ни стало и скажите, пусть он все, все бросит и как можно скорее идет домой.

АНТА. Да придет же он на работу, через несколько минут появится. Будьте терпеливы!

РИНА. Нет, нет, я не могу быть терпеливой, я не могу, я не в состоянии этого выдержать! Идите, идите, прошу вас!

АНТА (*встает*). Хорошо! Схожу!

РИНА. И возвращайтесь вместе с ним.

АНТА. Да, да, разумеется. (*Уходит.*)

VII

РИНА, Анна.

РИНА *звонит*.

Анна (*входя*). Чего изволите?

РИНА (*рассеянно*). Это... Что же я хотела? Не знаю... Забыла... Ладно, вспомню, позову вас.

Анна. Пожалуйста! (*Уходит.*)

VIII

РИНА, Миле.

Миле (*одет, как денди, напудренный, намажженный. Порывисто подходит к Рине, обнимает ее и целует*). Что делает моя Бубика?

РИНА (*склоняет голову ему на плечо*). Ах, Миле, я так несчастна, так несчастна!

Миле. Отчего же, горлица моя?

РИНА. Ты не поверишь тому, что я тебе скажу... Я тоже еще не верю, не хочу, не могу поверить! Это было бы ужасно!

nemoguće ti, draga moja, imaš malu groznicu eto, imaš i temperaturu, to se tebi pričinjava u mašti, u groznici.

RINA: Znala sam da nećeš verovati. Da, da, nije za verovanje, pa ipak... možeš zamisliti koliko je to mene uzбудило.

MILE: Umiri se, Bubi to ne može biti istina.

RINA: Istina je, o istina je nešto mi kazuje da je istina, ne znam šta, ali nešto mi kazuje.

MILE: Ali zaboga, njegov je leš nađen, utvrđen je identitet...

RINA: Bilo ih je tada koji su sumnjali i tvrdili da sve što je nađeno nije još dovoljan dokaz, ali tri godine nije se javljao, to je bio najveći dokaz.

MILE: Ti bi odista bila u teškom položaju, kada bi sve to bilo istina.

RINA: Morala bih mu se vratiti zamisli, morala bih mu se vratiti. Ja sam sad tek u ovome novom životu poznala šta znači to sreća u brak i sad zar da se vratim u bračno ropstvo? Izgubila bih i tebe, Mile! (*padne mu u zagrljaj i jeca*)

MILE: Budi hrabra, Bubi. Naći će se valjda izlaz iz svega toga, treba se posavetovati s kim!

RINA: Posavetovati? S kim ću se vruga posavetovati kad evo pola sata zvonim i tražim svoga muža, a njega nema u kancelariji otišao je bog te pita kada, a još nije stigao.

MILE (*gleda u sat na ruci*): Pre deset neće ni stići u kancelariju.

RINA: Tvrdiš, kao da pouzdano znaš?

MILE: Znam kao i ti što znaš. On u ovo doba, pred odlazak u kancelariju, uvek svrati kod Lidočke na kafu. To tako biva svakoga dana sve otkako se Lidočka vratila iz Berlina.

RINA (*ravnodušno*): Bavi li se tamo dugo?

MILE: Dok ne posrče kafu, do deset otprilike.

RINA: Ko će to da sačeka, ja moram što pre s njim govoriti.

MILE: Madam Salev, susedka Lidočkina, na istom je spratu, ima telefon ako želiš?

RINA: Ah, to ne, ne bih želela uznemiravati ga. Ne sme on ni slutiti da ja znam. U tome i leži harmonija našega braka, što jedno drugo ne uznemiravamo.

MILE: Onda ti ne ostaje ništa drugo do strpljenje.

RINA: Strpljenje! Kao da je to tako lako biti strpljiv.

MILE: Najbolje nemoj misliti na to. Evo ja ću ti skrenuti misli na druge stvari. Draga moja golubice, ostao sam sasvim bez troška, mršav sam kao zimski komarac. Kroz dva-tri dana imam neka primanja, ali dotle bi li mi mogla pozajmiti tako oko 200 dinara.

RINA (*vadi iz kesice i daje mu*): Ti si tako često u novčanim neprilikama.

Миле. Да в чем дело? Ты так взволнована.

РИНА. Все это настолько необычно и неестественно, что я не могу в себя прийти, не могу успокоиться, не могу этого осмыслить.

Миле (*глядит ее руку*). Так скажи же, что такое?

РИНА. Ты только подумай, мой первый муж, муж, который покончил с собой, утопился, вдруг появился живой!

Миле (*удивленно*). Как, как? Живой? Не может быть! У тебя, моя дорогая, лихорадка! У тебя, видимо, температура. Это тебе показалось, это твое лихорадочное воображение.

РИНА. Я так и знала, что ты не поверишь! Да, да, этому трудно поверить, но все же... Можешь себе представить, насколько это меня взволновало.

Миле. Успокойся, Буби, этого не может быть, это неправда!

РИНА. Правда. О, это правда! Что-то мне подсказывает, что правда; не знаю что, но что-то убеждает меня в этом.

Миле. Но найден же его труп, достоверно установлено, что это он.

РИНА. И тогда были люди, которые сомневались и утверждали, что все найденное еще не является достаточным доказательством, но он три года не появлялся – и это было лучшим доказательством.

Миле. Ты действительно была бы в очень тяжелом положении, если бы все оказалось правдой.

РИНА. Мне пришлось бы вернуться к нему. Ты подумай, пришлось бы вернуться! Только теперь, в новой жизни, я узнала, что такое счастье замужества: и чтобы я после этого возвратилась в семейное рабство?! Я потеряла бы и тебя, Миле! (*Бросается к нему в объятия и рыдает.*)

Миле. Не падай духом, Буби! Найдется же, вероятно, выход! Надо с кем-нибудь посоветоваться.

РИНА. Посоветоваться? С кем я, черт возьми, посоветуюсь, когда я вот уже полчаса звоню, разыскиваю своего супруга, а его все нет и нет в канцелярии. Ушел бог знает когда и до сих пор еще не явился.

Миле (*смотрит на ручные часы*). Раньше десяти он там не появится.

РИНА. Ты говоришь так уверенно, будто знаешь все абсолютно точно.

Миле. Знаю так же, как и ты. В это время, перед службой, он всегда заворачивает к Лидочке на кофе. Это происходит ежедневно с того самого дня, как Лидочка вернулась из Берлина.

РИНА (*равнодушно*). Долго он там задерживается?

Миле. Пока не выпьет кофе; приблизительно до

MILE: Šta ću, šta mogu, otimam se koliko mogu, ali život je tako komplikovan!

IX

ANTA, PREDAŠNJI

ANTA (*ulazi*): Nema ga, eto ti, nema ga!

RINA (*Milu*): Dakle, kao što vam rekoh, gospodine, moj muž, i ako bi došao, ne bi vas mogao primiti ima izvesnih briga. Uostalom, najbolje će biti da ga po vašem poslu potražite u kancelariji, on nerado prima kod kuće.

MILE (*ljubi joj ruku*): Tako ću učiniti, gospođo. Izvinite! Zbogom! (*ode*)

X

RINA, ANTA

RINA (*pošto mu je krišom dobacila poljubac, obraća se Anti, kada Mile ode*): Ja ne znam zašto postoje kancelarije kad molio i kod kuće uznemiravaju činovnike. Dakle, nema ga?

ANTA: Nije tamo.

RINA: Pa ipak on je tamo!

ANTA: Sad idem otud.

RINA (*uzima slušalicu i traži broj*): Alo, alo! Ti si, Milane, je li, ti si? (*Anti*) Eto!

ANTA (*iščuđava se*).

RINA: Jesi li čuo što? Nisi ništa čuo? Pohitaj odmah kući! Molim te! Nisi još ni seo? Nemoj ni sedati, molim te. Pohitaj, stvar je vrlo hitna i vrlo ozbiljna; ja ću izludeti očekujući te... Požuri, molim te! (*ostavlja slušalicu*) Evo ga ide!

десяти..

РИНА. Так кто же его дождется? А мне необходимо переговорить с ним как можно скорее. Миле. У мадам Салев, Лидочкиной соседки, живущей на том же этаже, есть телефон. Если хочешь?...

РИНА. Ах, не надо! Мне не хотелось бы его беспокоить. Он даже не должен подозревать, что я знаю. В том-то и состоит гармония нашего брака, что мы друг друга не беспокоим.

Миле. Тогда тебе ничего другого не остается, как набраться терпения и ждать.

РИНА. Терпения? Как будто легко все это вытерпеть!

Миле. Лучше всего об этом не думать. Вот и сейчас отвлеку твои мысли на другое. Дорогая моя голубка, ты знаешь, я оказался совершенно без денег, и тощ, как комар зимой. Через два-три дня я кое-что получу, но до того не могла бы ты дать мне займы динаров двести?

РИНА (*вынимает из сумочки деньги и дает ему*). Ты очень часто бываешь без денег.

Миле. Что поделаешь, бьюсь как могу, жизнь так сложна!

IX

АНТА, те же.

АНТА (*входит*). Его нет! Нет его!

РИНА (*к Миле*). Итак, сударь, как я вам уже сказала, мой муж, даже если бы он пришел, не смог бы вас принять: у него слишком много других забот. Впрочем, вам лучше обратиться по своему делу к нему в канцелярию, он неохотно принимает дома.

Миле (*целует ей руку*). Хорошо, сударыня, я так и сделаю. Извините! До свидания! (*Уходит.*)

X

РИНА, АНТА.

РИНА (*послав украдкой поцелуй Миле, обращается к Анте*). Не понимаю, для чего существуют канцелярии, если просители беспокоят чиновников дома. Значит, его нет?

АНТА. Там его нет.

РИНА. И все-таки он там!

АНТА. Я только что оттуда.

РИНА (*берет трубку и набирает номер*). Алло, алло! Это ты, Милан? Это ты? (*Анте.*) Ну вот!

XI

SPASOJE, ISTI

SPASOJE (*novopečeni bogataš*): Dobar dan želim! (*ljubi ruku Rini*) Izvinite, kucao sam dva puta. Ne želim da vas uznemiravam, svratio sam samo da vas umolim moja bi ćerka htela da pogleda po radnjama štofove za venčanu haljinu, jer, znate već, venčani dan se približava. A ona to ne bi htela bez vas, ona tako veruje u vaš ukus da ne bi htela bez vas.

RINA (*nestrpljivo*): Da, samo sada ne, danas ne; imam prećih briga, zajedničkih briga koje se tiču i vas. SPASOJE: Mene?

RINA: Vi niste ništa čuli? ¹

SPASOJE: Ne znam šta bih imao čuti?

RINA (*Anti*): Kako to, gospodin-Anto, niko sem vas nije čuo?

ANTA: Ja nisam čuo, ja sam video.

SPASOJE: Šta si kog đavola video?

ANTA: Reći ću ti. Patiš li od srca?

SPASOJE: Da, nešto malo.

ANTA (*zvoni*): Razume se, to ti i pripada u tim godinama.

XII

ANA, PREĐAŠNJI

ANA (*dolazi*): Molim.

ANTA: Ana, donesite čašu sveže vode.

ANA: Molim.(ode)

XIII

ANTA (*Spasoju*): Sedi, molim te, jer stvar moram da ti saopštim pažljivo i izdaleka. , ,

RINA: Ta ostavite se, molim vas, te vaše pažljivosti. (*Spasoju*) Gospodin je beskrajan. Reći ću vam ja čovek o kome svi znamo da je umro, da je pokojnik, čovek kojeg smo sahranili, živ je.

SPASOJE (*posrne i drekne*): Ko to, ako boga znate?

ANTA: Onaj čiju si kuću na Terazijama i sve ostalo imanje ti nasledio.

SPASOJE: Ta idite, molim vas ludost, kao da smo deca... koješta... otkud to može biti?

АНТА удивляется.

Ты слышал что-нибудь? Ничего? Немедленно приходи домой! Прошу тебя! Еще не сядил? И не садись, прошу тебя! Поторопись! Дело очень срочное и весьма серьезное, я с ума сойду, ожидая тебя... Поторопись, пожалуйста! (*Кладет трубку.*) Он сейчас придет.

XI

СПАСОЕ, те же.

СПАСОЕ (*новоиспеченный богач*). Добрый день! (*Целует руку Рине.*) Извините, я постучал два раза. Мне не хотелось вас беспокоить, но я зашел только попросить: моя дочь собирается посмотреть в магазинах материал для подвенечного платья, потому что, знаете ли, день свадьбы приближается, а она так верит вашему вкусу, что не желает без вас...

РИНА (*нетерпеливо*). Но только не теперь, не сегодня. Сейчас у меня гораздо более важные дела, наши общие дела, касающиеся, между прочим, и вас.

СПАСОЕ. Меня?

РИНА. Вы ничего не слышали?

СПАСОЕ. Не знаю, что бы я мог слышать...

РИНА (*Акте*). Как же так, господин АНТА, никто, кроме вас, не слышал?

АНТА. Я не слышал, а видел.

СПАСОЕ. Какого дьявола ты видел?

АНТА. Я тебе скажу. На сердце ты не жалуешься?

СПАСОЕ. Да немного.

АНТА (*звонит*). Конечно, как и полагается в твои годы.

XII

Анна, те же.

Анна (*входит*). Чего изволите?

АНТА. Анна, принесите стакан холодной воды.

Анна. Пожалуйста! (*Уходит.*)

XIII

РИНА, СПАСОЕ, АНТА.

АНТА (*к СПАСОЕ*). Прошу тебя, садись! Я могу сообщить тебе это только осторожно и издалека.

РИНА. Да оставьте вы, пожалуйста, вашу осторожность! (*К СПАСОЕ*). Этот господин будет

RINA: I ja ne mogu da verujem.
SPASOJE: Ko bi još tako što verovao i ko je, molim vas, takvu glupost mogao izmisliti?
RINA: Meni je naš rođak, gospodin Anta, doneo vest.
SPASOJE: Ti?
ANTA: Ja.
SPASOJE: Šta ti piješ ovako izjutra?
ANTA: Ne pijem ništa, ali bih mogao sad ispiti ceo motor benzina, i ne bi mi ništa bilo.
SPASOJE: Reci mi, molim te, kako si mogao na takvu glupu misao doći?
ANTA: Video sam ga, video sam ga svojim rođenim očima.
SPASOJE: Koga?
ANTA: Pokojnog Pavla Marića.
SPASOJE: Ama, kojeg Pavla Marića?
ANTA: Onog čiji si ti naslednik.
SPASOJE: Ama, ostavi se ti toga nasledstva, već reci ti meni... Uostalom, nema šta da mi kažeš, nemam šta da te pitam. Reći ćeš mi glupost koja je nemoguća. Razumem i još kad bi rekao: »čuo sam«, premda bih te ja i za to kaznio za pronošanje lažnih glasova, ali reći: »video sam«, reći »video sam«, to je prosto zločin.
ANTA (*uporno*): Video sam ga!
SPASOJE (*nervozno*): Opet on!
RINA: Možete misliti kako je tek meni bilo kad mi je gospodin saopštio.
SPASOJE: U, 'ajde da si kazao na primer ugasilo se sunce, lepo, primam što svetli mora se jednog dana ugasiti. Primam! Da si kazao na primer tutor te i te crkve progutao je toranj crkveni lepo, i to primam. Ima tutora koji gutaju crkvene prihode, a kad im se proširi stomak, oni su kadri, razume se, da progutaju i toranj i svih pet zvona. Lepo, primam i to! Primam da je Dunav promenio tok i sad teče uzvodno primam da je vlada rešila da izvrši slobodne izbore, sva čuda na svetu primam, razumeš li, sva čuda, ali da si video čoveka koga smo mi pre tri godine sahranili, e to ne mogu da primim! I date pita čovek zašto si potrčao to gospođi da saopštiš? (*Rini*) Mogu već misliti kako vam je bilo kad ste čuli.
ANTA: A možeš misliti kako je tek meni; bilo kad sam ga video.
SPASOJE: Čujete li ga, on to, pa to.
ANTA: Verujte, kad sam ga video, a meni se presekoše noge pa ne umem skoro da koračam. I odjedanput me svega obli znoj, pa onda, kao da mi je neko tako oznojenom spustio krišku leda u košulju, poduhvati me jeza u leđima i počnem da dršćem.
SPASOJE: Ne znam šta imaš ti kog đavola? da dršćeš?

рассказывать бесконечно долго. Я вам расскажу: человек, про которого все мы думаем, что он умер, что он покойник, человек, которого мы похоронили, – жив.
СПАСОЕ (*чуть не свалился со стула, орет*). Кто же это, кто, помилуй меня бог?
АНТА. Да тот, от кого ты унаследовал дом на Теразии и все прочее имущество.
СПАСОЕ. Да идите вы! Какая глупость, словно мы дети... не дети мы, вот еще... С какой стати?!
РИНА. Я тоже не могу этому поверить.
СПАСОЕ. Да кто этому может поверить! И кто только выдумал такую глупость?
РИНА. Мне принес эту весть наш родственник, господин АНТА.
СПАСОЕ. Ты?
АНТА. Я.
СПАСОЕ. Что такое, ты с утра пьешь?
АНТА. Ничего я не пью, но сейчас мог бы выпить целый бак бензина и ничего со мной не случилось бы.
СПАСОЕ. Скажи, пожалуйста, как ты мог додуматься до такой глупости?
АНТА. Я его видел, видел своими собственными глазами.
СПАСОЕ. Кого?
АНТА. Покойного Павле МАРИЧа.
СПАСОЕ. Какого Павле МАРИЧа?
АНТА. Ну того, чей ты наследник.
СПАСОЕ. Да оставь ты в покое это наследство, скажи лучше... Впрочем, тебе нечего мне сказать, а мне незачем тебя спрашивать! Вечно сболтнешь какую-нибудь глупость, что-нибудь совершенно невероятное. Понимаю, сказал бы еще «я слышал», хотя и за это тебя следовало бы наказать, как за распространение ложных слухов... Но сказать «я видел» – просто преступление!
АНТА (*настойчиво*). Я его видел!
СПАСОЕ (*нервно*). Опять!
РИНА. Можете себе представить, каково было мне после сообщения этого господина.
СПАСОЕ. Ну, если бы ты еще сказал, например: «Потухло солнце». Хорошо, принимаю! То, что светит, должно когда-нибудь потухнуть. Принимаю! Или, например: «Староста такой-то или такой-то церкви проглотил колокольню». Ладно, и на это согласен! Есть старосты, которые глотают все церковные доходы, а когда у них разовьется аппетит, они, несомненно, будут способны и колокольню проглотить и все пять колоколов. Хорошо, и это приемлемо! Принимаю даже и то, что Дунай изменил течение и потек

ANTA: Kako šta, a onih 10000 dinara?
 SPASOJE: Pa ti si se na sudu zakleo da si mu vratio tu sumu.
 ANTA: Zakleo sam se, ne kažem da se nisam zakleo, ali on tada nije bio živ, a sad je živ.
 SPASOJE: Dakle, to tebe žalji?
 ANTA: Pa to, dabome!
 SPASOJE: Čekaj, molim te, sad ću ti reći. (*vadi iz džepa jednu knjižicu i prelistava je*) Ovo je krivični zakonik, ja tu knjigu uvek nosim sa sobom kao ručnu knjigu. Vrlo je korisna, čovek se mnogo čemu nauči iz nje. To su tako reći uputstva za život. (*našao je stranu*) A evo 144 krivokletstvo. (*čita u sebi*) Dakle, godina dana robije i godina dana gubitka građanske časti. Može i više, ali na jednu godinu možeš onako sigurno da računaš.
 ANTA: Ko to?
 SPASOJE: Pati!
 ANTA: Zašto ja?
 SPASOJE: Pa za krivokletstvo.
 ANTA: Ama, kako ti to meni robija? I to odmeravaš kao kilu šljiva ili luka. Robija, taman posla!
 SPASOJE: I gubitak građanske časti.
 ANTA: To već i ne marim, može se lepo živeti i bez građanske časti. Ali robija, gospodine, to je već nešto drugo. I ono što me buni to je otkud ti, zašto ti to meni odmeravaš?
 SPASOJE: Uostalom, ja bih čak i trebao da budem taj koji te tuži, jer ti si u stvari meni zajeo tih 10000 dinara.
 ANTA: Gle sad!
 SPASOJE: Meni, da! Kad je kreditor izvršio samoubistvo, obrazovana je masa i ti si dugovao masi, a ta masa pripala je meni u nasledstvo kao najbližem srodniku.
 ANTA: A, sad razumem što si se ti tako obradovao kad si čuo malopre da je Pavle Marić živ. Pa da, ko bi se obradovao ako ne bi ti kao najbliži rođak?
 RINA (*nervira. se njihovim razgovorom*): Ali, :zaboga, vi govorite o svemu, samo ne o onome što je u ovom trenutku najvažnije.
 ANTA: Pa da, gospodin meni robija. Tako tek robija, kao da drugog zanimanja u životu nema, nego robija. I zašto ne bi gospodin zavirio malo u ta svoja uputstva za život da i sebi odmeri koju godinu?
 SPASOJE: Ja nisam nikome zajeo 10000 dinara.
 ANTA: Pa nisi, dabome! To je sitnica za tebe, nećeš valjda da se prljaš za takve tričarije. Ali trospratna kuća na Terazijama, veliki plac kod Železničke stanice i dva dućana u Kralja Petra ulici, to je već nešto,
 SPASOJE: Pa šta hoćeš tim da kažeš?
 ANTA: Tri krivokletstva, sedam lažnih uverenja,

вспять! Принимаю и то, что правительство вдруг решило провести свободные выборы. Все чудеса на свете принимаю! Понимаешь, все чудеса на свете! Но чтобы ты видел человека, которого мы похоронили три года назад, вот уж этого я никак не могу принять! И спрашивается, зачем ты прибежал сообщить об этом госпоже? (*Рине.*) Могу себе представить, каково было вам услышать!
 ANTA. А можешь себе представить, каково было мне увидеть.
 СПАСОЕ. Слышите, опять то же самое!
 ANTA. Верите, когда я его увидел, у меня ноги подкосились, шагу шагнуть не мог. И враз меня пот прошиб, а потом будто кто-то мне кусочек льда под рубашку сунул; мороз по спине прошел и дрожь охватила.
 СПАСОЕ. Не понимаю, какого дьявола ты дрожишь, у тебя-то что за дело?!
 ANTA. Как что, а те десять тысяч динаров?
 СПАСОЕ. Ты же на суде поклялся, что возвратил ему эту сумму.
 ANTA. Поклялся, не говорю, что не поклялся, но тогда его не было в живых, а теперь он жив.
 СПАСОЕ. Так вот что тебя терзает?
 ANTA. То-то и оно!
 СПАСОЕ. Подожди, пожалуйста, сейчас я тебе скажу. (*Достает из кармана книжечку и перелистывает ее.*) Это уголовный кодекс. Я сию книжечку всегда с собой ношу, чтобы иметь под рукой. Очень полезная книжечка, многому она может научить. Это, так сказать, напутствие в жизни. (*Нашел нужную страницу.*) А, вот: параграф сто сорок четыре – «Клятвопреступление». (*Прочитав про себя.*) Итак, год каторги и год лишения гражданских прав, возможно, и больше, но на год можешь твердо рассчитывать.
 ANTA. Кто?
 СПАСОЕ. Да ты!
 ANTA. Почему же я?
 СПАСОЕ. А за клятвопреступление!
 ANTA. Что это ты мне вдруг – каторга! И отвечаешь ее, будто кило слив или лука. Каторга, как бы не так!
 СПАСОЕ. И лишение гражданских прав.
 ANTA. Ну, это меня не особенно беспокоит, можно чудно прожить и без гражданских прав. Но каторга, сударь, это совсем другое! А меня вот возмущает, почему ты мне отвечаешь?
 СПАСОЕ. Впрочем, я должен был бы тебя обвинять, так как в действительности ты эти

četiri advokata i nasledstvo. Pogledaj ti u ta tvoja uputstva, pa vidi šta tamo piše za takve slučajeve? SPASOJE (*cepti od uzbuđenja i sune na njega sa stegnutim pesnicama kao da bi toga časa da ga smrvi, uzdrži se i prilazi mu*): To si sad rekao i nikad više!

XIV

NOVAKOVIĆ, ISTI

NOVAKOVIĆ (*ulazi uzbuđen*): Zaboga, zaboga, je li to moguće?

RINA (*pohita mu u susret*): Ti znaš?

NOVAKOVIĆ: Sad na putu, sreo sam se sa gospodinom Tadićem i on mi kaže video ga je, razgovarao je s njim. Nisam dotle ni sanjao zašto me zoveš.

ANTA: I ja sam ga video!

NOVAKOVIĆ: Baš video?

ANTA: Ovako kao što vas gledam.

SPASOJE: Pa to znači, gospodo, ne može čovek ni u smrt verovati? I smrt se prolagala. (*vadi iz džepa*)

Molim vas, je li ovo posmrtna lista ili nije?

ANTA (*izviruje*): Jesi li i ti potpisan na njoj?

SPASOJE: Nije, nego ti! Je li ovo posmrtna lista, pitam ja vas jesmo li čoveka sahranili .

десять тысяч динаров у меня заел.

АНТА. Вот те на!

СПАСОЕ. Да, у меня. Когда кредитор покончил с собой, образовали опеку, ты должен был этой опеке, а она досталась в наследство мне как ближайшему родственнику.

АНТА. Ну, теперь я понимаю, почему ты так обрадовался, когда услышал, что Павле МАРИЧ жив! Кому же радоваться, как не тебе, ближайшему родственнику?...

РИНА (*нервничает, слушая их разговор*). Ах, ради бога, говорите о чем угодно, только не об этом, самом важном для нас теперь.

АНТА. Вот те на, он мне: «Каторга!» Так, между прочим, – каторга! Как будто другого занятия в жизни нет, кроме каторги. А почему бы господину СПАСОЕ не заглянуть немного поглубже в свое «напутствие в жизнь» и не отмерить и себе какой-нибудь там годик?

СПАСОЕ. Я ни у кого десять тысяч динаров не заедал.

АНТА. Столько, конечно, нет! Это же для тебя мелочь. Будешь ты из-за такой мелочи пачкаться!? Но трехэтажный дом на Теразии, большой участок у железнодорожной станции и два магазина на улице короля Петра – это что-нибудь да значит!

СПАСОЕ. Что ты хочешь этим сказать?

АНТА. Три клятвопреступления, семь ложных свидетельств, четыре адвоката и – наследство! Взгляни-ка ты в свое «напутствие» да посмотри, сколько там положено за такие дела?

СПАСОЕ (*взбешен, бросается на него с кулаками, словно желая уничтожить, но, сдержавшись, подходит к нему*). Чтоб это было в первый и последний раз!

XIV

НОВАКОВИЧ, те же.

НОВАКОВИЧ (*входит взволнованный*). Ах, боже мой, неужели это возможно!

РИНА (*спешит ему навстречу*). Ты знаешь?

НОВАКОВИЧ. Сейчас по дороге я встретился с господином Радичем, и он мне сказал, что видел его и разговаривал с ним. До того мне и в голову не могло прийти, зачем ты меня зовешь.

АНТА. Я его тоже видел.

НОВАКОВИЧ. Даже видел?

АНТА. Вот так, как вас.

СПАСОЕ. Ведь это значит, господа, что человек и смерти не может верить? Даже смерть изолгалась!

ANTA: Parcela 17, grob 39.
 SPASOJE: Je li' lepo i pošteno sedeo tamo tri godine, je li? Pa otkud sad najedanput živ? I zar to može tako da bude? Zar to može kako ko hoće? Ja mislim da u uređenim zapadnim državama mora postojati o tome kakav zakon i po tom zakonu ko je mrtav taj je mrtav. Kod nas, međutim...
 ANTA: Ne može država nikoga naterati da bude mrtav.
 SPASOJE: Pa to znači, ja nisam siguran da se jednoga dana ne pojavi i moja pokojna žena, koja je umrla pre jedanaest godina. I dođe lepo, je li', pa: »Dobar dan«, a ja njoj: »Dobar dan, izvolite!«
 NOVAKOVIĆ: Nije ovde pitanje šta može da bude a šta ne može, nego on je tu!
 SPASOJE: Ali kako? Odakle? Je li ustao iz groba! Je li vaskrsao? Je li pobegao s čega je pao, s drveta, s meseca ili sa Marsa?
 NOVAKOVIĆ: Kažu da je doputovao.
 SPASOJE: Šta ima da doputuje od groblja dovde i kojim to vozom? Gospode bože, ja ne umem da mislim; to mi se prvi put u životu dešava da ne umem da mislim. *(sedne)*
 RINA *(Milanu)*: Zar ništa bliže nisi saznao?
 NOVAKOVIĆ: Da, saznao sam, vele nije bio mrtav.
 SPASOJE: Pa da, on će sad to da poriče.
 NOVAKOVIĆ: Odseo je u »Ekscelzioru«.
 SPASOJE: Koja to parcela?
 NOVAKOVIĆ: U hotelu »Ekscelzioru«. Eto, to je sve što sam saznao. *(seti se)* Ah, da, još nešto. Raspitivao se kod Radića i o tome gde ja stanujem, veli posetiće me.
 ANTA: Vas?
 NOVAKOVIĆ: Mene, ili... moju ženu, možda.
 RINA *(prestrašena)*: Mene? Zašto mene?
 ANTA: Pa vi ste mu ponajpreči.
 RINA: Ja?
 ANTA: Pa da, jer vi ste u stvari sad njegova žena.
 RINA *(pritrči i zgrabi čvrsto muža)*: Milane, je li' to istina što taj gospodin govori?
 NOVAKOVIĆ *(zbuni se)*: Ja ne znam! *(Anti)* Na osnovu čega vi to tako govorite?
 ANTA: Na osnovu Savete Tomić.
 SPASOJE: Eto ti ga sad, kakva ti je sad ta Saveta Tomić?
 ANTA: To je ona što se udala misleći da je udovica. a kad se vratio prvi muž, nju sud, po potrebi službe, bez putnih i selidbenih troškova premesti iz drugoga u prvi brak.
 RINA *(uznemirena, Milanu)*: Je li to moguće?
 ANTA: Kažu, tako je po zakonu.
 NOVAKOVIĆ *(hteo bi da uteši Rinu)*: Ja ne verujem

(Достае из кармана бумагу.) Вот, пожалуйста, это «Извещение о смерти» или нет?
 ANTA *(заглядывает)*. А ты под ним подписался?
 СПАСОЕ. Нет, только ты! Это «Извещение о смерти», спрашиваю я вас? Похоронили мы человека?...
 ANTA. Участок семнадцать, могила тридцать девять.
 СПАСОЕ. Лежал же он там, в могиле, спокойно и честно три года, не так ли? Так откуда же он сейчас вдруг явился живой?... И разве так может быть? Разве так можно? Кто как хочет?! Я думаю, что в порядочных западных государствах должен по этому поводу существовать закон, гласящий: кто умер – тот умер. А у нас...
 ANTA. Не может же государство заставлять быть мертвым.
 СПАСОЕ. Но это значит, я не гарантирован от того, что в один прекрасный день не явится моя покойная жена, умершая одиннадцать лет назад. Придет и скажет: «Добрый день!», – а я ей: «Добрый день, добро пожаловать!»
 НОВАКОВИЧ. Вопрос не в том, что может и чего не может быть. Он здесь!
 СПАСОЕ. Но каким образом? Откуда? Что он, встал из могилы? Воскрес? Удрал? Откуда свалился: с дерева, с луны или с Марса?
 НОВАКОВИЧ. Говорят, приехал.
 СПАСОЕ. Да зачем приезжать с кладбища, и каким это поездом? О господи боже, я больше не в состоянии что-либо воспринимать. Первый раз в жизни со мной случилось, что я ничего не могу понять! *(Садится.)*
 РИНА *(НОВАКОВИЧу)*. Разве ты ничего не узнал поподробнее?
 НОВАКОВИЧ. Ну, узнал; говорят, он не умирал.
 СПАСОЕ. Ну, конечно, теперь он будет отрицать!
 НОВАКОВИЧ. Он остановился в «Эксцельзиоре».
 СПАСОЕ. Какой это участок?
 НОВАКОВИЧ. В гостинице «Эксцельзиор». Это все, что я узнал. *(Вспомнил.)* Ах, да, вот еще что! Он расспрашивал у Радича, где я живу, и сказал, что обязательно посетит меня.
 ANTA. Вас?
 НОВАКОВИЧ. Меня или... может быть, мою жену.
 РИНА *(в страхе)*. Меня? Почему меня?
 ANTA. Да вы же для него самый близкий человек.
 РИНА. Я?
 ANTA. Ну да, вы же теперь, в сущности, его жена.
 РИНА *(подбегает к НОВАКОВИЧу и крепко обнимает его)*. Милан, неужели то, что говорит

da bi jedan zakon mogao služiti nasilju, jer to bi bilo nasilje.

RINA (*grdeći Milana*): Ja neću da se rastanemo!

NOVAKOVIĆ: Budi mirna, Rina! Ne postoji zakon koji ruši srećne brakove.

SPASOJE (*razmišljao je i slušajući njihov razgovor*): Sve što vi govorite, sve je to sporedno, sasvim sporedno. Ovde je glavno i osnovno pitanje kako može jedan čovek koga smo mi pre tri godine pošteno i srdačno sahranili, kako može taj i na osnovu čega...

XV

LjUBOMIR PROTIĆ, PREDŠNJI

LjUBOMIR (*donosi nekoliko brojeva raznih novina on je bled i vrlo zbunjen*): Šta je ovo šta je ovo, zaboga?! (*seti se*) Pardon, gospođo? (*prilazi Rini i ljubi joj ruku obraća se ostalima*) Šta je ovo?

RINA: Vama je rđavo?

ANTA (*zvoni*): Patite li od srca?

ANA (*ulazi*).

ANTA (*Ani*): Čašu vode!

ANA (*odlazi*).

LjUBOMIR (*umoran i klonuo seda u fotelju*): Ništa, ništa, bolje mi je, ništa. Šta je ovo, šta je ovo, zaboga?

NOVAKOVIĆ: Ko vam je rekao?

LjUBOMIR: Ko? (*pruža mu listove*) Eto pune su novine.

SVI (*dreкну*): Novine? (*razgrabe da u i svako otvara po jedan broj*)

ANTA: Au, ala su krupni naslovi.

SPASOJE (*čita jedan naslov*); Čujte samo molim vas: »Mrtvi se dižu«.

этот господин, правда?

НОВАКОВИЧ (*растерянно*). Я не знаю! (*Анте.*)

На основании чего вы так говорите?

АНТА. На основании Советы Томич.

СПАСОЕ. Вот те на! Какая-то еще Совета Томич?

АНТА. Да та, что вышла замуж, думая, будто она вдова, а когда вернулся первый муж, суд переселил ее по долгу службы, без проездных и квартирных, из второго брака в первый.

РИНА (*взволнованно, НОВАКОВИЧу*). Неужели это возможно?

АНТА. Говорят, по закону так.

НОВАКОВИЧ (*желая утешить Рину*). Я не верю, чтобы закон служил насилию, а это было бы насилием!

РИНА (*обнимая Милана*). Я не хочу расставаться!

НОВАКОВИЧ. Успокойся, РИНА! Нет закона, разрушающего счастливые браки!

СПАСОЕ (*размышляет, слушая их разговор*). Все, что вы говорите, все второстепенно, абсолютно второстепенно. Главный и основной вопрос: как может человек, которого мы три года тому назад честно и от всего сердца похоронили, как он может и на основании чего?...

XV

ЛЮБОМИР, *те же*.

ЛЮБОМИР (*несет несколько номеров разных газет. Он бледен и очень растерян*). Что же это, что же это такое, бога ради?! (*Вспомнил.*) Пардон, сударыня! (*Подходит к Рине и целует ей руку. Обращается к остальным.*) Что же это?

РИНА. Вам плохо?

АНТА (*звонит*). У вас не большое сердце?

Входит Анна.

(*Анне.*) стакан воды!

Анна уходит.

ЛЮБОМИР (*усталый и обессиленный, опускается в кресло*). Ничего, ничего, мне лучше, ничего! Что же это, что же это такое!

НОВАКОВИЧ. Кто вам сказал?

ЛЮБОМИР. Кто? (*Протягивает ему газеты.*) Да вот, полны газеты.

Все (*в один голос*). Газеты?

Набрасываются на газеты, расхватывают их, и каждый читает.

АНТА. Ух, какие крупные заголовки!

СПАСОЕ (*читает заголовок*). Вы только послушайте: «Мертвые подымаются».

АНТА (*читает*). «А придет судный день, мертвые

ANTA (*čita*): »A kad dođe suđeni data smrti, mrtvi će se dići iz grobova.«

NOVAKOVIĆ (*čita*): »U parceli 17, grobnica 39 otvorila se i mrtvac se digao.«

LjUBOMIR (*čita*): »Mrtvi ustaju, mrtvi go:vore.« .

ANA (*donela je čašu vode*).

LjUBOMIR (*ispio je vodu*).

SPASOJE: Ne nalazim da je stvar tako interesantna da bi joj novine morale toliku pažnju ukazati.

LjUBOMIR: Možete misliti kako mi je bilo kad sam na ulici saznao poražavajuću vest. Do tog časa nisam ni pojma imao. Čitajući na tramvajskoj stanici, otvorio sam novine i privukao mi je pažnju upadljivi naslov: »Mrtvi ustaju, mrtvi govore!« Pročitah prve redove i na jedan mah me obli znoj!

RINA: Isto tako i mene.

LjUBOMIR: Obli me znoj po čelu, a ruke počеше da se hlade, zamagli mi se pred očima i ja se naslonih na zid.

SPASOJE (*uzima ga pod ruku i odvodi na stranu poverljivo*): Ne razumem ja, zete, što tebe ta stvar toliko uzbuđuje? Razumem sve ostale, ali tebe...? Šta si ti mogao imati sa pokojnim Marićem?

LjUBOMIR (*nervozan, uzbuđen još uvek*): Ne možemo sada o tome govoriti.

SPASOJE: To mora da je neka pozamašna suma?

LjUBOMIR: Da, tako nešto!

NOVAKOVIĆ (*uvek zadubljen u novine*): E, pa evo i tačnog spisa kako se sve to desilo. Čitav intervju.

SVI (*pribiraju se oko Novakovića*): Čitajte, čitajte

LjUBOMIR (*odvojio se, sada potišteno, ali ipak prati tok čitanja*).

NOVAKOVIĆ (*čita*) »Na pitanje našeg saradnika, je l' to sve bilo prethodno smišljeno i do izvesnom planu izvedeno, gospodin Marić je odlučno odbio da je tu bilo ma kakve namere. On ovako objašnjava događaj: Desio mi se sudbonosni događaj, žena mi je učinila grubu nepravdu i to mi je nanelo težak bol. Jer, ma i razočaran, ja sam tu ženu i u trenutku kada sam zbog nje patio...«

RINA: Molim te, pređi preko tih banalnosti.

NOVAKOVIĆ: »Bio sam neobično uzbuđen, nisam znao šta ću da radim toga trenutka.«

ANTA (*Rini*): Pati li on od srca?

SPASOJE: Ama, ne prekidaјte! Čitajte, molim vas

NOVAKOVIĆ (*čita*): »Kada sam hteo da donesem odluku, uplašio sam se od sebe. Uvideo sam da bih mogao doneti prenagljenu odluku, zbog koje bih se doцnije kajao. Tada mi pade na pamet da se udaljim da pobegnem, da se uklonim iz sredine koja mi je sva izgledala odvratni saučесnik da se usamim i priberem i tad tek donesem odluku šta ću i kako ću. Rešio sam se

восстанут из гробов».

НОВАКОВИЧ (*читаєт*). «На участке семнадцять могила тридцять девять відкрилась и мертвец встал».

ЛЮБОМИР (*читаєт*). «Мертвые встают, мертвые говорят!».

Анна приносит стакан воды. ЛЮБОМИР берет и пьет.

СПАСОЕ. Не нахожу это настолько интересным, чтобы ему уделять такое внимание в газетах.

ЛЮБОМИР. Можете себе представить, какво мне было, когда я узнал на улице эту потрясающую новость! До того я и понятия не имел. Дожидаюсь на остановке трамвая, стою, развернул газету, и вдруг мое внимание привлек броский заголовок: «Мертвые встают, мертвые говорят!» Прочитал первые строки, и сразу же меня в пот ударило!

РИНА. Точно так же и я.

ЛЮБОМИР. На лбу выступил пот, руки похолодели, в глазах помутилось, и я прислонился к стене.

СПАСОЕ (*взяв его под руку, отводит в сторону; тихо*). Не понимаю, зять, почему это тебя так волнует? Понимаю еще всех остальных, но тебя?... Какие у тебя могли быть дела с покойным МАРИЧЕМ?

ЛЮБОМИР (*все еще нервничает и волнуется*).

Сейчас не до того. Об этом потом.

СПАСОЕ. Должно быть, какая-нибудь крупная сумма?

ЛЮБОМИР. Да, что-то вроде этого!

НОВАКОВИЧ (*все еще погружен в чтение газеты*). Э-э! Вот и точное описание, как все произошло. Целое интервью!

Все (подходят к НОВАКОВИЧу). Читайте, читайте!

ЛЮБОМИР, подавленный, отходит, но все же следит за чтением.

НОВАКОВИЧ (*читаєт*). «На вопрос нашего сотрудника, было ли все это предварительно задумано и проведено по определенному плану, господин МАРИЧ решительно ответил, что никакого умысла здесь не было. Он так объясняет случившееся: „Со мной произошел роковой случай: жена жестоко меня обманула, и я очень сильно переживал. Хотя я и разочаровался в ней, я все же любил эту женщину, и потому в то время, когда я очень страдал...“.

РИНА. Прошу тебя, опусти эти банальности!

НОВАКОВИЧ. «Я был страшно возбужден и не знал что делать».

АНТА (*Рине*). У него сердце не больное?

da otputujem ne kazujući nikome kuda. Uostalom, ja i sam tada nisam znao, pošao sam na put ma gde, Kada mi je kondukter tražio kartu, ja je nisam imao kad me je pitao, ja nisam znao dokle ću putovati. Najzad se odlučim za Beč, tamo će mi biti najprijetnije, jer poznajem Beč.«

ANTA: Sasvim. I. da se posle dva-tri dana vratio, sve bi bilo. u redu.

SPASOJE:.. Ali, ne prekidajte, zaboga!...

(*Novakoviću*): Molim vas, čitajte dalje!

NOVAKOVIĆ (*čita*): »U Beču sam odseo u jednom hotelu u blizini univerziteta i dva-tri dana sam sedeo usamljen, obuzet svojom brigom. Četvrtog dana sišao sam u Kertner ne bih li u onim kafanama gde uvraćaju naši mogao da se vidim s kim. Nisam nikoga našao, ali su o zidu visili beogradski dnevni listovi. Uzmem najnoviji broj jednog lista, otvorim i iznenadim se kad opazim svoju sliku. Već iz samih naslova saznam da sam izvršio samoubistvo davljenjem u Dunavu i pročitam puno detalja o svome samoubistvu. Najpre sam se smejaо, a zatim mi pade na pamet gle, pa ovo bi mogao biti najsrećniji izlaz iz situacije. Važiti kao mrtav, a biti živ.«

SPASOJE: On to smatra kao najsrećniji izlaz iz situacije. Hvala mu lepo!

ANTA: Pa on to sa svoga gledišta.

SPASOJE: Sa svoga, dabome! ali imamo i mi svoje gledište. (*Novakoviću*) Čitajte, molim vas, dalje!

NOVAKOVIĆ (*čita dalje*): »Odlučih se dakle na to, i kako je Beč nezgodno mesto, jer svakoga trenutka može čovek sresti poznanika, prvim vozom krenem u Nemačku, u Hamburg i u okolini Hamburga, u jednoj fabrici, srećno nađem zaposlenje, gde provedem pune tri godine neopažen, jer se nigde van toga predgrađa nisam kretao.«

SPASOJE: I da ga pita čovek što je napuštao tako srećno zaposlenje, što nije ostao tamo pa mir bog.

ANTA: Možda je čovek hteo da obide svoje imanje ?

SPASOJE: Možda! A možda i da naplati svoja potraživanja koja nisu naplaćena.

RINA (*nervozno*): Ja ne mogu, ja ne mogu nikako da se priblerem ni da se umirim.

SPASOJE: Pa dobro, koga smo mi sahranili?

NOVAKOVIĆ: Odgovara on i na to pitanje.

SPASOJE: Šta kaže, boga vam?

NOVAKOVIĆ (*čita*): »Na pitanje našeg saradnika ko je onda mogao biti davljenik na kome je bilo njegovo odelo, pri kome su bili njegovi dokumenti, gospodin Marić veli: Mislim da će to biti moj bivši nadzornik na građevini, ruski emigrant Aljoša«

SPASOJE: Aljoša!?

NOVAKOVIĆ (*nastavlja čitanje*): »Toga dana kad ću

СПАСОЕ. Да не перебивайте! Читайте, прошу вас! НОВАКОВИЧ (*чита*). «Когда я уже готов был принять окончательное решение, я испугался самого себя: подумал, что в таком состоянии могу принять слишком поспешное решение, из-за которого впоследствии придется раскаиваться. Тогда мне пришло в голову бежать, удалиться из среды, казавшейся мне отвратительным соучастником, уединиться, собраться с мыслями и только тогда решить, что предпринять. Я решил уехать, никому не сказав, куда. В действительности я тогда и сам точно этого не знал: поехал куда глаза глядят. Когда кондуктор спросил у меня билет, его у меня не оказалось. А когда он задал вопрос, куда я еду, я не мог ему ответить. Наконец, я решился ехать в Вену, там, подумал я, мне будет лучше всего, так как с Веной я больше всего знаком!»

АНТА. Все совершенно понятно! И если бы он возвратился через два-три дня, все было бы в порядке!

СПАСОЕ. Да не перебивайте же, ради бога! (*НОВАКОВИЧу*.) Прошу вас, читайте дальше! НОВАКОВИЧ (*чита*). «В Вене я поселился в одной из гостиниц вблизи университета и два-три дня сидел в одиночестве, занятый своими мыслями. На четвертый день я отправился в Кертнер в надежде встретить кого-нибудь в тех кафе, куда заходят наши. И никого не нашел, но зато в одном кафе увидел белградские газеты. Я взял последний номер одной из газет, развернул и удивился, увидев свой портрет. Уже из заголовков я узнал, что я покончил с собой – утопился в Дунае, и прочитал много подробностей о своем „самоубийстве“. Сначала я смеялся, а затем мне пришло в голову: „Ведь это, может быть, самый удачный выход из создавшегося положения: считаться мертвым, а быть живым!“.

СПАСОЕ. Он это считает самым удачным выходом из положения! Большое ему спасибо!

АНТА. Но это он со своей точки зрения.

СПАСОЕ. Конечно, со своей! Но и у нас имеется своя точка зрения. (*НОВАКОВИЧу*.) Читайте, прошу вас, дальше!

НОВАКОВИЧ (*читает дальше*). «И я решился, пусть, будет так. Но ввиду того, что Вена неподходящее место для этого – здесь каждую минуту можно встретить знакомого, – то с первым же поездом я отправился в Германию, в Гамбург. Там я удачно устроился на работу на одной из фабрик в окрестностях Гамбурга, где и провел целых три года незамеченным, так как за пределы

ja poći na put, Aljoša mi je izjavio da ima samoubilačke namere, rekao mi je čak izrekom da će se u Dunav baciti. On je na sebi imao moje iznošeno odelo, on je pri sebi imao moja dokumenta. Samo je on mogao biti taj samoubica.«

SPASOJE: Aljoša!?

ANTA: I ti si Aljoši položio venac na grob?

LjUBOMIR (*očajan*): Sad dakle znamo sve Kao što vidite, situacija je očajna.

SPASOJE: Dabome da je očajna!

LjUBOMIR: Mi ovoga trenutka, u ovoj uzbuđenosti, nismo ni kadri dogledati sve posledice.

ANTA: Nismo, dabome! (*Novakoviću*) Eto, na primer, vi bi ostali bez braka.

RINA (*zagrlila čvrsto Milana*): Ah, to ne, samo to ne!

ANTA (*Spasoju*): Pa zatim, ti bi ostao bez imanja.

SPASOJE: A zatim ti bi otišao na godinu dana robije.

ANTA: Opet! Kazao sam ti da sam na tu reč osetljiv.

SPASOJE: Hteo sam, znaš, samo da izložim sve posledice. Ali ima jedna koja je teža od svih. To je gospodin Đurić. Šta će tek reći na sve to gospodin Đurić?

NOVAKOVIĆ: No!

SPASOJE: Čovek koji je uložio sve svoje iskustvo, sav svoj ugled i veze u ogromno preduzeće u koje smo mi uložili kapital i znanje, šta će tek reći? Jer, ako bi se primilo takvo stanje, celo bi se naše preduzeće iz temelja srušilo.

ANTA: To je još najmanje!

SPASOJE: Najmanje? Kako najmanje? Jesi li ti čuo koji put za veliku finansijsko-tehničku grupu »Ilirija ad«?

ANTA: Da, čuo sam, znam!

SPASOJE: To je, gospodine, grupa koja traži od države koncesiju za isušivanje svih močvara, podvodnih terena, jezera i uopšte svih vodenih taloga u našoj kraljevini. To je jedan ogroman dvanaestogodišnji posao koji predviđa i ogromne tehničke objekte najmanje deset velikih gvozdених mostova, oko stotinu betonskih mostova i veliki broj tunela i propusta. Ogromno nešto, razumeš li!

ANTA: Ne vidim samo kakve to veze ima?

SPASOJE: Kakve veze? Svi smo tu uneli što smo imali. Gospodin Novaković je, na razne takse i prethodne troškove, na izradu planova i druge stvari, uneo oko pola miliona dinara gotovog novca. Gospodin Protić, odnosno moj budući zet i sada verenik moje kćeri, izabran je za tehničkoga direktora celoga preduzeća. Da, gospodine, a to nije izabran zato što je moj zet, već kao stručnjak. Moj zet je pre dve godine štampao svoje veliko naučno delo »Melioracija tarizacije«. To je delo napravilo ogromnu

предместья никуда не выходил».

СПАСОЕ. И спрашивается, зачем же человек оставил такую удачную службу? Остался бы там, – и все было бы в порядке.

АНТА. Может быть, он хотел взглянуть на свое имущество.

СПАСОЕ. А может быть, хотел получить долги, которые ему не возвратили.

РИНА (*нервно*). Я не могу, я никак не могу прийти в себя и успокоиться!

СПАСОЕ. Ну хорошо, тогда кого же мы похоронили?

НОВАКОВИЧ. Он отвечает и на этот вопрос.

СПАСОЕ. Что же он говорит?

НОВАКОВИЧ (*читает*). «На вопрос нашего сотрудника, кто же мог быть тот утопленник, на котором оказалась его одежда и у которого были найдены его документы, господин МАРИЧ ответил: „Думаю, это был бывший надсмотрщик на моей стройке, – русский эмигрант АЛЕША“.

СПАСОЕ. АЛЕША?!

НОВАКОВИЧ (*продолжает читать*). «В тот день, когда я собирался уезжать, АЛЕША сообщил мне о своем намерении покончить жизнь самоубийством и твердо сказал, что бросится в Дунай. На нем был мой старый костюм, и при себе он имел мои документы. Только он и мог быть этим самоубийцей».

СПАСОЕ. АЛЕША?

АНТА. Значит, ты возложил венок на могилу Алеши?

ЛЮБОМИР (*в отчаянии*). Вот теперь мы знаем всё. Как видите, положение отчаянное!

СПАСОЕ. Конечно, отчаянное!

ЛЮБОМИР. В такой момент и в таком волнении мы даже не в состоянии предусмотреть все последствия...

АНТА. Ну, конечно, не в состоянии.

(*НОВАКОВИЧу*.) Вот, например, вы остались бы вне брака.

РИНА (*крепко обнимает Милана*). Ах нет, только не это!

АНТА (*к СПАСОЕ*). А ты остался бы без наследства.

СПАСОЕ. А ты отправился бы на год на каторгу.

Ант а. Опять! Я же тебе сказал, что я к этому слову чувствителен.

СПАСОЕ. Знаешь, я только хотел изложить все последствия. Но есть одно, и самое тяжелое: это господин ДЖУРИЧ. Что скажет обо всем этом господин ДЖУРИЧ?

НОВАКОВИЧ. Человек, вложивший весь свой

senzaciju. Na osnovu toga dela izabran je i za vanrednog profesora univerziteta, jer, gospodine, to nije delo samo obične naučne vrednosti, već je to jedna naučna revolucija u oblasti hidrotehnike po novim metodama rada koje su u njemu iznesene.

ANTA (*zadivljen*): Kako ti to naučno govoriš?

SPASOJE, Učio sam, gospodine, sve sam ja to naučio napamet da bih mogao o toj stvari govoriti.

PROTIĆ (*Spasoju*): Ja vas, molim, oče, ne govorite više o tome govorite o čem drugom.

SPASOJE: Hteo sam da mu objasnim.

ANTA: A kakve veze sve to ima sa tobom?

SPASOJE: Pre svega, ta velika tehničko-finansijska konzorcija nema osnovnog kapitala. Sav kapital na kome je zasnovana konzorcija, to je što joj je generalni direktor gospodin Đurić, brat ministrov.

ANTA: A Švarc i Rozendolf?

SPASOJE: Švarc i Rozendolf, to su obični trgovački agenti jedan je agent neke fabrike automobilskih guma, a drugi fabrike češljeva i drugih celuloidnih proizvoda. Reći ćeš: zašto smo i njih uvukli u konzorciju kad su obični agenti? Zato, gospodine, što našoj državi, našim. novčanim zavodima i našoj čaršiji, ne imponuje preduzeće u kome nije po jedan Švarc ili Rozendolf. I najzad, mi njih i ne smatramo kao obične agente. Mi smo ih proglasili za predstavnike velikih inostranih kapitala. Švarc važi kao predstavnik belgijskih, a Rozendolf kao predstavnik anglosaksonskih kapitala. Uostalom, nama i ne treba kapital, jer mi ćemo koncesiju, kad je dobijemo, verovatno i prodati, ali ono što nam treba to su prethodni troškovi i kaucija. Prethodne troškove podneo je gospodin Novaković, a kao kauciju ja sam dao moju trospratnu kuću na, Terazijama.

ANTA: Pa tu kuću dao si kao miraz uz kćer.

SPASOJE: Da, ali privremeno je zalažem za, kauciju. Eto, razumeš li sada situaciju? I zamisli sad, na sve to, pojavi se jedan mrtvac, proguta tu kauciju i proguta celo preduzeće »Iliriju«. Može li se to dozvoliti, recite, može li se to dozvoliti?

NOVAKOVIĆ (*nervozno*): Pa zato, zaboga, govorimo o tome, a ne o »Iliriji«.

SPASOJE: O čemu?

RINA: O njemu, o pokojniku. On može svakoga časa naići svakoga trenutka kad se otvore vrata, ja zastrepim.

SPASOJE (*zbunjen, ali kao pribira se*): Pa... neka dođe...

NOVAKOVIĆ? Da, ali pitanje je kako ćemo se ponašati prema njemu?

SPASOJE: Kako? To je tako prosta stvar. Mi ne možemo priznati da je on živ to bi bilo protiv naših

опыт, весь свой авторитет и связи в то огромное предприятие, в которое мы вложили лишь капитал и знания, – что скажет он? Ведь если согласиться с таким положением вещей, то есть если признать, что МАРИЧ жив, – все наше предприятие рухнет до самого основания.

АНТА. Это еще не самое страшное!

СПАСОЕ. Не самое страшное? То есть как не самое страшное? Ты когда-нибудь слышал о большой финансово-промышленной компании, акционерном обществе «Иллирия»?

АНТА. Да, слышал, знаю!

СПАСОЕ. Это, сударь, компания, которая берет у государства концессию на осушение всех болот, участков, затопляемых водой, озер и вообще всех заболоченных пространств в нашей стране. Это большая, двенадцатилетняя работа, предусматривающая сооружение крупных технических объектов: не менее десяти больших железных мостов, около ста бетонных и множество туннелей и сооружений для пропуска паводковых вод. Это нечто грандиозное, понимаешь!

АНТА. Я не вижу только, какая здесь связь?

СПАСОЕ. Какая связь? Мы в это вложили всё, всё, что имели: господин НОВАКОВИЧ на различные гербовые сборы и предварительные расходы – на составление смет и прочее – внес около полмиллиона динаров наличными. Господин Протич, мой будущий зять, а пока жених моей дочери, избран техническим директором всего предприятия. Да, сударь, и избран не потому, что он мой зять, а как специалист. Два года тому назад мой зять напечатал свой большой научный труд «Мелиорация местности». Этот труд явился необычайной сенсацией. На основании труда он был выбран экстраординарным профессором университета, потому что это не просто научный труд, имеющий обычную ценность, а научная революция в области гидротехники, по тем новым методам ведения работ, которые в нем изложены.

АНТА (*с восхищением*). Как это ты так учено говоришь?

СПАСОЕ. Я все это зазубрил, выучил наизусть, чтобы уметь сказать об этом предмете.

ЛЮБОМИР (*к СПАСОЕ*). Прошу вас, отец, поговорите о чем-нибудь другом, не надо больше об этом.

СПАСОЕ. Я хотел ему объяснить.

АНТА. А какое отношение все это имеет к тебе?

СПАСОЕ. Прежде всего у этой крупной промышленно-финансовой компании нет

interesa, kada bi mu priznali da je on živ. Ponašaćemo se, dakle, kao prema pokojniku.

АНТА: Kako to misliš: je l' da se prekrstimo kad ga vidimo?

СПАСОЈЕ: Ti možeš i da se prekrstiš, ali što se mene tiče, ja ću smatrati da on ne postoji. Ako dođe, smatraću kao da nije došao ako me pozdravi, neću ga ni otpozdraviti ne mogu se ja zdraviti sa mrtvacima.

No, hvala lepo!

АНТА: A ako progovori?

СПАСОЈЕ: Neću mu odgovoriti.

РИНА: Ja ću okrenuti glavu, ja ne želim da ta vidim.

СПАСОЈЕ: A mislite valjda da ja želim.

НОВАКОВИЋ: Vi mislite, dakle, da je najbolje

ignorirati ga, potpuno ignorirati.

СПАСОЈЕ: Kao da ne postoji.

SVI (*odobravaju*).

основного капитала. Весь капитал, на котором основано это предприятие, заключается в том, что его главный директор господин ДЖУРИЧ – брат министра.

АНТА. А Шварц и Розендольф?

СПАСОЕ. Шварц и Розендольф – обыкновенные торговые агенты: один – агент какой-то фабрики автомобильных покрышек, другой – фабрики расчесок и тому подобных целлулоидных изделий. Ты скажешь: «Зачем мы вовлекли их в предприятие, если они обыкновенные агенты?» А потому, сударь, что нашей стране, нашим банкам и нашему торговому миру не импонирует предприятие, в котором не было бы какого-нибудь Шварца или Розендольфа. А самое главное, они у нас числятся не просто агентами, мы объявили их представителями крупных иностранных капиталов: Шварц считается представителем бельгийских, а Розендольф – англо-саксонских капиталов. Впрочем, нам капитал и не нужен; когда мы получим концессию, мы, по всей вероятности, ее продадим. Но что нам было необходимо, так это предварительные расходы и залог. Предварительные расходы взял на себя господин НОВАКОВИЧ, а под залог я отдал свой трехэтажный дом на Теразии.

АНТА. Так ведь ты дал этот дом в приданое дочери?

СПАСОЕ. Да, но временно отдаю его под залог.

Ну, теперь ты понимаешь наше положение? И представь, после всего этого появляется какой-то покойник, проглатывает этот залог, проглатывает все предприятие «Иллирия»! Можно ли это допустить, скажите, пожалуйста? Можно ли допустить!

НОВАКОВИЧ (*нервно*). Поэтому-то мы и говорим об этом, а не об «Иллирии».

СПАСОЕ. О чем?

РИНА. О нем, о покойнике. Он может прийти каждую минуту. Каждый раз, как открываются двери, я вздрагиваю.

СПАСОЕ (*нервничает, но берет себя в руки*).

Ну... и пусть приходит...

НОВАКОВИЧ. Да, но вопрос, как нам вести себя по отношению к нему?

СПАСОЕ. Как? Очень просто! Мы не можем признать его живым: это было бы против наших интересов. Следовательно, мы должны относиться к нему как к покойнику.

АНТА. Как ты себе это представляешь? Что ж, когда он появится, нам перекреститься?

СПАСОЕ. Можешь и перекреститься, а что

XVI**ANA, PREDAŠNJI**

ANA (*donosi vizitkartu i predaje Novakovi;ću*).

SVI (*prestravljeni*): On?

NOVAKOVIĆ: On!

SVI (*uznemireni su i gledaju se tupo među sobom*).

NOVAKOVIĆ (*prevrće kartu u ruci i razmišlja najzad odluči*): Neka uđe.

ANA (*ode*).

SPASOJE (*jedva se odvaži*): Za mene ne postoji.

SVI: Ni za nas. (*zauzimaju raznolike stavove Spasoje prekrsti ruke na trbuh i zagleda se u tavanicu; Rina se sakrije iza leđa Novakovićevih; Protić seo u jednu duboku fotelju, utonuo u njoj i zaklonio oči; Anta uzeo maramu korsem da obriše nos, pa kako ga zabo u maramu, ne diže ga.*)

XVII**PAVLE, PREDAŠNJI**

PAVLE (*ulazi i pogleda po svima*): Dobar dan!

SVI (*niko mu ne odgovara, niko ne okreće glavu ostaju u stavu u kome su bili*).

PAVLE (*duža pauza, on ih posmatra i najzad ponavlja*): Dobar dan, želim!

SPASOJE (*ne osvrćući se, gledajući i dalje u tavanicu, savladan prgavošću*): Čuli smo!

PAVLE: Mislio sam... očekivao sam...

SPASOJE (*zaboravlja se*). Šta ste kog đavola

касається меня, я буду считать, что его не существует. Если он придет, я буду считать, что он не пришел, если он со мной поздоровается, я ему не отвечу. Не могу же я здороваться с покойником?! Нет уж, спасибо!

АНТА. А если он заговорит?

СПАСОЕ. Буду молчать.

РИНА. Я отвернусь; не желаю его видеть.

СПАСОЕ. Может быть, вы думаете, я желаю?

НОВАКОВИЧ. Значит, вы думаете, лучше всего его не замечать, совсем не замечать?

СПАСОЕ. Да, как будто его и не существует.

Все одобряют.

XVI

Анна, те же.

Анна приносит визитную карточку и передает ее НОВАКОВИЧу.

Все (с ужасом). Он?

НОВАКОВИЧ. Он!

Все взволнованы и тупо смотрят друг на друга.

НОВАКОВИЧ (в раздумье вертит в руке карточку, потом решается). Пусть войдет!

Анна уходит.

СПАСОЕ (некоторое время колеблется, затем решительно). Для меня он не существует.

Все. И для нас.

Все принимают различные позы. СПАСОЕ скрещивает руки на животе и смотрит в потолок; РИНА прячется за спиной НОВАКОВИЧА; ЛЮБОМИР садится в глубокое кресло и закрывает глаза; АНТА вытаскивает из кармана носовой платок, подносит его к носу, начинает сморкаться и остается в таком положении.

XVII

МАРИЧ, те же.

МАРИЧ (*входит и окидывает всех взглядом*).

Добрый день!

Никто ему не отвечает, никто не поворачивает головы. Все остаются в прежних позах. Довольно продолжительная пауза.

(Еще раз оглядывает всех и наконец повторяет.)

Добрый день!

СПАСОЕ (*не поворачиваясь, продолжает упрямо смотреть в потолок*). Слышали!

МАРИЧ. Я думал... я ожидал...

očekivali, niste valjda mislili da ćemo pasti u nesvest kad se pojavite?

PAVLE: To ne, dragi nasledniče, ali sam mislio predusrećete me radošću kojom se u porodici predusreće u takvim izuzetnim i neobičnim slučajevima. Vratio sam se, zaboga, iz mrtvih.

SPASOJE: To je vaša stvar!

PAVLE: Ne samo moja već i moje porodice. Zar se žena, supruga, neće obradovati povratku muža za kojega je mislila da je mrtav?

RINA (*buni se i krije iza Milana*).

PAVLE (*Spasaju*): Ili vi, na primer, kao najbliži rođak? Kažu, vi ste na sudu dokazali da ste moj najbliži rođak, a vidim (*vadi iz džepa svoju posmrtnu listu*) i na posmrtnoj listi prilikom moga pogreba potpisali ste se kao ucveljeni rođak. Tako blizak rođak kao vi morao bi se obradovati.

SPASOJE (*zbunjeno*): Morao bi, ne kažem da ne bi morao, ali ne mogu ja dozvoliti da se vi igrate sa mojim osećanjima. Čas vam padne na pamet da umrete i ja treba da plačem, zatim vam padne na pamet da oživite i ja treba da se radujem. Pa vi to tako možete terati doveka i onda ne treba, je l' te, ja ništa drugo da radim nego čas da plačem a čas da se smejem!

PAVLE (*pogleda oko sebe*): Pa onda, i ova druga gospoda. Moj drug i ortak, na primer...?

NOVAKOVIĆ: Mi smo se, gospodine, rastali još za vašega života!

PAVLE: Da, da, ali gospodin Anta, rođak moje žene! Najzad, preskočimo njega.

ANTA: Sasvim, preskočimo mene!

PAVLE: Ali moj mladi prijatelj, gospodin Protić, prema kome sam ja imao toliko ljubavi i poverenja i kome sam ja...

PROTIĆ (*sломљен, prilazi mu*): Ja vas molim, gospodine, dozvolite mi da o tome nasamo govorimo.

PAVLE: Molim! Velite li i vi, gospodine Anto, da nasamo govorimo?

ANTA: Rekli smo, mene ćete preskočiti.

PAVLE: A moja supruga možda?

RINA (*trgne se kao pod ubodom, preživljava težak momenat, i najzad promuklo šapće*): Izvolite se obratiti mome suprugu!

NOVAKOVIĆ: Gospodine, vaša bivša žena preudala se legalno za mene i mi danas živimo u jednom srećnom braku. Ne vidim na osnovu čega vi toliko apostrofirate moju ženu i na osnovu čega joj se obraćate?

PAVLE: Na osnovu toga što sam živ.

SPASOJE: To treba, gospodine, dokazati! Ne može to tako doći ma ko i kaže ja sam živ! Istragom je

СПАСОЕ (*забывшись*). Что, какого черта вы ожидали! Вы, вероятно, думали, что мы упадем в обморок, когда вы появитесь?

МАРИЧ. Нет, дорогой наследник! Но я думал, что вы встретите меня с радостью, с какой обычно встречают в семье в таких исключительных и необыкновенных случаях. Я же воскрес из мертвых.

СПАСОЕ. Это ваше дело!

МАРИЧ. Не только мое, но и моей родни. Разве жена, супруга, не обрадуется возвращению мужа, которого считали мертвым?

РИНА *смуцается и прячется за НОВАКОВИЧА*. (*К СПАСОЕ*.) Или вы, например, как ближайший родственник? Говорят, на суде вы доказали, что вы мой ближайший родственник? (*Вынимает из кармана извещение о своей смерти*.) Вижу, вы и на извещении о смерти подписались, как убитый горем родственник. Такой близкий родственник, как вы, должен был бы обрадоваться!

СПАСОЕ (*смуцено*). Должен бы, не говорю, что не должен, но я не могу позволить, чтобы вы играли моими чувствами. То вам взбредет в голову умереть – и я должен плакать, то ожить – и я должен радоваться. Так вы можете продолжать до бесконечности, и тогда, не правда ли, мне ничего другого не останется, как то плакать, то смеяться!

МАРИЧ (*посмотрев вокруг*). А потом и эти, остальные господа, мой друг и компаньон, например?

НОВАКОВИЧ. Мы, сударь, расстались еще при вашей жизни!

МАРИЧ. Да, да! Или господин АНТА, родственник моей жены? Но оставим его.

АНТА. Правильно, оставим меня.

МАРИЧ. Но мой молодой друг, господин Протиц, к которому я питал столько любви и доверия и которому я...

ЛЮБОМИР (*убитый, подходит к нему*). Я прошу вас, разрешите поговорить с вами об этом наедине.

МАРИЧ. Пожалуйста! Может быть, и вы, господин АНТА, желаете поговорить со мной наедине?

АНТА. Вы же сказали, что меня минуете.

МАРИЧ. Или, может быть, моя супруга?

РИНА (*вздрагивает, как от укола, переживает и наконец хрипло шепчет*). Извольте обратиться к моему suprugu!

НОВАКОВИЧ. Сударь, ваша бывшая жена совершенно законно вышла за меня замуж, и мы теперь живем очень счастливо. Не понимаю, на основании чего, собственно, вы выделяете мою

utvrđeno da ste vi izvršili samoubistvo i prema tome vi ste mrtvi vi ste pred zakonom mrtvi i vi ste za sve nas mrtvi. Sahranili smo vas, i to svečano. Ja sam sa gospodom išao za sandukom, moj zet je držao govor, moja ćerka je šest nedelja nosila crninu, a ja sam vam položio venac na grobu, pa šta hoćete više i šta bi vi mogli tražiti više?

.PAVLE: Ja sam vam vrlo blagodaran na tolikoj pažnji!

SPASOJE: Davali smo vam četrdesetodnevni i godišnji pomen.

PAVLE: Vrlo sam vam zahvalan.

SPASOJE: E, pa šta bi dakle još? Mi smo sa svoje strane učinili sve što smo samo mogli. Šta hoćete još?

PAVLE: Ništa ja neću, došao sam da vam blagodaram za sve pažnje koje ste mi ukazali.

SPASOJE: Toga radi niste morali dolaziti.

PAVLE: Mislite, dakle, da mi nemamo o čemu više da razgovaramo?

SPASOJE: Ja ne vidim o čemu bi mogli razgovarati?

PAVLE: Zar vi ne vidite da se mojim dolaskom menja situacija? Da se upravo menja iz osnova ceo red stvari? O tome bi imali šta da progovorimo.

SPASOJE: Ja ne vidim da se menja situacija, a, najzad, ako vi nalazite da je izmenjena, ja ću vam dati prijateljski savet kako da se iz te izmenjene situacije izvućete.

PAVLE: Molim, rado ću vas čuti.

SPASOJE: Ako vaš dolazak ima da znači pretnju svima nama, onda vam moram reći da ste u zabludi.

Mislite li vi da je to lako porušiti sve što je izgrađeno posle vaše smrti? Varate se! Za vas bi jedini izlaz iz situacije bio kada bi se vratili tamo odakle ste i došli i pomirili se s tim da ste mrtvi.

PAVLE: Da, to bi bio jedan izlaz iz situacije, ali ima još jedan, i ja sam se za ovaj drugi odlučio.

SPASOJE: Ataj je?

PAVLE: Da ostanem ovde, među vama!

(opšti pokret negodovanja)

NOVAKOVIĆ: To nije među nama, nego protiv nas!

PAVLE: Ako vi tako hoćete.

SPASOJE: To znači, gospodine... razmislite, razmislite još jedanput.

PAVLE: Tri godine sam ja razmišljao.

SPASOJE: O takvim stvarima nije dosta ni trideset godina razmišljati.

PAVLE: Oprostite, gospodo, što sam vas uznemirio. Meni je potreban bio ovaj susret pre no što pođem dalje. Mislio sam da svakome posebno načinim posetu.

ANTA: Mene preskočite!

PAVLE: Ali utoliko bolje kada sam vas našao na

жену, и какое вы имеете право к ней так обращаться?

МАРИЧ. На основании того, что я жив.

СПАСОЕ. Это, сударь, еще требуется доказать!

Так нельзя: придет кто-либо и скажет – я жив.

Следствием установлено, что вы покончили самоубийством и, следовательно, вы мертвы! Вы мертвы перед законом и метрвы для нас всех. Мы вас похоронили, причем похоронили торжественно. Я шел с вашей женой за гробом, мой зять произнес речь, моя дочь шесть недель носила траур, а я возложил вам на могилу большой веноч. Чего же вы еще хотите? И чего еще большего вы хотите?

МАРИЧ. Я очень благодарен за такое внимание!

СПАСОЕ. Отслужили по вас панихиду в сороковой день и помянули в годовщину.

МАРИЧ. Я вам очень благодарен.

СПАСОЕ. Ну что еще после этого? Мы со своей стороны сделали всё, всё, что могли. Чего же вы еще хотите?

МАРИЧ. Я ничего не хочу, я пришел вас поблагодарить за то внимание, которое вы мне оказали.

СПАСОЕ. Ради этого могли бы и не приходиться.

МАРИЧ. Следовательно, вы думаете, нам больше не о чем разговаривать?

СПАСОЕ. Не вижу, о чем бы мы могли говорить.

МАРИЧ. Разве вы не видите, что с моим приходом положение меняется. В действительности ситуация в корне меняется. Об этом можно было бы поговорить.

СПАСОЕ. Не вижу, чтоб ситуация менялась; а если в конце концов вы находите, что она изменилась, я дам вам дружеский совет, как выбраться из этой изменившейся ситуации.

МАРИЧ. Пожалуйста, охотно вас выслушаю.

СПАСОЕ. Если ваш приход должен означать для нас угрозу, я обязан вас предупредить, что вы заблуждаетесь! Вы думаете, так легко разрушить все, что было создано после вашей смерти?

Ошибаетесь! Для вас из создавшегося положения есть один-единственный выход – вернуться туда, откуда приехали, и примириться с тем, что вы покойник.

МАРИЧ. Да, согласен, это один выход из создавшегося положения, но есть и другой, и я остановился на нем.

СПАСОЕ. А именно?

МАРИЧ. Остаться здесь, среди вас!

Общее негодование.

НОВАКОВИЧ. Не среди нас, а против нас!

okupu. Praštam se, gospodo. (*hoće da pođe*)
SPASOJE: Čekajte! Je li to vaša poslednja reč?
PAVLE (*zastane*): Moja poslednja reč; ja sam živ i ja hoću da živim! (*ode*)
SPASOJE I SVI (*zapanjeni pogledaju se među sobom*).
SPASOJE (*prvi se pribere i vikne za njim, iako je već otišao Pavle*): Ali i mi hoćemo da živimo! Anto, potrči za njim i dovikni mu i mi hoćemo da živimo i mi hoćemo da živimo!
Zavesa

Drugi čin

(Lepo nameštena soba u Spasojevoj kući.)

I

VUKICA, SPASOJE

VUKICA (*ukusno obučena, svetlih manikiranih noktiju, počupanih obrva i raskošno obojenih usana, sedi zavaljena na kanabetu, raskalašno prebačene noge preko noge i pušeci cigaretu*): Ne razumem zašto se od mene krije razlog?

SPASOJE: Ne krije se, dušo, ali je taj razlog takve prirode...

VUKICA: Mora da je to vrlo čudan razlog. Zakazati dan venčanja, objaviti to tako reći celom svetu, štampati i pozivnice, pa ujedanput obustaviti sve to... Pa to je čitav skandal! I, zašto, zašto?

SPASOJE: Naišle su iznenadno velike brige.

VUKICA: Brige, brige, pa ti ih imaš uvek.

SPASOJE: Da, imam ih, al' ovo su, kako da kažem, izuzetne brige. Tiču se ove naše konzorcije. Naišli

МАРИЧ. А, вот вы как хотите!
СПАСОЕ. Это значит, сударь... подумайте, подумайте еще раз!
МАРИЧ. Я думал три года!
СПАСОЕ. Чтобы думать о таких вещах, и тридцати лет недостаточно.
МАРИЧ. Извините, господа, что я вас побеспокоил! Мне эта встреча нужна была для того, чтобы действовать дальше. Я предполагал нанести визит каждому в отдельности, но...
АНТА. Минуйте меня!
МАРИЧ. Но тем лучше, что я застал вас всех вместе. Прощайте, господа! (Собирается уходить.)
СПАСОЕ. Подождите! Это ваше последнее слово?
МАРИЧ (*останавливается*). Мое последнее слово: я жив и хочу жить! (*Уходит.*)
СПАСОЕ и все остальные, онемев, смотрят друг на друга.
СПАСОЕ (*первым приходит в себя и кричит вслед ушедшему Марину*). Но мы тоже хотим жить!
АНТА, беги за ним и крикни ему: мы тоже хотим жить! Мы тоже хотим жить!

Занавес

Действие второе

Хорошо обставленная комната в доме СПАСОЕ.

I

ВУКИЦА, СПАСОЕ.

ВУКИЦА (*одета со вкусом, ногти покрыты светлым лаком, брови выщипаны, губы ярко накрашены. Небрежно положив ногу на ногу, развалилась на диванчике, куря сигарету*). Не понимаю, зачем от меня скрывают причину?
СПАСОЕ. Не скрывают, душа моя, но эта причина такого рода...

ВУКИЦА. Должно быть, это очень странная причина. Назначить день венчания, объявит об этом, так сказать, всему свету, напечатать пригласительные билеты – и вдруг все отменить... Да это же целый скандал! И почему, почему?

СПАСОЕ. Неожиданно возникло одно дело, вызвавшее много хлопот.

ВУКИЦА. «Много хлопот, много хлопот», да

smo na jednu vrlo veliku smetnju, kojoj se nismo nadali, i svi smo zabrinuti, i tvoj verenik tako isto.

VUKICA: Da, i taj gospodin verenik. Do pre neki dan je po dva i tri puta dnevno dolazio piljio mi u oči kao mače govorio mi ljubavne reči i opisivao mi najlepšim bojama naš budući bračni život. A od prekjuče, jedva svrati pokoji put i to nešto zbunjen, rasejan, ne ume ni da govori.

SPASOJE: Pa, pažem ti, sve nas je pritisla briga, zato nam i nije do venčanja sad. Ja hoću da mi venčanje moje jedinice bude najveseliji dan u životu... (*miluje je po kosi*) Strpi se samo, videćeš, sve će dobro, sve će biti lepo.

VUKICA: Još na sve to ti mi dovodiš tetka-Agniju.

SPASOJE: Ali ne dovim je ja, zaboga! Srela me je juče pa veli: »Doći ću sutra da obidem Vukicu!« Nisam joj mogao reći nemoj dolaziti, ne trpi te Vukica.

VUKICA: Ne trpim je, pa to ti je!

SPASOJE: Ali, dušo moja, moramo je trpeti. To je najpre moja sestra, od tetke doduše, ali tek sestra, a zatim je to jedna vrlo bogata usedelica.

VUKICA: Pa? Jesam li joj ja kriva. Što se nije udala kad je trebala?

SPASOJE: Ne znam, ali ona je bogata. Doduše, ona se nosi mišlju da sve svoje imanje ostavi nekoj humanoј ustanovi sve matore devojke, znaš, boluju od humanizma, ali ja mislim da će ona voditi računa i o tebi.

VUKICA (*odlučno i kapriciozno*): Ne trpim je!

SPASOJE: Ne razumem, zašto je baš toliko ne trpiš? Šta ti je našao učinila?

VUKICA: Nesnosna mi je. Hoćeš li mi verovati, tata, da ni o čemu drugom ne razgovara, kad joj odem, do o prvoj bračnoј ноћи. Samo o tome, samo o tome, a uz to se još prenemaže i uzdiše.

SPASOJE: Ne treba joj zameriti svako uzdiše za svojim idealima.

VUKICA: Pa zar bračna ноć ideal?

SPASOJE: Ideal je, sine, sve ono što čovek ne može da postigne.

VUKICA: I sad ja da ispaštam zato što ona nije postigla svoj ideal!

когда же у тебя их не бывает!

СПАСОЕ. Да, бывают, но это, как бы сказать, необычайные хлопоты. Это касается нашего предприятия. Мы натолкнулись на весьма трудное препятствие, на которое совсем не рассчитывали, и все очень обеспокоены; и твой жених тоже.

ВУКИЦА. Да и этот господин жених! Несколько дней назад приходил по два, по три раза в день, пялил на меня глаза, будто кот, говорил любезные слова и в самых радужных красках рисовал нашу будущую семейную жизнь, а с позавчерашнего дня изредка завернет ко мне, и то какой-то смущенный, рассеянный, даже говорить разучился.

СПАСОЕ. Ну говорю же тебе, всех нас придавило одно сложное дело; поэтому-то нам теперь и не до свадьбы. Я хочу, чтобы свадьба моей единственной дочери была самым радостным днем в жизни... (*Гладит ее по голове.*) Потерпи немного, вот увидишь, все будет хорошо, все будет прекрасно.

ВУКИЦА. Да еще ко всему этому ты приводишь тетку Агнию.

СПАСОЕ. Но я ее не приводил, бог с тобой! Встретилась она мне вчера и говорит: «Я зайду завтра навестить Вукицу!» Ну не мог же я ей сказать: «Не приходи к нам, ВУКИЦА тебя терпеть не может!»

ВУКИЦА. Не выношу ее – и только!

СПАСОЕ. Но, душа моя, мы должны ее терпеть. Прежде всего она моя сестра, правда, двоюродная, но все же сестра! А кроме того, она очень богатая старая дева.

ВУКИЦА. Ну и что же? Я, что ли, виновата в этом? Почему она не вышла замуж, когда нужно было?

СПАСОЕ. Не знаю, но она богата. Правда, она думает оставить свое имущество какому-то благотворительному обществу – все старые девы страдают благотворительностью, – но, я полагаю, она и о тебе собирается позаботиться.

ВУКИЦА (*решительно и капризно*). Я ее не выношу!

СПАСОЕ. Не понимаю, почему ты ее так терпеть не можешь? Что она тебе плохого сделала?

ВУКИЦА. Она несносная. Веришь, папа, когда я к ней прихожу, она ни о чем другом не говорит, только о первой брачной ночи. Только об этом, только об этом, да еще при том ломается и вздыхает.

СПАСОЕ. Не надо ее укорять: каждый вздыхает по своим идеалам.

II

ANTA, PREDAŠNJI

ANTA: Dobar dan! Dobar dan, gospođice Vukice!

VUKICA: Dobar dan!

SPASOJE (*Vukici*): Ostavi nas za časak, imamo razgovor baš povodom te naše brige.

VUKICA: Molim! (*ode*)

III

ANTA, SPASOJE

SPASOJE: Jesi li ga pronašao?

ANTA: Jedva! Nije on, znaš, saradnik koga lista ili da ima svoj list, pa da ga možeš lako naći.

SPASOJE: Nego?

ANTA: On je onako, dođe mu kao neki leteći novinar on veli da je publicista. Piše, znaš, onako, ispod ruke.

SPASOJE: Pa takav nam i treba. Znaš li mu bar ime?

ANTA: Da, znam! Mladen Đaković. Kažu niko kao on ne zna napisati tako oštro i strašno da se onome koga napadne prevrću i dedine kosti u grobu. Niko kao on, kažu ne ume tako od crnoga da napravi belo, a od beloga crno.

SPASOJE: Hoće li doći?

ANTA: Doći će još danas pre podne.

SPASOJE: Ali mu nisi govorio radi čega ga zovem?

ANTA: Bože, sačuvaj. Učinio sam toliko da ga pronađem, ali pravo da ti kažem, ne želim da se ja pletem u stvar. Ti znaš dobro da sam ja preskočen, pa zašto onda da se sam poturam pod sekiru?

SPASOJE: To što si preskočen nemoj da računaš mnogo ako se sručimo, sručićemo se svi, a i tebi tvoja godina ne gine.

ANTA (*trgne se*): Opet ti! Pa, majku mu, zar ne možeš jedanput da se otkačiš od te godine!

SPASOJE: Ja to onako uz reč.

ANTA: Nemoj ni uz reč, brate!

ВУКИЦА. Да разве брачная ночь идеал?

СПАСОЕ. Идеал, дитя мое, все то, чего человек не может достичь.

ВУКИЦА. И что же, я теперь должна страдать из-за того, что она не достигла своего идеала?

II

АНТА, те же.

АНТА. Добрый день! Добрый день, барышня

ВУКИЦА!

ВУКИЦА. Добрый день!

СПАСОЕ (*Вукице*). Оставь нас на минутку! Мы должны поговорить как раз о нашем деле.

ВУКИЦА. Пожалуйста! (*Уходит.*)

III

Ант а, СПАСОЕ.

СПАСОЕ. Ты его разыскал?

АНТА. С трудом. Он, видишь ли, не какой-нибудь сотрудник газеты или ее издатель, чтобы его легко можно было найти.

СПАСОЕ. А кто же?

АНТА. Что-то вроде летучего журналиста: говорит, что он публицист. Пишет, знаешь, так, из-под полы.

СПАСОЕ. Ну такой нам и требуется! Ты узнал хотя бы его имя?

АНТА. Да, узнал: Младен Джакович. Говорят, что никто не может написать так остро и страшно, как он; что у тех, на кого он нападет, даже дедушкины кости в гробу переворачиваются! Говорят, никто, как он, не умеет из черного сделать белое, а из белого – черное.

СПАСОЕ. Он придет?

АНТА. Придет, сегодня до полудня.

СПАСОЕ. Но ты ему не говорил, зачем я его приглашаю?

АНТА. Боже сохрани! Я его только нашел. И, по правде говоря, не хочу в это дело вмешиваться. Ты хорошо знаешь, меня это миновало, так зачем же я теперь буду свою голову под топор класть?

СПАСОЕ. На то, что это тебя миновало, особенно не рассчитывай: если провалимся, так все провалимся, и тебе твоего года не миновать.

Ант а (*вздрыгнул*). Опять ты! О, черт возьми!

Неужели не можешь хоть раз отвязаться от этого года!

СПАСОЕ. Да я это так, к слову.

IV

AGNIJA, ISTI

AGNIJA (*mladalački obučena i našminkana, matora devojka, ona donosi lep buket cveća*): Dobar dan želim! (*rukuje se sa Antom pa sa Spasojem*) Kako, zar ti sam kod kuće?

SPASOJE: A, ne, tu je Vukica. (*Na njenim vratima.*)

Vukice, 'odi, 'odi, 'odi ovamo, došla je tetka Agnija!

ANTA (*digao se već ranije*): Pa 'ajde ja da idem.

SPASOJE: Danas će doći, je li?

ANTA: Još pre podne.

SPASOJE: Dobro, pa uvrati.

ANTA: Hoću, zbogom gospođice Agnija!

AGNIJA: Zbogom!

ANTA (*ode*).

V

SPASOJE, AGNIJA

SPASOJE: Ama, šta radi to dete? Vukice!

AGNIJA: Nemoj je zvati, htela bih da progovorim s tobom.

SPASOJE: Šta imaš kog đavola da razgovaraš sa mnom, eto ti Vukice pa razgovaraj sa mnom.

AGNIJA: Htela sam da te pitam, znaš, za to odlaganje venčanja. Znaš li da ti se to napolje vrlo rđavo tumači?

SPASOJE: Šta se mene tiče kako se napolju tumači!

Ostavi taj razgovor, molim te, razgovaraćemo drugi put o tome. Vukice, Vukice!

VI

VUKICA, PREĐAŠNJI

SPASOJE (*kad Vukica naiđe*): Gde si, dete, zaboga?

VUKICA: Dobar dan želim, tetka!

AGNIJA: Dobar dan! Slatko moje! (*ljubi je*) Ovo je za tebe. (*daje joj buket*)

VUKICA: Hvala, tetka!

AGNIJA: Pa kako je, kako je, jesi li već sita radosti?

АНТА. Ну и к слову, брат, не надо!

IV

АГНИЈА, те же.

АГНИЈА (*одетая не по годам, нарумяненная старая дева. Несет красивый букет цветов*). Добрый день! (*Здоровается за руку с Антой и СПАСОЕ.*)

Как, разве ты один дома?

СПАСОЕ. Нет, ВУКИЦА тоже дома. (*В дверь, Вукице.*) ВУКИЦА, иди, иди сюда, тетя АГНИЈА пришла!

АНТА (*во время разговора встал*). Ну, я пойду.

СПАСОЕ. Так он придет сегодня, да?

АНТА. Да, до полудня.

СПАСОЕ. Добро, заходи!

АНТА. Приду. До свидания, госпожа АГНИЈА!

АГНИЈА. До свидания!

АНТА уходит.

V

СПАСОЕ, АГНИЈА.

СПАСОЕ. Ну что делает этот ребенок? ВУКИЦА!

АГНИЈА. Не зови ее, мне хотелось бы поговорить с тобой.

СПАСОЕ. О чем, какого дьявола тебе разговаривать со мной? Вот тебе ВУКИЦА – и разговаривай с ней.

АГНИЈА. Я, знаешь, хотела тебя спросить насчет того, почему отложена свадьба. Знаешь, об этом идут очень дурные толки.

СПАСОЕ. Какое мне дело, как толкуют! Оставь этот разговор, прошу тебя! Поговорим об этом в другой раз. ВУКИЦА, ВУКИЦА!

VI

ВУКИЦА, те же.

СПАСОЕ (*вошедшей Вукице*). Где же ты, дитя, пропадаешь?

ВУКИЦА. Добрый день, тетя!

АГНИЈА. Добрый день! Красавица моя (*Целует ее.*) Это для тебя. (*Подает ей букет.*)

ВУКИЦА. Спасибо, тетя!

АГНИЈА. Ну как, как, ты уже насытилась радостью?

ВУКИЦА. Ох! Да. (*Рассматривает букет.*)

Смотрите, какие красивые цветы!

VUKICA: Oh! Da! (*razgleda buket*) Gle, kako je to lepo cveće!

AGNIJA: Sama sam ga birala kod cvečara. Htela sam da liči na jedan buket koji je meni tako draga uspomena.

VUKICA: Iz mladosti svakojako?

AGNIJA: Da... da... iz ranijih dana. Dobila sam, tada, takav isti buket sa vizitkartom na kojoj je pisalo: »Cveću cveće«.

VUKICA: To je tako lepo! A šta je pisalo s druge strane vizitkarte?

AGNIJA: Ništa! Samo ime Sima Tešić, artiljerijski kapetan.

VUKICA: O, mogu misliti kako vam je to draga uspomena.

AGNIJA: Kako da ne! Drške od cveća iz toga buketa još čuvam...

VUKICA: A čime ste vi, tetkice, nagradili darodavca buketa za tu pažnju?

AGNIJA (*kobajagi zbunjeno*): Čime? Ničim, čime bih ga mogla nagraditi? .

VUKICA: Priznajte, priznajte ipak, morali ste ga tek nečim nagraditi.

AGNIJA (*zbunjeno*): Pa, može moj... nagradila sam ga jednim ljupkim osmehom, Čim drugim može devojka nagraditi kavaljera? Ali ostavimo taj razgovor o prijatnoj prošlosti, razgovarajmo bolje o sadašnjosti, o budućnosti, o tebi. Jesi li se već odlučila kakvu ćeš venčanu haljinu praviti?

VUKICA: Nisam, ali na to neću ni da mislim, pošto je svadba odložena.

AGNIJA: Pa ako je odložena, odložena je momentalno, ali će je biti. Je li, Spasoje?

SPASOJE (*koji se zario bio u neko pismo, trgne se*): Pa da, razume se!

AGNIJA: A na venčanu haljinu treba za vremena misliti. Danas ima tako mnogo tih modnih žurnala da je vrlo teško odlučiti se. Pa onda materijal! Dođi kod mene, toliko puta sam ti rekla, dođi kod mene, ja imam preko trideset mustara materijala za venčane haljine. Dođi da razgledaš.

SPASOJE: A što će ti, boga ti, tolike mustre?

AGNIJA: Tako, birala sam, volela sam da pravim zbirku. Pa zašto ne? Jedan pravi zbirku poštanskih maraka, drugi zbirku starog novca, lula, starih satova, jelenskih rogova, što ne bih i ja imala svoju pasiju? Pravim zbirku mustara materija za venčanu haljinu; to je moja pasija.

VUKICA: Pa što zamerate, tata, tetki? Bolje to no da zbira mačke ko strina Jovanka,

SPASOJE: Ne zameram samo ne razumem kako je ne mrzi da ide po radnjama i traži da joj se seku oni

АГНИЈА. Я сама его подбирала у цветочника. Мне хотелось, чтобы он был похож на букет, который так дорог моей памяти.

ВУКИЦА. С юных лет, наверно?

АГНИЈА. Да... да... с юных лет. Я получила тогда такой же букет с визитной карточкой, на которой было написано: «Цветку – цветы».

ВУКИЦА. О, это так красиво! А что было написано с другой стороны карточки?

АГНИЈА. Ничего! Только имя: Сима Тешич, артиллерийский капитан.

ВУКИЦА. О, могу себе представить, какое это дорогое для вас воспоминание!

АГНИЈА. Еще бы, не дорогое! Стебли от букета я до сих пор храню...

ВУКИЦА. А чем же, тетушка, вы вознаградили капитана за такое внимание?

АГНИЈА (*делая вид, что смущается*). Чем? Ничем. Чем бы я могла вознаградить его?

ВУКИЦА. Признайтесь, признайтесь, ведь вы, безусловно, его чем-нибудь наградили?

АГНИЈА (*смущенно*). Ну, боже мой... Я наградила его нежной улыбкой. Чем еще может девушка вознаградить кавалера? Но оставим этот разговор о приятном прошлом, поговорим лучше о настоящем, о будущем, о тебе. Ты уже решила, какое подвенечное платье себе сделаешь?

ВУКИЦА. Нет, да и думать об этом не хочу, ведь свадьба отложена.

АГНИЈА. Ну если даже отложена, то временно, но она все-таки состоится. Не так ли, СПАСОЕ? СПАСОЕ (*погруженный в чтение какого-то письма, отрывается*). Ну да, разумеется!

АГНИЈА. А о подвенечном платье нужно подумать заблаговременно. Сейчас выходит так много журналов мод, но очень трудно решить, что выбрать, какой материал. Приходи ко мне – я столько раз тебе говорила, приходи ко мне, – у меня имеется больше тридцати образцов материала для подвенечного платья. Приходи и посмотришь.

СПАСОЕ. А зачем тебе столько образцов?

АГНИЈА. Так, я собирала, мне хотелось составить себе коллекцию. Почему бы не собирать? Один собирает коллекцию почтовых марок, другой – коллекцию старинных монет, трубок, старых часов, оленьих рогов; почему бы и мне не иметь своей слабости? Я собираю коллекцию образцов материала для подвенечного платья; это моя слабость.

ВУКИЦА. Зачем ты, папа, осуждаешь тетю? Это лучше, чем коллекционировать кошек, как делает

komadići krpa.

AGNIJA: Nemoj da kažeš, Spasoje, ima i to svoje draži. Uđem u radnju i uputim se najstarijem pomoćniku Gospodine, ja bih želela da mi pokažete materije za venčanu haljinu! Pomoćnik odmah napravi ljubazno lice i služi me sa zadovoljstvom, misleći da sam ja srećna verenica. I to traje čitavih pola sata. Meni dosta i tih pola sata.

SPASOJE: Pa dosta!

AGNIJA (*Vukici*): Slatko dete moje, kako bih volela da mi pokažeš tvoje rublje i preobuke koje si spremila.

VUKICA: Pa pokazala sam vam već.

AGNIJA: Ako, volim opet da vidim. (*šapćući joj*)

Pravo da ti kažem, ja se ne slažem s tim da obučeš onu belu svilenu pižamu prve bračne noći ja sam za liht plavu košulju.

VUKICA (*ocu očajno*): Eto, kažem ja!

SPASOJE: Šta to?

VUKICA (*zbunjeno*): Kažem ja da moj verenik neće doći. (*pogleda sat na ruci*) Koje je već doba, a njega nema.

SPASOJE: Doći će! Nemoj biti nestrpljiva.

AGNIJA (*zagrlji Vukicu i vodi je u sobu*): Slatko nestrpljenje! 'Ajdemo!

VUKICA (*prolazeći kraj oca*): Kažem ja!

AGNIJA I VUKICA (*odu u sobu*).

VII

ĐAKOVIĆ, SPASOJE

ĐAKOVIĆ (*robustan tip, aljkavo obučen*): Dobar dan želim! Mislim da nisam pogrešio adresu?

SPASOJE: A s kim imam čast?

ĐAKOVIĆ: Ja sam Mladen Đaković.

SPASOJE: Ah, viste taj novinar?

ĐAKOVIĆ: Ne novinar, publicista!

SPASOJE (*ponudi ga rukom da sedne*): Mislio sam da je to svejedno.

ĐAKOVIĆ: Ne, gospodine. Novinar je vezan za list,

тетя Йованка.

СПАСОЕ. Я не осуждаю, только мне непонятно, как ей не противно ходить по магазинам и просить, чтобы ей отрезали кусочки этих тряпок.

АГНИЯ. Не говори так, СПАСОЕ, это тоже имеет свою прелесть. Вхожу я в магазин и иду к старшему приказчику: «Сударь, я хотела бы, чтоб вы показали мне материал для подвенечного платья!» Приказчик сразу же делает любезное лицо и с удовольствием меня обслуживает, думая, что я и есть счастливая невеста. Это длится целых полчаса. Мне достаточно и этого времени. СПАСОЕ. Еще бы не достаточно!

АГНИЯ (*Вукице*). Ненаглядное мое дитя, как бы мне хотелось, чтобы ты показала свое белье и платья, которые ты приготовила.

ВУКИЦА. Да я же вам уже показывала.

АГНИЯ. Ну так что ж, мне хочется еще раз посмотреть. (*Шепчет.*) По правде говоря, я не согласна, чтобы ты в первую брачную ночь надела белую шелковую пижаму, я – за светло-голубую рубашку.

ВУКИЦА (*в отчаянии, отцу*). Видишь, я же говорила!

СПАСОЕ. В чем дело?

ВУКИЦА (*смутившись*). Я же говорила, что мой жених не придет. (*Смотрит на ручные часы.*) Столько времени, а его все нет.

СПАСОЕ. Придет! Не будь нетерпеливой.

АГНИЯ (*обнимает Вукицу и уводит ее в комнату*). Чудесное нетерпение! Пойдем!

ВУКИЦА (*проходя мимо отца*). Я же говорила!

АГНИЯ и ВУКИЦА уходят в другую комнату.

VII

СПАСОЕ, ДЖАКОВИЧ.

ДЖАКОВИЧ (*здоровенный тип, небрежно одетый*). Добрый день! Надеюсь, не ошибся адресом?

СПАСОЕ. А с кем имею честь?

ДЖАКОВИЧ. Я Младен ДЖАКОВИЧ...

СПАСОЕ. Ах, вы тот журналист?

ДЖАКОВИЧ. Не журналист, а публицист!

СПАСОЕ (*делает рукой знак, приглашая сесть*). Я думал, это одно и то же.

ДЖАКОВИЧ. Нет, сударь, журналист связан с газетой, с редактором, издателем, я же свободен, пишу когда хочу и что хочу – брошюры, листовки, памфлеты и вообще всякие такие вещи.

СПАСОЕ. Да, это как раз то, что мне в данном

za urednika, za izdavača, ja sam slobodan, pišem kad hoću i šta hoću brošure, detke, pamflete i uopšte takve stvari.

SPASOJE: Da, to je ono što bi u ovom slučaju i trebalo, i radi čega sam hteo sa vama da razgovaram.

ĐAKOVIĆ: Molim!

SPASOJE: Kažu da ste vi u polemici kadri dokazati da je crno u stvari belo, a belo da je crno.

ĐAKOVIĆ: Sve se može osporiti i potvrditi, zavisi od moći logike. I u čemu je uostalom filozofija starih grčkih filozofa Protagore, Sokrata i Eshila? Suština je njena u tome da svako da sadrži u sebi svoje ne, a svako ne nosi u sebi svoje da. Sve zavisi od moći logike.

SPASOJE: Pa vi to imate, kažu.

ĐAKOVIĆ: Da, logika, to je moja moć! Bog, vidite, svakom čoveku daruje ponešto vama je, na primer, dao pare, meni je dao logiku. On ne daje jednome sve, a drugome ništa. Ne može on vama dati logiku i pare, je l' te to dvoje ne idu zajedno. On je meni dao ovo, a vama ono i rekao evo vam, pa vi sad se razmenjujete. Ti stavi gazda-Spasuju u službu tvoju logiku, a on će tebi staviti u službu svoje pare.

SPASOJE: Kako staviti u službu svoje pare.

ĐAKOVIĆ: Pa tako, ja ću to što vi želite lepo napisati, a vi ćete to što ja napišem lepo platiti je l' tako?

SPASOJE (*ustežući se*): Pa, da!

ĐAKOVIĆ: Dakle, pošto smo se načelno sporazumeli, izvolite sad preći na detalje i izložite mi stvar. (*vadi papir i pisačicu i sprema se da piše*)

SPASOJE: Stvar je u ovome jedan je čovek umro pre tri godine i sahranili smo ga. Ja sam lično bio na pogrebu.

ĐAKOVIĆ: Bog neka mu dušu prosti

SPASOJE: E, ali sad je potrebno i dokazati da je on mrtav.

ĐAKOVIĆ: Ništa lakše, izvolite mi samo reći u kom stilu želite da se to napiše?

SPASOJE: Kako u kom stilu?

ĐAKOVIĆ: Pa, mislite li visokim stilom, na primer: »Iščežnuće individuuma iz životne zajednice proizlazi iz neminovnosti procesa kome se sve pojave u prirodi potčinjavaju«, ili želite da ja njemu prosto kažem: »Ti si, brate, umro!«

SPASOJE: Pa ovo je mnogo jasnije.

ĐAKOVIĆ: Reći ću mu, dakle: »Ti si, brate, umro, a da si umro, evo ti dokaza, prvo i prvo, ti nisi živ...«

SPASOJE (*prekine ga*): Ali on je živ.

ĐAKOVIĆ: Ko je živ?

SPASOJE: Pa taj što je umro.

ĐAKOVIĆ: Ja vas ne razumem?

случае надо и ради чего я хотел с вами поговорить. ДЖАКОВИЧ. Пожалуйста!

СПАСОЕ. Рассказывают, что вы в полемике способны доказать, что черное это белое, а белое – черное?

ДЖАКОВИЧ. Все можно опровергнуть и все можно доказать, это зависит от силы логики. Впрочем, в чем заключается философия древнегреческих философов Протагора, Сократа и Эсхила? Сущность ее в том, что каждое «да» содержит в себе свое «нет», а каждое «нет» несет в себе свое «да». Все зависит от силы логики!

СПАСОЕ. Вы, говорят, обладаете этим?

ДЖАКОВИЧ. Да, логика – моя сила! Видите ли, каждому человеку бог дарует что-нибудь одно: вам, например, он даровал деньги, мне – логику. Он не дает одному все, а другому ничего. Не может же он дать вам и логику и деньги, не так ли? Одно с другим не совмещается. Он дал мне это, а вам то и сказал: «Вот вам, а теперь обменивайтесь! Ты поставь на службу СПАСОЕ свою логику, а он тебе – свои деньги».

СПАСОЕ. Как это понять «поставь на службу свои деньги»?

ДЖАКОВИЧ. Да так! Я хорошо напишу то, что вы хотите, а вы за то, что я напишу, хорошо мне заплатите, не правда ли?

СПАСОЕ (*с заминкой*). Ну да!

ДЖАКОВИЧ. Так вот, раз мы в принципе договорились, перейдем теперь к деталям. Расскажите мне, в чем дело. (*Вынимает бумагу и карандаш, приготовился записывать.*)

СПАСОЕ. Дело вот в чем: был один человек, который умер три года назад, и мы его похоронили. Я сам лично присутствовал на похоронах.

ДЖАКОВИЧ. Ну и царство ему небесное!

СПАСОЕ. Да, но сейчас еще требуется доказать, что он умер.

ДЖАКОВИЧ. Нет ничего легче; извольте только сказать, какой стиль бы вас устраивал?

СПАСОЕ. Как, какой стиль?

ДЖАКОВИЧ. Ну, может быть, вы захотите высоким стилем, например так: «Исчезновение индивидуума из житейского общества вытекает из неизбежности процесса, которому подчиняются все явления природы», – или, может, захотите, чтобы я ему просто сказал: «Ты, брат, умер!..»

СПАСОЕ. Да, так гораздо яснее.

ДЖАКОВИЧ. Ну, тогда я ему скажу: «Ты, брат, умер, а что ты умер, вот тебе доказательство: прежде всего ты не живой»...

SPASOJE: Dakle, on je u stvari umro, kao što sam vam kazao, i sahranili smo ga pre tri godine, ali sad se najedanput javlja da je živ.

ĐAKOVIĆ (*zavrta glavom*): Hm! Hm! Hm! To je već malo neobičniji slučaj! Imao sam prilike da dokazujem da je živ čovek koji leži već godinu dana u grobu. Bilo je potrebno da i mrtvi glasaju za izbore narodnih poslanika, al' to je drugo. Drugo je to dokazivati da je mrtav čovek živ, a drugo da je živ mrtav.

SPASOJE: Znam, al' kad ima dokaza.

ĐAKOVIĆ: Kojih dokaza?

SPASOJE: Pa posmrtna lista, pogreb, grob.

ĐAKOVIĆ: Grob? Grob nije dokaz kad čovek postoji. Je l' postoji on?

SPASOJE: Pa on kaže da postoji.

ĐAKOVIĆ: E, to je ono, vidite, a njemu se u ovakvom slučaju mora verovati.

SPASOJE: Pa, dobro, zar vaša moć logike ne može nekako da dokaže da on ne postoji?

ĐAKOVIĆ (*razmišlja*): Hm, zaista težak problem, sem kad bi se nešto poslužili Ajnštajnovom teorijom.

SPASOJE: A kakva je to teorija?

ĐAKOVIĆ: Po Ajnštajnovoj teoriji sve su pojave u životu relativne. Moglo bi se, dakle, uzeti da je taj čovek samo relativno živ.

SPASOJE: Kad bi to moglo nekako na osnovu koje druge teorije?

ĐAKOVIĆ: Dobro, 'ajde da pređemo na drugu teoriju. Kažite vi meni otvoreno ovo, taj čovek vama smeta ako je živ! Kvari vam račune, ne?

SPASOJE (*snebiva se*): Pa, kako da kažem!

ĐAKOVIĆ: Kazali ste već, dosta mi je da vas razumem. Dabome, teško je to vraćati ono što je čovek već nasledio.

SPASOJE (*teško uzdahne*): Teško!

ĐAKOVIĆ: E, lepo! Sad smo načisto i sad ja vidim jasno celu situaciju. I ako se o svemu ozbiljno razmisli, biće prerano kanda da se o tome piše. Pardon, to je samo moje mišljenje, ali ako vi želite, ja ću pisati samo, znate, pisanje će izazvati i odgovor, pa onda ako iznesete stvar na sva zvona, to će vas vrlo brzo odvesti pred sud, a meni izgleda u ovome slučaju da vi imate sve razloge da izbegnete sud.

SPASOJE: Pa da, šta će mi sud?

ĐAKOVIĆ: E, pa zato, vidite, bolje je da vi tu stvar uredite nekako izbegavajući javnost. Ja, verujte, nemam računa da vam dajem ovakav savet, jer, kad bih napisao, ja bih vam mnogo više naplatio ovako za savet moram se zadovoljiti i sa 1000 dinara.

SPASOJE (*zgrane se*): Kako? 1000 dinara za nepisanje?

СПАСОЕ (*прерывает его*). Но он жив.

ДЖАКОВИЧ. Кто жив?

СПАСОЕ. Да тот, кто умер.

ДЖАКОВИЧ. Я вас не понимаю.

СПАСОЕ. В сущности, он умер, как я вам и сказал, и мы похоронили его три года назад, а сейчас вдруг он объявился, оказался живым.

ДЖАКОВИЧ (*качает головой*). Гм! Гм! Гм! Это уже несколько необычный случай! Однажды мне приходилось доказывать, что жив человек, который уже целый год лежал в могиле. Нужно было, чтобы мертвые тоже голосовали на выборах депутатов; но это дело другое! Одно дело доказывать, что покойник жив, а другое, что живой – покойник.

СПАСОЕ. Знаю, но если есть доказательства?

ДЖАКОВИЧ. Какие доказательства?

СПАСОЕ. Свидетельство о смерти, похороны, мо-гила.

ДЖАКОВИЧ. Могила? Могила не доказательство, если человек существует. Он существует?

СПАСОЕ. Да, он говорит, что он существует.

ДЖАКОВИЧ. Вот то-то и оно! Видите ли, а ему, во всяком случае, следует верить.

СПАСОЕ. Ну хорошо, но разве ваша сила логики не может как-нибудь доказать, что он не существует?

ДЖАКОВИЧ (*думает*). Гм! Действительно, трудная проблема. Может быть, воспользоваться теорией Эйнштейна?

СПАСОЕ. А что это за теория?

ДЖАКОВИЧ. По теории Эйнштейна все явления в жизни относительны. Следовательно, можно было бы считать, что этот человек только относительно жив.

СПАСОЕ. А нельзя ли сделать на основании какой-нибудь другой теории?

ДЖАКОВИЧ. Хорошо, можно и по другой теории. Скажите мне откровенно вот что: этот человек вам будет мешать, если он останется жив? Он портит ваши расчеты, да?

СПАСОЕ (*замявшись*). Да как вам сказать!

ДЖАКОВИЧ. Вы уже сказали: для меня достаточно и этого, чтобы понять вас. Конечно, тяжело возвращать то, что человек уже получил в наследство.

СПАСОЕ (*глубоко вздохнув*). Тяжело!

ДЖАКОВИЧ. Ну, хорошо! Теперь все понятно, я ясно вижу всю ситуацию. И если обо всем этом серьезно подумать, выходит, что писать об этом еще рано. Пardon, это только мое мнение! Но, если вы хотите, я напишу; только, знаете,

ĐAKOVIĆ: I tu još nije uračunat honorar za ćutanje.
 SPASOJE: Kakao ćutanje?
 ĐAKOVIĆ: Pa, gospodine, recite vi meni, šta meni smeta sad, kad sam već ušao u samu tajnu, da bacim jedan letak: »Mrtvi su ustali, živi se spremaju da ih ponovo sahrane.«
 SPASOJE (*preneraženo*): Nećete valjda?!...
 ĐAKOVIĆ: Dakle, vidite li šta вреди moje ćutanje, a ja vam ne tražim više od hiljadu dinara za sve to.
 SPASOJE: Dobro, dobro, daću!
 ĐAKOVIĆ: Lepo, sporazumeli smo se. Savetovao sam vam da ne čačkate i ne stavljate na velika zvona. Dobro!... Ali vi ne možete sedeti skrštenih ruku, vi morate nešto činiti...
 SPASOJE: Pada!
 ĐAKOVIĆ: E, i u tom pogledu daću vam jedak savet.
 SPASOJE: Opet 1000 dinara?
 ĐAKOVIĆ: I dve i tri i četiri... ali ja neću da vas ucenjujem, zadovoljiću se samo sa 1000 dinara, što sa onom prvom hiljadom čini dve hiljade.
 SPASOJE (*uzdahne*): Dve hiljade dinara?!
 ĐAKOVIĆ: Dve, dabome, ali slušajte me najpre pa ćete videti da вреди. Vi, porodica... ja mislim da ste vi porodica sa dotičnim živim mrtvacem?
 SPASOJE: Da!
 ĐAKOVIĆ: Skupite se dakle svi i oglasite za ludaka tu osobu, koja blagodareći sličnosti sa pokojnikom... je li sličan?
 SPASOJE: Kao pljunut.
 ĐAKOVIĆ: Dakle, oglasite ga za luda i uputite ga na posmatranje. Udesite zatim šta treba — tome ne treba da vas učim — i on će biti proglašen za ludaka. Verujte, kod nas je lakše proglasiti čoveka ludim no pametnim. Dokaz vam je, gospodine, što sam i ja bio tri meseca u ludnici.
 SPASOJE: Vi?
 ĐAKOVIĆ: Da, pred izbore narodnih poslanika našlo se da sam lud, posle završenih izbora našlo se da sam pametan.
 SPASOJE (*zabrinut*): O tome se vašem predlogu da razmišljati.
 ĐAKOVIĆ: Razume se da se da razmišljati i sad uvidate valjda da nisam precenio?
 SPASOJE (*seti se*): Ah, da! (*teška srca vadi iz portfelja dve hiljadarke i daje mu ih*)
 ĐAKOVIĆ (*ustaje*): Hvala, gospodine, i kad god vam zatrebam, ja vam stojim na raspoloženju, bilo da što napišem, bilo da vam kakav koristan savet dam.
 SPASOJE: Hvala!
 ĐAKOVIĆ: Ne želim više da vas uznemiravam. Zbogom, gospodine!
 SPASOJE: Zbogom!

написанное вызовет и ответ. И притом, если об этом деле раззвонить во все колокола, это вскоре приведет вас на скамью подсудимых, а, мне кажется, в данном случае у вас есть все причины, чтобы избегать суда.
 СПАСОЕ. Ну да, зачем мне суд?
 ДЖАКОВИЧ. Ну вот, видите! Лучше это дело решить как-нибудь так, без огласки. Поверьте, не в моих расчетах давать вам такой совет, так как, если бы я написал, я взял бы с вас гораздо больше. А так, за совет, я должен удовлетвориться только тысячью динаров.
 СПАСОЕ (*поражен*). Как, тысячу динаров за ненаписанное?
 ДЖАКОВИЧ. Да в эту сумму еще не вошел гонорар за мое молчание.
 СПАСОЕ. Какое молчание?
 ДЖАКОВИЧ. А вот скажите, сударь, что мне теперь помешает, когда я уже проник в тайну, разбросать листовку: «Мертвые встали, а живые снова стремятся их похоронить!»
 СПАСОЕ (*потрясенный*). Вы, конечно, этого не сделаете?!
 ДЖАКОВИЧ. Вот видите, чего стоит мое молчание! А я даже не требую с вас за все это более тысячи динаров.
 СПАСОЕ. Хорошо, хорошо, дам!
 ДЖАКОВИЧ. Прекрасно, вот мы и договорились! Я вам советую, не копайтесь в этом и не трезвоньте в колокола. Хорошо?... Но вы не можете сидеть сложа руки, вы должны что-то предпринять...
 СПАСОЕ. Ну да!
 ДЖАКОВИЧ. Так вот, и в этом отношении я вам дам совет.
 СПАСОЕ. Опять тысяча динаров?
 ДЖАКОВИЧ. И две, и три, и четыре... но я не буду вас шАНТАжировать и удовлетворюсь лишь тысячью динаров, что с той, первой тысячью, составит две.
 СПАСОЕ (*вздыхнув*). Две тысячи динаров?!
 ДЖАКОВИЧ. Ну, конечно, две; но вы меня сначала выслушайте, и увидите, что дело этого стоит. Вы, родня... я полагаю, вы родственник этому живому покойнику?
 СПАСОЕ. Да.
 ДЖАКОВИЧ. Так вот, соберитесь все и объявите сумасшедшим ту личность, которая благодаря сродству с покойником... Он похож, да?
 СПАСОЕ. Как две капли воды.
 ДЖАКОВИЧ. Вот и объявите его сумасшедшим и отправьте под наблюдение. Затем, проверните все,

ĐAKOVIĆ (*ode*).

VIII

AGNIJA, VUKICA, SPASOJE

AGNIJA (*izlazi iz Vukičine sobe*): Ukus, ukus, ukus!

Ukus u svakoj sitnici, to ti se mora priznati.

VUKICA: Sad ne možete reći da vam nisam sve pokazala?

AGNIJA: Ah, da, sve, sve, sve! Boga mi, dete, ti ćeš biti retka mladica tako lepo opremljena. I to sve sama; nisi htela ni mene da zoveš da ti pomognem.

VUKICA: Nisam htela da vam uznemiravam.

AGNIJA: Ali zašto, zašto, kad znaš da je spremanje svadbene opreme moja najmilija zabava?

SPASOJE: Pa zvaćemo te već, ima još da se sprema, a ima i vremena.

AGNIJA: Pa ima, dabome, kad je već odloženo venčanje.

SPASOJE: Ama, što si okupila to pa to!

VUKICA: Nemojte mi, tetka, molim vas ni pominjati

что полагается, – этому мне вас учить не надо, – и он будет объявлен сумасшедшим. Поверьте, у нас легче объявить человека сумасшедшим, чем нормальным. Доказательством этому может служить сударь, то, что я сам три месяца находился в сумасшедшем доме.

СПАСОЕ. Вы?

ДЖАКОВИЧ. Да! Перед выборами народных депутатов вдруг оказалось, что я сумасшедший, а после окончания выборов оказалось, что я нормальный.

СПАСОЕ (*обеспокоен*). Об этом вашем предложении следует подумать.

ДЖАКОВИЧ. Разумеется, следует подумать! И теперь вы, вероятно, видите, что я взял недорого!

СПАСОЕ (*вспомнил*). Ах, да! (*С тяжелым чувством вынимает из портфеля две тысячи динаров и отдает ему.*)

ДЖАКОВИЧ (*Светает*). Благодарю вас, сударь! Когда бы я вам ни потребовался, я всегда к вашим услугам: что-либо написать, дать какой-нибудь полезный совет...

СПАСОЕ. Спасибо.

ДЖАКОВИЧ. Не хочу вас больше беспокоить. До свидания!

СПАСОЕ. Прощайте!

ДЖАКОВИЧ уходит.

VIII

АГНИЯ, ВУКИЦА, СПАСОЕ.

АГНИЯ (*выходя из комнаты Вукицы*). Вкус, вкус, вкус! Вкус во всякой мелочи, это надо за тобой признать.

ВУКИЦА. Теперь вы не можете сказать, что я вам не все показала.

АГНИЯ. О да, все, все, все! Ей-богу, деточка, ты будешь редчайшей невестой с таким прекрасным приданым. Причем все сама, сама, не хотела даже меня позвать, чтобы помочь.

ВУКИЦА. Я не хотела вас беспокоить.

АГНИЯ. Но почему, почему? Ведь ты великолепно знаешь, что приготовление свадебного приданого мое самое любимое развлечение.

СПАСОЕ. Ну мы тебя еще позовем, необходимо кое-что приготовить, время есть.

АГНИЯ. Да, конечно, есть, коль свадьба отложена.

СПАСОЕ. Ну что ты все об одном и том же!

ВУКИЦА. Прошу вас, тетя, не напоминайте мне об этом! (*Идет к столику слева и находит себе там какое-то занятие.*)

to venčanje. (*ode levom stočiću i nađe tamo sebi neku zabavu*)

SPASOJE: Pa, dabome, najbolje je ne pominjati ga.

AGNIJA (*prilazi Spasoju poverljivo*): Spasoje, ne mogu, znaš, pred detetom da ti kažem, a napolju se neke čudne stvari šapuće.

SPASOJE: Znaš li ti, boga ti, šta se o tebi šapuće?

AGNIJA: Iju!

SPASOJE: Ako ti ne znaš, ja znam i ja nikad nisam došao da ti kažem to što se šapuće o tebi, pa nemoj ni ti meni kazivati šta se šapuće o meni.

AGNIJA: Ja to u najboljoj nameri.

SPASOJE: Nemoj ni u najboljoj nameri.

AGNIJA: Dobro, dobro, nikad više! (*prilazi Vukici*)

Pa nemoj, dušo, zaboraviti kad ti bude gotova ona drap haljina; htela bih da vidim kako izgleda.

VUKICA: Ne, neću zaboraviti.

AGNIJA (*poljubi je, zatim pruža ruku Spasoju*): Pa ne zameri, Spasoje! Zbogom! (*ode*)

IX

VUKICA, SPASOJE

VUKICA (*pošto je ispratila Agniju, klone u fotelju umorna*): Uh!

SPASOJE: Pravo kažeš; uh!

VUKICA: Ne mogu da izdržim, pa to ti je.

SPASOJE: Ni meni nije lako, ali šta ćeš

VUKICA: I da znaš šta ona sve raspituje, ta to je užasno.

SPASOJE: Ja, dušo, očekujem posetu brata gospodin-ministrovog. Imamo poverljive razgovore, pa bih te molio, kad naiđe, da nas ostaviš same.

VUKICA: Razume se, ti znaš da ti ja nikad ne dosađujem u takvim prilikama. Uostalom, ja i inače imam da nastavim jedno pismo, koje sam još juče počela da pišem. (*polazi, ali u tom trenutku otvaraju se zadnja vrata i nailazi Ljubomir, Vukica se zaustavlja*)

СПАСОЕ. Ну конечно, лучше о ней не вспоминать.

АГНИЯ (*подходит к СПАСОЕ, таинственно*).

СПАСОЕ, понимаешь, неудобно говорить тебе при ребенке, но на улице шепчут о каких-то странных вещах.

СПАСОЕ. А ты знаешь, что о тебе шепчут?

АГНИЯ. Ну-у?

СПАСОЕ. Если ты не знаешь, так я знаю, но я никогда не приходил к тебе и не говорил, что о тебе шепчут; поэтому и ты не смей мне говорить, что шепчут обо мне.

АГНИЯ. Да ведь я с самыми лучшими намерениями.

СПАСОЕ. И с самыми лучшими не надо.

АГНИЯ. Хорошо, хорошо, больше никогда не буду! (*Подходит к Вукице.*) Так ты не забудешь, душа моя, когда будет готово бежевое платье, мне хотелось бы посмотреть, как оно выглядит.

ВУКИЦА. Нет, не забуду.

АГНИЯ (*целует ее, а затем подает руку СПАСОЕ*). Не сердись, СПАСОЕ! До свидания! (*Уходит.*)

IX

ВУКИЦА, СПАСОЕ.

ВУКИЦА (*проводив Агнию, в изнеможении опускается в кресло*). Ух!

СПАСОЕ. Право скажешь: «Ух»!

ВУКИЦА. Не могу больше выносить ее – и только.

СПАСОЕ. Ну, и мне нелегко, но что поделаешь?...

ВУКИЦА. Если бы ты знал, о чем она все время спрашивает, это просто ужас!

СПАСОЕ. Душа моя, я ожидаю прихода брата господина министра. У меня с ним секретный разговор, поэтому я просил бы тебя, когда он придет, оставить нас наедине.

ВУКИЦА. Ну, разумеется, ты же знаешь, я тебе в таких случаях никогда не надоедаю. Кстати, мне тоже нужно дописать одно письмо, начатое еще вчера. (*Идет, но в это время раскрывается дверь в глубине И входит ЛЮБОМИР; она останавливается.*)

X

ЛЮБОМИР, те же.

ВУКИЦА. О, какая неожиданность! Какая неожиданность!

X

LjUBOMIR, ISTI

VUKICA: O, kakvo iznenađenje! Kakvo iznenađenje!
SPASOJE: Baš dobro te si naišao; ja već nemam moći da te branim pred tvojom verenicom.

LjUBOMIR (*pošto je poljubio Vukicu u ruku i sa Spasojem se rukovao*): Zar sam toliko kriv?

VUKICA (*Spasaju*): Čuješ li ga, tata, on to naziva krivicom? (*Ljubomiru*) To nije krivica, to je zločin. Zanimarivati verenicu kao što vi to činite, navići verenicu na dve i tri posete dnevno pa ujedanput to razrediti, navići verenicu na tople i nežne razgovore pa ujedanput preći u profesorsku rasejanost, dozvolićete da je to težak zločin.

LjUBOMIR: Pa zaboga, oče, što se vi žalite da me ne možete odbraniti kad znate zašto to sve tako biva?

SPASOJE: Kažem joj, to su izvesne brige koje su naše zajedničke ali koje će proći, proći će. Ja njoj nikad o tim stvarima ne govorim. Šta će joj?

LjUBOMIR: Ne bih hteo da ostanem krivac u očima svoje verenice.

SPASOJE: Znaš šta, idi ti tamo s njom u sobu pa se brani verenici se uvek lakše odbrane u četiri oka.

LjUBOMIR: Da, tako je! (*uzme Vukicu za ruku i odlaze u njenu sobu.*)

XI

SPASOJE, SOFIJA

SPASOJE (*zvoni*).

SOFIJA (*ulazi*): Molim!

SPASOJE: Sofija, ja očekujem posetu jednog gospodina. Kad on bude došao, brinućete se da nas niko ne uznemirava. Ma ko bio, recite da nisam kod kuće.

SOFIJA: Razumem, gospodine! (*odlazi i vraća se*)

Gospođa i gospodin Novaković.

SPASOJE: A, oni? Neka izvole!

SOFIJA (*propušta Novakovićeve pa ode*).

СПАСОЕ. Как хорошо, что ты пришел; у меня уже нет больше сил защищать тебя перед невестой.

ЛЮБОМИР (*целует Вукице руку и здоровается со СПАСОЕ*). Разве я так виноват?

ВУКИЦА (*к СПАСОЕ*). Ты слышишь, папочка, он это называет виной? (*ЛЮБОМИРУ*.) Это не вина, а преступление! Не считаться с невестой, как делаете вы, приучить ее к посещениям по два-три раза в день и вдруг появляться так редко, приучить невесту к горячим и нежным речам и вдруг перейти к профессорской рассеянности!

Согласитесь, – это ужасное преступление!

ЛЮБОМИР. Почему же вы, отец, жалуетесь, что не можете защитить меня, вы же знаете, отчего все это происходит?

СПАСОЕ. Я говорю ей, что у нас неожиданно возникли некоторые трудности в делах и ты занят, но скоро все закончится. Я никогда ее не посвящаю в такие вещи. Зачем это ей?

ЛЮБОМИР. Я не хотел бы остаться виновным в глазах своей невесты.

СПАСОЕ. Знаешь что, пойдти ты к ней в комнату и защищайся сам: жениху с невестой всегда легче объясниться один на один.

ЛЮБОМИР. Да, конечно. (*Берет Вукицу под руку, и они уходят в ее комнату.*)

XI

СПАСОЕ, Софья.

СПАСОЕ, звонит.

Софья (*входит*). Чего изволите?

СПАСОЕ. Софья, я ожидаю прихода одного господина. Когда он будет здесь, позаботьтесь, чтобы нас никто не беспокоил. Кто бы ни пришел, скажите, что меня нет дома.

Софья. Понимаю. (*Уходит и тут же возвращается.*) Госпожа и господин

НОВАКОВИЧ.

СПАСОЕ. А, они? Просите!

Софья пропускает НОВАКОВИЧА и Рину и уходит.

XII

СПАСОЕ, НОВАКОВИЧ, РИНА.

НОВАКОВИЧ. Добрый день!

СПАСОЕ. Добрый день! (*Здоровается.*) Откуда вы так неожиданно?

РИНА. Совсем не неожиданно. Я обещала Вукице

XII

NOVAKOVIĆ, RINA. SPASOJE

NOVAKOVIĆ: Dobar dan želim.

SPASOJE: Dobar dan! (*rukuje se*) Otkud vi tako iznenada?

RINA: Nimalo iznenadno. Obećala sam gospođici Vukici da ću ovih dana doći da zajedno obidemo izvesne radnje.

SPASOJE: Ah, da, ona mnogo polaže na vaš ukus, samo...

NOVAKOVIĆ: I zamislite, sad i ja moram da idem po radnjama.

SPASOJE: Što vi?

NOVAKOVIĆ: Moja žena ne sme ni koraka od kuće sama.

RINA: Zamislite da ga sretnem, ja ne znam šta bih radila.

SPASOJE: Dakle, bićete i jedno i drugo pošteđeni. Pošto sam odložio venčanje, to sam obustavio i sve kupovine... Ima za to uvek vremena. Ali ste vi i inače uvek dobro došli, Vukica će vam se radovati.

RINA: E onda hajdemo k njoj malo. (*htela bi da pode*)

SPASOJE: Samo za časak. Hteo bi nešto da vas upitam. Vi rekoste, ići ćete advokatu da se konsultujete?

NOVAKOVIĆ: Bio sam!

SPASOJE: Pa?

NOVAKOVIĆ: Advokat potvrđuje da je moj brak pojavom prvoga muža odista anuliran i da se moja žena mora vratiti svome prvom mužu.

RINA: To bi bilo užasno, to bi bila najsvirepija kazna!

NOVAKOVIĆ: Advokat veli da bi jedini izlaz bio kada bi prvi muž poveo brakorazvodnu parnicu, razveo se sa ženom, pa se ja posle ponovo venčao sa njom. I ja, pravo da vam kažem mislim takvu ponudu da učinim njemu.

SPASOJE: Kome njemu?

NOVAKOVIĆ: Pokojniku.

SPASOJE: Da ga umolite da povede brakorazvodnu parnicu!

NOVAKOVIĆ: Pa da, šta će mu žena koja ga ne voli?

RINA: Ja ne bih mogla preživeti to da mu se vratim.

SPASOJE: Čekajte, molim vas! Nije to tako prosta stvar kao što vam izgleda. Da bi mogao voditi brakorazvodnu parnicu, on treba da je živ.

RINA: Pa živ je!

SPASOJE: Živ je, znam ja da je živ, al' mi to ne smemo priznati. Znae li šta znači to priznati mu zakonski da je živ? To znači da se svi mi sručimo na osuđeničku klupu, to znači da svi mi, ni krivi ni dužni, na pravdi boga stradamo.

RINA: Znae kako je, gospodin-Blagojeviću, kad lađa

что на днях зайду и мы вместе посетим кое-какие магазины.

СПАСОЕ. О да, она очень полагается на ваш вкус. Только...

НОВАКОВИЧ. Представьте себе, теперь я тоже должен ходить по магазинам.

СПАСОЕ. Почему?

НОВАКОВИЧ. Моя жена одна и шагу не смеет сделать из дому.

РИНА. Представьте, а вдруг я его встречу; не знаю, что бы я делала.

СПАСОЕ. Ну тогда вы оба будете от этого освобождены. Так как свадьба отложена, я прекратил все покупки... Для этого еще будет время. Но вы для нас и без того всегда дорогие гости. ВУКИЦА вам будет очень рада.

РИНА. В таком случае мы ненадолго зайдем к ней. (*Собираются идти.*)

СПАСОЕ. Минуточку! Мне хочется вас кое о чем спросить. Вы говорили, что собираетесь сходить к адвокату проконсультироваться?

НОВАКОВИЧ. Я уже был!

СПАСОЕ. И?

НОВАКОВИЧ. Адвокат подтверждает, что наш брак с появлением первого мужа действительно аннулируется и что моя жена должна вернуться к своему первому мужу.

РИНА. Это было бы ужасно! Это было бы самым жестоким наказанием.

НОВАКОВИЧ. Адвокат говорит, что единственный выход – если бы ее первый муж начал дело о разводе, разошелся бы с ней, и тогда я мог бы повенчаться снова. И я, откровенно говоря, хочу сделать ему такое предложение.

СПАСОЕ. Кому – ему?

НОВАКОВИЧ. Покойнику.

СПАСОЕ. Вы попросите его начать дело о разводе?

НОВАКОВИЧ. Ну да! На что ему жена, которая его не любит?

РИНА. Я бы не пережила, если бы вернулась к нему.

СПАСОЕ. Повремените, прошу вас! Это не такая простая вещь, как вам кажется. Чтобы начать дело о разводе, он должен быть живым.

РИНА. Так он же жив!

СПАСОЕ. Жив, знаю, что жив, но мы этого признать не можем! Знаете, что такое признать в законном порядке, что он жив? Это значит, что все мы сядем на скамью подсудимых, это значит, что все мы, ни в чем не повинные люди, пропадем ни за понюшку табаку!

tone, svako sebe najpre spasava.
SPASOJE: A, tako vi smatrate stvar? Svako sebe? Pa dobro, onda neka svako sebe i gleda. Samo, nemojte požaliti ako ja pre doplivam do obale nego vi.
NOVAKOVIĆ: To vi kao da nešto pretite, gazda- Spasoje?
SPASOJE: Ne pretim, ali eto, vi kažete kad lađa tone, a zaboravljate da će sa tom lađom potonuti i vaših pola miliona gotovog novca.
NOVAKOVIĆ (*trgne se*): Ne mislite valjda... ?
SPASOJE: Mislim, mislim. Vi zaboravljate da u ovoj celoj stvari vaš brak nije najvažnija pojava.
NOVAKOVIĆ: Ne zaboravljam, samo...
SPASOJE: E, kad ne zaboravljate, a vi budite strpljivi. Ja danas, na primer, imam važan razgovor sa jednim vrlo merodavnim gospodinom. U njegovu se pomoć ja vrlo mnogo nadam.
NOVAKOVIĆ: Pa razume se da ćemo biti strpljivi.
SPASOJE: Idite lepo kod Vukice u sobu, tamo je i njen verenik, pa se zabavljajte, a meni ostavite da brinem i vašu brigu. Izvolite, izvolite. (*Rini, prateći je*) Boga vam, gospođa Rina, utičite i vi na Vukicu da se umiri, vrlo je nervozna što je odloženo venčanje.
RINA: Oh, da, da!
RINA i NOVAKOVIĆ (*odu u Vukičinu sobu*).

XIII

SOFIJA, SPASOJE

SOFIJA (*dolazi spolja*): Jedan gospodin.
SPASOJE: Nije ti rekao ko je?
SOFIJA: Ja mislim da je taj gospodin što ga očekujete.
SPASOJE: Ah, pa da! Pusti ga odmah!
SOFIJA (*ode*).

XIV

РИНА. Знаете, господин Благоевич, когда корабль тонет, каждый прежде всего спасает себя.
СПАСОЕ. А, вы так смотрите на дело? Каждый о себе! Ну хорошо, в таком случае пусть каждый сам о себе и заботится. Только уж тогда не жалеите, если я доплыву до берега раньше, чем вы!
НОВАКОВИЧ. Вы как будто угрожаете нам, господин СПАСОЕ?
СПАСОЕ. Не угрожаю, но вы сами же говорите, «когда корабль тонет...», забывая, что с этим кораблем потонут и ваши полмиллиона наличными.
НОВАКОВИЧ (*вздвргнув*). Не думаете ли вы?...
СПАСОЕ. Думаю, думаю! Вы забываете, что во всем этом деле ваш брак не самое важное.
НОВАКОВИЧ. Не забываю, только...
СПАСОЕ. Ну, если не забываете, то будьте терпеливы. У меня сегодня, например, будет очень важный разговор с одним влиятельным господином. На его помощь я возлагаю большие надежды.
НОВАКОВИЧ. Ну, разумеется, мы потерпим.
СПАСОЕ. Идите со спокойной душой в комнату к Вукице, там и жених, посидите, а меня оставьте одного, о вас я тоже позабочусь. Прошу, прошу! (*Рине, провожая ее.*) Госпожа РИНА, повлиайте на Вукицу, чтобы она успокоилась. Она очень нервничает, что свадьба отложена.
РИНА. Ах, да, да!
РИНА и НОВАКОВИЧ *уходят в комнату Вукицы.*

XIII

Софья, СПАСОЕ.

Софья (*входит*). Там господин!

СПАСОЕ. Он тебе не сказал кто?

Софья. Думаю, тот самый господин, которого вы ожидаете.

СПАСОЕ. Ах, ну да! Немедленно просите его!

Софья уходит.

XIV

СПАСОЕ, МАРИЧ.

СПАСОЕ (*увидев МаРИНА в дверях, неприятно удивлен*). Ах, это вы? Откуда?

МАРИЧ. Разве мое появление вас все еще так поражает?

СПАСОЕ (*немного смущенно*). Я вас не ждал.

МАРИЧ. Мне хотелось еще раз поговорить с вами

PAVLE MARIĆ, SPASOJE

SPASOJE (*kad spazi Marića na vratima, neprijatno se iznenadi*): Ah, vi? Otkud vi?

PAVLE: Zar moja pojava još uvek tako iznenađuje?

SPASOJE (*malo zbunjeno*): Nisam očekivao.

PAVLE: Osetio sam potrebu, pre no što pristupim izvesnim merama, da još jedanput progovorim sa vama, i to u četiri oka.

SPASOJE: Ne vidim o čemu bi imali da razgovaramo.

PAVLE: Ako vi nalazite da nemamo o čemu da razgovaramo, ja još manje imam potrebu na taj razgovor. Ja sam samo želeo da izbegnem javni skandal.

SPASOJE: Pa kad ste hteli da izbegnete javni skandal, što ste onda uopšte i dolazili, što niste ostali tamo gde ste bili?

PAVLE: To mi je bila namera. Mislio sam, da uredim stvar sa rukovanjem mojim imanjem, da uredim još neke odnose pa da se vratim.

SPASOJE: Šta imate da uredite stvar sa rukovanjem vašega imanja; ta je stvar uređena.

PAVLE: Da, vi ste stvar uredili, to vam priznajem, ali je potrebno da je i ja sa svoje strane uredim.

SPASOJE: Kažite vi meni, kad smo već ovako u četiri oka, bi li vi pristali da mi iskreno i prijateljski razgovaramo, onako otvoreno, licem u lice?

PAVLE: Zašto ne?

SPASOJE: Onda izvolite sestiti. (*nudi ga cigaretama*)

PAVLE (*seđa u fotelju i zagleda je*): To je ona fotelja iz moje radne sobe.

SPASOJE: Nećete valjda reći da su i cigarete vaše? (*pošto je i sam pripalio i svoj*) Hoćete li hteti iskreno da mi otkrijete svoje namere? Mislim, hoćete li mi reći: šta mislite preduzeti i šta mislite činiti?

PAVLE: Reći ću vam, zašto ne? Nema u mojim namerama ničega što bi se moralo prikriti. Tako, na primer, što se tiče gospodina Milana Novakovića, koji mi je preoteo ženu, i što se tiče moje žene, koja me je duboko uvredila...

SPASOJE: Tražićete razvod braka, to već znam.

PAVLE: Ne, neću tražiti razvod braka; ostaviću to pitanje uvek otvoreno ostaviću ih da žive u braku koji nema zakonske osnove.

SPASOJE: Ostavićete ih da večitio strepe za svoj srećni brak.

PAVLE: A srećni su zaista?

SPASOJE: Tako oni kažu.

PAVLE: No, pa zašto bih ja to kvario?

SPASOJE: A što se tiče onoga sa deset hiljada dinara?

PAVLE: To je najmanje, o tome ću na kraju misliti.

SPASOJE: Pa jest, pravo kažete, jer on u stvari nije vas ni oštetio, nego mene.

один на один, прежде чем предпринимать кое-какие меры.

СПАСОЕ. Не вижу, о чем мы еще можем говорить.

МАРИЧ. Если вы считаете, что нам не о чем говорить, я еще меньше нуждаюсь в этом разговоре. Я хотел только избежать публичного скандала.

СПАСОЕ. Ну, если вы хотели избежать публичного скандала, тогда зачем же вы вообще возвратились? Отчего вы не остались там, где были?

МАРИЧ. Таково было и мое намерение. Я предполагал только уладить дела с управлением своим имуществом, урегулировать кое-какие взаимоотношения и вернуться.

СПАСОЕ. Чего вам улаживать дело с управлением имуществом, оно уже улажено.

МАРИЧ. Да, признаться, вы это дело уладили, но нужно, чтобы и я, со своей стороны, его уладил.

СПАСОЕ. Скажите, раз уж мы разговариваем один на один, согласились бы вы поговорить со мной искренне, по-приятельски, открыто, по душам?

МАРИЧ. Почему бы нет?

СПАСОЕ. Тогда, пожалуйста, садитесь! (*Угощает его сигаретой.*)

МАРИЧ (*садится в кресло и осматривает его*). Это кресло из моего рабочего кабинета.

СПАСОЕ. Не скажете ли вы еще, что и сигареты ваши? (*Закурив, садится.*) Хотите вы искренне открыть мне свои намерения? Я подразумеваю, можете ли вы мне сказать, какие шаги вы думаете предпринять, что собираетесь делать?

МАРИЧ. Могу сказать, отчего же нет. В моих намерениях нет ничего такого, что нужно было бы скрывать. Так, например, что касается господина Милана НОВАКОВИЧА, отбившего у меня жену, и моей жены, нанесшей мне жестокое оскорбление...

СПАСОЕ. Вы будете требовать развода, это я уже знаю.

МАРИЧ. Нет, развода я требовать не буду; я оставлю этот вопрос открытым: пусть живут в незаконном браке.

СПАСОЕ. Вы оставите все так, как есть, чтобы они всегда дрожали за свой счастливый брак!

МАРИЧ. А они действительно счастливы?

СПАСОЕ. Так они говорят.

МАРИЧ. Ну зачем же мне тогда его портить?

СПАСОЕ. А что касается этого, с десятью тысячами динаров?

МАРИЧ. Он меня менее всего беспокоит. О нем я буду думать в последнюю очередь.

PAVLE: Kako vas?

SPASOJE: Pa kad se posle vaše smrti obrazovala masa kod suda, pozvani su svi dužnici da polože masi svoje dugovanje. Da je on tada položimo, ta bi suma meni pripala kao nasledniku mase.

PAVLE: Dakle, ostaviću vam ga, pa ga vi progonite. Nije pravo da vas toliko ošteti.

SPASOJE: Dobro, a... (*ne ume da nađe zgodnu formu pitanju*)... ovaj... šta sam ono hteo da kažem? A, kako mislite da se odnosite prema meni?

PAVLE: To je stvar najčistija i najjasnija. Nasledili ste me, jer je sud bio u zabludi da sam mrtav, a pošto sam ja živ, pada samo sobom to nasleđe i vi ćete se iseliti iz ove kuće i predati mi je kao i sva ostala imanja.

SPASOJE: Gle, molim te!

PAVLE: Tako će, razume se, biti ako kod vas sretnem potrebno razumevanje, ako ne, onda ću poći drugim putem. Optužiću vas da ste lažni naslednik, moj advokat već pribira podatke o lažnim uverenjima i lažnim svedocima koje ste vi priveli sudu dokazujući da ste mi bliski rođak, i ako smo mi, to vi najbolje znate, rod samo po tome što je vaša majka bila žena nekakvog rođaka moje majke. I tada će, razume se, parnica dobiti sasvim drugi oblik.

SPASOJE (*zabrinuto razmišlja.*): Hm! Hm» Hm! To dakle mislite?

PAVLE: Da, to!

SPASOJE: Al' to bi, gospodine, bio u najmanju ruku zločin, to što vi mislite da radite. Znae li vi da sam ja ugledan i uvažen član društva da sam ja...

PAVLE (*prekida ga*): Pardon, ja ne mislim da vam uzimam ugled, već samo imanje ugled vam ostavljam.

SPASOJE: Boga vam, jesu li svi pokojnici tako naivni kao vi, ili ste vi to izuzetno! A šta je ugled nego imanje? Oduzimate li mi imanje, oduzeli ste mi i ugled.

PAVLE: Da, sećam se, jer pre no što ste prisvojili ovo imanje, vi ste bili niko i ništa.

SPASOJE: Razume se da sam bio niko i ništa.

PAVLE: Da, da, sećam se.

SPASOJE: I sad razumete valjda zašto se ja bunim protiv vaše izjave i zašto ne mogu priznati da ste živi.

PAVLE: Razumem, da, razumem, ali šta ćete, teško je naći ma kakav izlaz koji bi za vas bio podesan.

SPASOJE: Ima ga, i vi da ste kojom srećom došli pravo meni, stvar bi već odmah, prvoga trenutka bila rešena.

PAVLE: Radoznao sam kakav?

SPASOJE: Mi smo kazali razgovaraćemo iskreno.

Dakle, reći ću vam. Ja imam jedan vrlo dobar plan po kome ni ja ni vi ne bi bili oštećeni.

PAVLE: Da ga čujem!

СПАСОЕ. Да, вы говорите правильно, так как в действительности он не вам, а мне нанес ущерб.

МАРИЧ. Как так вам?

СПАСОЕ. Да так! Когда после вашей смерти в суде была образована опека, всех должников призвали уплатить долги; если бы он тогда внес эту сумму, она досталась бы мне, как наследнику. МАРИЧ. Тогда я его предоставлю вам, вы его и преследуйте. Несправедливо, чтобы вы несли такой большой ущерб!

СПАСОЕ. Хорошо, а... (*He может подыскать подходящий вопрос.*) Это... что же я хотел сказать? А как вы думаете поступить в отношении меня?

МАРИЧ. Ну, это дело наиболее ясное и понятное. Вы стали моим наследником потому, что суд ошибочно считал меня умершим, а так как я жив, то, само собой разумеется, отпадает и наследство, и, следовательно, вы должны выселиться из этого дома и передать его мне, так же как и все остальное имущество. СПАСОЕ. Смотрите пожалуйста!

МАРИЧ. Ну, конечно, так будет, если я встречу у вас нужное понимание, а если же нет, то я пойду другим путем. Я обвиню вас в том, что вы подставной наследник. Мой адвокат уже наводит справки о подложных документах и ложных свидетелях, которых вы выставили на суде, чтобы доказать, что вы мой ближайший родственник, хотя вы отлично знаете, мы родственники только тем, что ваша мать была женой какого-то родственника моей матери. И тогда, конечно, судебный процесс примет совсем иной вид.

СПАСОЕ (*озабоченно размышляет*). Гм! Гм! Гм! Ах, вы так думаете?

МАРИЧ. Да.

СПАСОЕ. Но, сударь, задуманное вами было бы по меньшей мере преступлением. Знаете ли вы, что я почтенный и уважаемый член общества, что я...

МАРИЧ (*перебивает его*). Пardon, почтение я вам оставляю, я не думаю его у вас отнимать, я забираю только имущество.

СПАСОЕ. Бог с вами, неужели все покойники так наивны, как вы! Или вы исключение? А что же такое почтение, как не имущественное состояние? Если вы отнимаете от меня имущество, вы отнимаете и почтительное отношение ко мне.

МАРИЧ. Да, да, припоминаю, до того как присвоить мое имущество, вы были никем и ничем.

СПАСОЕ. Конечно, никем и ничем.

МАРИЧ. Да, да, помню, помню!

SPASOJE: Pre svega ostalog, vi pristupate razvodu braka sa vašom bivšom ženom. Pomoći ćemo vam svi, ja ću vam dati materijal koji je dovoljan za tri brakorazvodne parnice.

PAVLE: Pa onda?

SPASOJE: Onda, kad ste oslobođeni svoga pravog braka, vi ćete zaprositi moju ćerku i ja ću vam je dati. Što me gledate tako čudnovato? Zaprošićete moju ćerku i ja ću vam je dati, a kao miraz dajem vam celokupno imanje koje je nekad bilo vaše.

PAVLE: Interesantan predlog, na taj način ja bih bio svoj sopstveni zet.

SPASOJE: Na taj način bilo bi sačuvano imanje i ugled moj i vaš.

PAVLE: I u tom slučaju vi bi priznali da sam ja živ?

SPASOJE: Da, u ovako izuzetnom slučaju.

PAVLE: Ne razumem nešto samo, vi nudite kćer koja je verena?

SPASOJE: U tome baš i možete videti kolika je žrtva koju ja činim. Zamislite imati za zeta jednog profesora univerziteta, proslavljenog naučnika, velikog naučnog pisca, i sve to žrtvovati, dozvolićete da nije mala stvar.

PAVLE: Ja mislim da je žrtva i veća, jer to dvoje mladih izvesno vezuje ljubav, a vi bi i to razorili.

SPASOJE: Pa da, i to!

PAVLE: Jer kad bi vi i izgubili imanje koje ste zetu obećali kao miraz, on bi, izvesno, ostao veran veridbi sa vašom kćerkom?

SPASOJE (*malo zbunjeno*): Pa da... izvesno jer to je jedan vrlo čestit čovek, verujte, to je jedan redak karakter.

PAVLE: Verujem vam! A kada bi taj »redak karakter« izgubio katedru profesora univerziteta i izgubio ime naučnika, vaša bi ćerka, izvesno, ostala verna svojoj veridbi?

SPASOJE: E, to je već u pitanju.

PAVLE: Onda ste vi odista u teškom položaju, jer to vam se može desiti.

SPASOJE: Šta mi se može desiti?

PAVLE: Pa to da izgubite zeta, ne zato što bi vas on napustio, već zato što bi vaša gospođica ćerka napustila njega.

SPASOJE: Ja vas ne razumem.

PAVLE: Zar vam vaš zet nije nikad ništa govorio o zločinu koji je učinio prema meni?

SPASOJE: Nikad ni reči! A kakav zločin, o kakvom zločinu vi to govorite?

PAVLE: Ja njegovom postupku ne umem drugo ime da izaberem.

SPASOJE: Je li to velika suma koju vam duguje?

PAVLE: Veća no što bi se mogla zamisliti.

SPASOJE: Pobogu, šta je taj čovek s tolikim novcem

СПАСОЕ. И теперь вы по всей вероятности понимаете, почему я возмущен вашим появлением и почему я не могу признать, что вы живы.

МАРИЧ. Понимаю, конечно, понимаю, но что подделаешь? Трудно найти подходящий выход, который бы для вас был приемлем.

СПАСОЕ. Выход есть, и если бы вы, к счастью, пришли прямо ко мне, дело было бы тут же улажено.

МАРИЧ. Любопытно, какой же это выход?

СПАСОЕ. Мы договорились, что будем вести разговор откровенно. Поэтому я вам скажу. У меня есть очень хороший план, по которому и я и вы не остаемся в убытке.

МАРИЧ. Я вас слушаю!

СПАСОЕ. Прежде всего вы должны приступить к разводу с вашей бывшей женой. Мы все вам поможем: я дам вам материал, достаточный для трех разводов.

МАРИЧ. А потом?

СПАСОЕ. Потом, когда вы освободитесь от вашего первого брака, вы попросите руки моей дочери, и я отдам вам дочь. Ну, что вы на меня так странно смотрите? Да, вы попросите руки моей дочери, и я ее за вас отдам. А как приданое отдаю все состояние, бывшее когда-то вашим.

МАРИЧ. Интересное предложение. Таким образом, я был бы своим собственным зятем!

СПАСОЕ. Таким образом, было бы сохранено и состояние и авторитет: и мой, и ваш.

МАРИЧ. И в этом случае вы признали бы, что я жив?

СПАСОЕ. Да, в этом исключительном случае.

МАРИЧ. Не понимаю только одного: вы предлагаете дочь, которая уже помолвлена?

СПАСОЕ. Тут-то, именно, вы и можете убедиться, какова приносимая мной жертва. Подумайте только, иметь зятем профессора университета, прославленного ученого, великого ученого писателя – и всем этим пожертвовать; согласитесь, это не малая жертва.

МАРИЧ. Да, я думаю, это жертва, и большая жертва, так как этих двух молодых людей, вероятно, связывает еще и любовь, а вы ее разбили бы.

СПАСОЕ. Ну да, и это тоже!

МАРИЧ. Следовательно, если бы даже вы и потеряли состояние, которое обещали зятю в приданое, он все равно остался бы верен помолвке с вашей дочерью?

СПАСОЕ (*немного смущенно*). Ну да... Известное дело, так как он очень честный человек, поверьте,

učinio?

PAVLE: Nije reč o novcu, reč je o delu koje se ne da novcem odmeriti.

SPASOJE: Ne razumem.

PAVLE: Trebalo je da vas vaš zet upozna s tim, jer vi u ovome trenutku treba da znate svu težinu svog položaja.

SPASOJE: Moga položaja? Zašto moga?

PAVLE: Videćete zašto. Vaš zet je bio nekada moj mladi prijatelj ja sam ga iz školske skamije uveo u život umeo je da steče i moju naklonost i moje poverenje. Kada sam pošao na put, ja sam tome mladom gospodinu poverio na čuvanje veliki rukopis moga naučnoga rada na kome sam punih sedam godina kapao. On se, čim se uverio da sam umro, i pošto me je eventualno ispratio do groba, vratio zadovoljan sa pogreba i štampao je moje delo pod svojim imenom.

SPASOJE (*zatetura se od iznenađenja*): Kako ... zar ono delo?!

PAVLE: Da, ono delo na osnovu kojeg je on dobio katedru na univerzitetu, na osnovu kojeg je on proglašen naučnikom, na osnovu kojeg je on postao direktor te vaše »Ilirije«, na osnovu kojeg je postao zet i na osnovu kojega ste mu vi dali toliki miraz.

SPASOJE (*očajno hukne i klone u fotelju zarivši glavu u ruke posle izvesne pauze on diže glavu i pita tiho i nepouzđano*): Možete li vito dokazati da je tako?

PAVLE: Razume se!

SPASOJE (*pribira se i diže*): To znači, vi' ste rešeni?

PAVLE: Rešen sam, idem pravim putem.

SPASOJE (*promisli se časak, pa se hrabri i diže se*): Zna li vi da se i na pravom putu može naići na prepone?

PAVLE: Na sudu će se i te prepone savladati.

SPASOJE: Mislite? (*šeta uzbuđeno, hteo bi kao da kaže nešto, pa ne zna šta će*) Ja ne znam upravo šta da vam kažem.

PAVLE: Ja mislim, ništa više obavešteni smo dovoljno i ja i vi!

SPASOJE: Ta ono, obavešten sam, ne mogu reći da nisam obavešten...

PAVLE: E, onda prestaje potreba za svaki dalji razgovor. Inače sam vas i suviše zadržao, zbogom, gospodine rođače!

SPASOJE (*jedva čujno*): Zbogom!

PAVLE (*ode*).

редкий характер.

МАРИЧ. Верю вам! А если бы этот «редкий характер» потерял кафедру профессора университета и звание ученого, ваша дочь также осталась бы верна своей помолвке?

СПАСОЕ. Э, это уже вопрос!

МАРИЧ. Тогда вы действительно в тяжелом положении, так как это с вами может случиться.

СПАСОЕ. Что может со мной случиться?

МАРИЧ. А то, что вы потеряете зятя, и не потому, что он вас оставит, а потому, что ваша дочь его оставит.

СПАСОЕ. Я вас не понимаю.

МАРИЧ. Разве ваш зять никогда и ничего вам не говорил о преступлении, которое он совершил в отношении меня?

СПАСОЕ. Никогда ни слова! Какое преступление? О каком преступлении вы говорите?

МАРИЧ. Иначе я и не могу назвать его поступок.

СПАСОЕ. Велика ли сумма, которую он вам задолжал?

МАРИЧ. Больше, чем можно было бы себе представить.

СПАСОЕ. Боже правый, что же этот человек сделал с такими деньгами?

МАРИЧ. Речь не о деньгах, речь о труде, который нельзя измерит деньгами.

СПАСОЕ. Не понимаю.

МАРИЧ. Ваш зять должен был бы познакомить вас с этим, так как вы в данный момент должны знать всю трудность своего положения.

СПАСОЕ. Моего положения? Почему моего?

МАРИЧ. Сейчас увидите, почему. Ваш зять некогда был моим молодым другом, я дружил с ним, когда он сидел еще на школьной скамье; он сумел приобрести мое расположение и мое доверие. Когда я отправился в путь, я доверился этому молодому господину, отдал ему на хранение большую рукопись своей научной работы, над которой трудился целых семь лет. Он же, убедившись, что я умер, и, возможно, проводив меня до могилы, счастливый вернулся с похорон и напечатал мой труд под своим именем.

СПАСОЕ (*зашатался от неожиданности*). Как... разве этот труд?!..

МАРИЧ. Да, тот труд, благодаря которому он получил кафедру в университете, благодаря которому стал директором этой вашей «Иллирии», благодаря которому сделался вашим зятем и благодаря которому вы дали ему такое приданое.

СПАСОЕ (*в отчаянии падает в кресло и закрывает руками глаза. После некоторой паузы*

XV

LjUBOMIR, SPASOJE

SPASOJE (*gleda za njim kao čovek koji ne zna šta će i odakle će poći, najzad prilazi vratima Vukičine sobe i dovikuje*): Ljubomire! Ljubomire!

LjUBOMIR (*dolazi*).

SPASOJE: Bio je ovde Marić, sad je izašao.

LjUBOMIR: Šta hoće?

SPASOJE: Čudne mi je stvari kazao, vrlo čudne stvari.

LjUBOMIR: Izvesno, nešto interesantno sa onoga sveta?

SPASOJE: Ne, već sa ovoga sveta. On tvrdi da si ti svoj naučni glas i ugled ukrao.

LjUBOMIR: Ne razumem kako se glas i ugled može

подымает голову, тихо и неуверенно спрашивает). А вы можете доказать, что это так?
МАРИЧ. Разумеется!
СПАСОЕ (*собираясь с силами*). Значит, вы решились?
МАРИЧ. Решился, я иду верным путем.
СПАСОЕ (*с минуту думает, потом, набравшись храбрости, встает*). А знаете, на верном пути тоже можно встретить препятствие.
МАРИЧ. На суде эти препятствия будут преодолены.
СПАСОЕ. Вы думаете? (*Возбужденный, ходит, пытается что-то сказать, но не находит слов.*)
Не знаю, право, что вам на это сказать.
МАРИЧ. Я думаю, больше нечего; теперь и я и вы достаточно обо всем осведомлены.
СПАСОЕ. Да, конечно, осведомлен, не могу сказать, что не осведомлен...
МАРИЧ. Следовательно, необходимость в дальнейшем разговоре отпадает. Я и так вас слишком задержал. До свидания, господин родственник!
СПАСОЕ (*едва слышно*). До свидания!
МАРИЧ уходит.

XV

СПАСОЕ, ЛЮБОМИР.

СПАСОЕ (*растерянно смотрит ему вслед, не зная, с чего начать, наконец подходит к дверям комнаты Вукицы и кричит*). ЛЮБОМИР!

ЛЮБОМИР!

Входит ЛЮБОМИР.

Здесь был МАРИЧ, он только что вышел.

ЛЮБОМИР. Чего он хочет?

СПАСОЕ. Он мне рассказал странные вещи, очень странные.

ЛЮБОМИР. Наверно, что-нибудь с того света?

СПАСОЕ. Нет, уже с этого. Он утверждает, что ты украл свое ученое звание, известность и авторитет.

ЛЮБОМИР. Не понимаю, как можно украсть известность и авторитет! Это же не табакерка или зонтик?

СПАСОЕ. Он утверждает, что у него есть доказательства, будто он дал тебе на хранение свою рукопись, а ты, проводив его до кладбища, напечатал этот труд под своим именем.

ЛЮБОМИР (*цинично*). А что же я должен был делать, засунуть рукопись в гроб и похоронить вместе с ним?

СПАСОЕ. Значит, ты не оспариваешь, ты, в

ukrasti to nije tabakera ili kišobran.

SPASOJE: Nije, ali on tvrdi i veli da ima za to dokaza, da ti je dao na čuvanje svoj rukopis, a ti pošto si ga otpratio do groblja, vratio se i štampao delo pod svojim imenom.

LjUBOMIR (*cinički*): A šta sam trebao da radim, da li da i rukopis strpam u grobnicu i s njim sahranim?

SPASOJE: Dakle, znači ti ne sporiš, ti u stvari priznaješ...

LjUBOMIR: A vi možda nalazite da je to zločin?

Verujte da nije, jer tako to biva u životu od mrtvoga se otima ono što se može. Neko mu otme ženu, neko delo, a neko kuću i celokupno imanje. Šta ko stigne!

SPASOJE (*ujede se za usne*): Pa... ipak, ima neke razlike. Na osnovu takve otimačine ti si postao profesor univerziteta; na osnovu toga što si profesor univerziteta ja sam ti dao kćer i ogroman miraz...

LjUBOMIR: Sve je to isto, nema nikakve razlike. Na osnovu toga što ste vi oteli imanje postali ste bogat čovek na osnovu toga što ste bogat čovek vi ste tražili i našli zeta profesora univerziteta. Verujte, sve je to jedno isto.

SPASOJE: Ti govoriš tako bezobrazno, zaboravljajući sasvim na dužno poštovanje prema ocu svoje verenice.

LjUBOMIR: A, ne, oče, nikad ja ne zaboravljam to dužno poštovanje, ali ja mislim, ovo je čisto poslovan razgovor.

SPASOJE: Pa poslovan, jeste poslovan. (*seti se*) A »Ilirija«?

LjUBOMIR: Šta »Ilirija«?

SPASOJE: Pa ti si direktor... To preduzeće je svetskoga značaja... Ako ti oduzmu katedru, ako izgubiš glas naučnika...?

LjUBOMIR: To će biti manje šteta po to preduzeće no ako vi izgubite imanje koje važi kao kaucija kod države.

SPASOJE (*klonuo*): Jeste, tako je! (*uzdahne*) Tako je! (*učuti oborene glave*)

LjUBOMIR (*posle izvesne pauze*): Imate li još što sa mnom da razgovarate?

SPASOJE: Ništa više!

LjUBOMIR: Ako me ipak zatrebate, ja ću biti ovde kod svoje verenice. (*ode*)

сушности, признаешь?...

ЛЮБОМИР. А вы, может быть, находите, что это преступление? Поверьте, нет, потому что так уж бывает в жизни! У мертвого отнимают все, что возможно: кто – жену, кто – труды, кто – дом и все его состояние. Кто что ухватит!

СПАСОЕ (*закусив губу*). Но... все-таки есть некоторая разница. На основании этого грабительства ты стал профессором университета, а оттого, что ты профессор университета, я отдал тебе дочь и огромное приданое.

ЛЮБОМИР. Все это одно и то же, никакой разницы. На основании того, что вы захватили его имущество, вы стали богачом, а оттого, что вы богатый человек, вы искали и нашли зятя – профессора университета. Поверьте, это одно и то же.

СПАСОЕ. Ты говоришь так дерзко, совершенно забывая о должном уважении к отцу своей невесты.

ЛЮБОМИР. О нет, отец, я никогда не забываю о должном уважении! Но я полагаю, что это чисто деловой разговор.

СПАСОЕ. Ну да, деловой, безусловно деловой. (*Вспомнив.*) А «Иллирия»?

ЛЮБОМИР. Что «Иллирия»?

СПАСОЕ. Но ведь ты директор... Это же предприятие мирового значения... Если у тебя отнимут кафедру и если ты потеряешь репутацию ученого?...

ЛЮБОМИР. Это будет меньшей потерей для предприятия, нежели потеря состояния, служащего залогом государству.

СПАСОЕ (*обескураженный*). Да, это верно! (*Вздыхает.*) Это верно! (*Опустив голову, замолкает.*)

ЛЮБОМИР (*после небольшой паузы*). Имеете ли вы еще что-нибудь мне сказать?

СПАСОЕ. Больше ничего!

ЛЮБОМИР. Если я все же вам понадобится, я буду там, у своей невесты. (*Уходит.*)

XVI

СПАСОЕ, Софья.

СПАСОЕ опускается в кресло; глубоко задумывается.

Софья (входит). Вас спрашивает господин.

СПАСОЕ (вскакивает, и на лице его появляется надежда). Ах, это он! (*Торопливо.*) Пусть войдет! Веди его немедленно, пусть войдет!

XVI

SPASOJE, SOFIJA

SPASOJE (*klonuo u fotelju, duboko se zamisli*).

SOFIJA (*dolazi*): Jedan gospodin.

SPASOJE (*trgne se i obasja mu se lice nadom*): Ah, to je on. (*užurbano*) Neka uđe, uvedi ga odmah, neka uđe.

SOFIJA (*odlazi i propušta dina Đurića*).

XVII

ĐURIĆ, SPASOJE

ĐURIĆ: Dobar dan želim!

SPASOJE (*sav blažen*): Dobar dan, gospodine Đuriću! Baš u dobar čas ste došli, u dobar čas! Izvolite, molim vas, sedite!

ĐURIĆ (*sedajući*): Dakle, radoznao sam, jeste li postigli što?

SPASOJE: Ništa. S tim čovekom ne može se ništa lepim postići.

ĐURIĆ: A razgovarali ste?

SPASOJE: Da, bio je ovde, došao mi je kao naručen, razgovarali smo opširno i sasvim otvoreno.

ĐURIĆ: Šta veli?

SPASOJE: On ne samo što ne pristaje ni na kakav sporazum nego još i proširuje svoje napadačke namere.

ĐURIĆ: Preti?

SPASOJE: To već, da meni preti oteti imanje, to već je poznato, ali sad preti i mome zetu.

ĐURIĆ: A čime njemu?

SPASOJE: Nećete prosto verovati veli srušiću ga, oduzeću mu katedru na univerzitetu. Prikazaće ga kao lažnog naučnika. Molim vas, taj čovek tvrdi da je on napisao ovo naučno delo, a da ga je moj zet pod svojim potpisom štampaо.

ĐURIĆ: Oh, to je teška optužba, i to u najgorem trenutku. Stvar »Ilirije« se ovoga časa nalazi pred sednicom ministarskog saveta svaki trenutak može nam doneti koncesiju, a koncesija predstavlja milione... milione!

SPASOJE (*zanosno*): Milione!

ĐURIĆ: I u takvom jednom času kad već dogledam te milione...

SPASOJE (*nastavlja*):... da dođe jedan nasilnik, da otme moju imovinu koja služi kao kaucija, da sruši jednoga zeta, odnosno ne zeta, nego jednoga direktora preduzeća.

Софья уходит и пропускает ДЖУРИЧ а.

XVII

СПАСОЕ, ДЖУРИЧ.

ДЖУРИЧ. Добрый день!

СПАСОЕ (*расплывшись в блаженной улыбке*).

Добрый день, господин ДЖУРИЧ! Вы пришли как раз вовремя, в добрый час! Пожалуйста, прошу вас, садитесь!

ДЖУРИЧ (*саясь*). Ну, мне очень интересно, достигли вы чего-нибудь?

СПАСОЕ. Ничего. С этим человеком по-хорошему никак не договоришься.

ДЖУРИЧ. А вы разговаривали?

СПАСОЕ. Да, он был здесь; пришел, как по заказу, и мы говорили подробно и совершенно откровенно.

ДЖУРИЧ. Что же он говорит?

СПАСОЕ. Он не только не идет ни на какое соглашение, но еще и усиливает свои агрессивные намерения.

ДЖУРИЧ. Угрожает?

СПАСОЕ. То, что он угрожает отнять у меня имущество, уж известно, но теперь он угрожает и моему зятю.

ДЖУРИЧ. А ему чем?

СПАСОЕ. Вы просто не поверите! Он говорит: «Уничтожу его, отниму у него кафедру в университете! Разоблачу его как лжеученого!»

Скажите пожалуйста этот человек утверждает, что ту научную работу написал он, а мой зять только издал ее под своим именем.

ДЖУРИЧ. О, это тяжелое обвинение, и притом в самый неподходящий момент! Дело «Иллирии» в настоящее время находится на утверждении Совета министров. Каждая секунда может принести нам концессию, а концессия представляет собой миллионы... миллионы!..

СПАСОЕ (*в восторге*). Миллионы!

ДЖУРИЧ. И в тот момент, когда мы уже видим эти миллионы...

СПАСОЕ (*продолжает*). ...приходит разбойник, отнимает все мое состояние, служащее залогом, выбрасывает с кафедры зятя, собственно не зятя, а директора предприятия.

ДЖУРИЧ. Надо об этом как следует и серьезно подумать.

СПАСОЕ. Прошу вас, подумайте и за меня!

Поверьте, я уже больше не в состоянии что-либо сообразать.

ĐURIC: Valja o toj stvari ozbiljno razmisliti.
 SPASOJE: Ja vas molim, razmislite i za mene, verujte, ja nisam više kadar razmišljati.
 ĐURIC: Vidite, celu stvar ne treba posmatrati sa jednoga uskoga ličnoga gledišta, kao što vi činite. Stvar zahteva da se posmatra sa jednog širega, tako reći državotvornoga gledišta. Zar ne vidite vi u celoj ovoj pojavi izvestan sistem, sistem sa rušilačkim tendencijama? Taj se čovek zavukao tamo negde, u neki tajanstveni kut Evrope, u neku fabriku veli, a ja bih rekao u neku internacionalnu razaračku ćeliju. Ko zna čemu se on tamo naučio ko zna kakve su mu sve ideje zamaglile zdrav razum? Zar ne vidite na šta on udara? Na sve što je svetinja. Zar ne vidite da on preti da poruši upravo ono na čemu društvo počiva? Pođite, molim vas, redom, pa gledajte na šta on udara? Hoće da poruši onom čoveku brak...
 SPASOJE: I to jedan srećan brak!
 ĐURIC: A brak je, gospodine, jedan od prvih osnova društva. I šta dalje, hoće da preotme imovinu, privatnu imovinu!
 SPASOJE: I to je moju imovinu.
 ĐURIC: I najzad hoće da unizi, da obori, da zgazi autoritet. U svome rušilačkom besu on hoće da svuče s visine jednog naučnika.
 SPASOJE: Gospode bože, meni je sad tek prasnulo pred očima; sad tek ja jasno dohledam prave namere toga čoveka!
 ĐURIC: Da, da, gospodine, tako treba posmatrati ovu stvar. A kada se tako posmatra, onda se da jasno sagledati da ova pojava sadrži u sebi jednu opasnost šireg obima.
 SPASOJE: Opasnost, razume se da je to opasnost!
 ĐURIC: I briga koja u ovom času tišti ne može i ne sme ostati samo vaša briga; to je briga celoga društva, to je briga i same države, ako hoćete.
 SPASOJE: Pa hoću, dabome! Nek država primi na sebe tu brigu.
 ĐURIC (*pauza, razmišlja*): A sad, recite vi meni, treba li u takvim slučajevima dati zakonu reč? Je li zakon kadar da dogleda onu širu opasnost koja se krije iza rušilačkih namera obučenih u forme zakonske?
 SPASOJE: Ne!
 ĐURIC: Jer šta će uraditi zakon? Evo šta ovo je moja greda i ja molim zakon da mi se vrati. Zakon kao zakon, nema gde pa veli tvoja je greda, uzmi je! Ali šta će biti ako je na toj gredi nazidana kuća, zar zato da bi ti dobio jednu gredu treba da se poruši cela kuća? Šta je veće, šta je važnije, pitam ja vas: kuća ili greda?
 SPASOJE: Kuća!
 ĐURIC: Tako je! I sad zamislite »Iliriju« kao kuću,

ДЖУРИЧ. Видите ли, нельзя рассматривать все это с узколичной точки зрения, как делаете вы. Дело это требует, чтобы на него смотрели с более широкой, так сказать, государственной точки зрения. Разве вы не видите во всем этом явлении известную систему, систему с вредительскими тенденциями? Этот человек забрался куда-то там, в какой-то таинственный уголок Европы, как он говорит, на какую-то фабрику, а я сказал бы, в некую диверсионную ячейку Коминтерна. Кто знает, чему он там научился? Кто знает, какие идеи затуманили его здравый ум? Разве вы не видите, по чему он наносит удар? По всему, что есть святого! Разве вы не видите, что он грозит уничтожить именно то, на чем зиждется общество! Проследите, пожалуйста, все по порядку, и увидите, почему он наносит удар. Он стремится разбить семью этого человека.
 СПАСОЕ. Причем счастливую семью!
 ДЖУРИЧ. А семья, сударь, – одна из главных основ общества! И дальше, он хочет отнять имущество, то есть частную собственность!
 СПАСОЕ. Причем мое имущество.
 ДЖУРИЧ. И, наконец, он хочет подорвать, уничтожить, растоптать авторитет. В своем яростном желании навредить он хочет скинуть известного ученого с заслуженной им высоты.
 СПАСОЕ. Господи боже, у меня только теперь раскрылись глаза! Только теперь я вижу подлинные намерения этого человека!
 ДЖУРИЧ. Да, да, сударь, только так и надо рассматривать это дело. И когда вы посмотрите с этой точки зрения, вы, несомненно, ясно увидите, что это явление содержит в себе опасность большего масштаба.
 СПАСОЕ. Опасность, разумеется, опасность!
 ДЖУРИЧ. И дело, которое в данный момент угнетает вас, не может и не должно оставаться только вашим. Это дело всего общества, это дело самого государства, если хотите!
 СПАСОЕ. Конечно, хочу! Пусть государство возьмет это дело на себя.
Пауза.
 ДЖУРИЧ (*размышляя*). А теперь скажите мне, не нужно ли в таких случаях предоставить слово закону? Способен ли закон усмотреть ту большую опасность, которая скрывается за подрывными намерениями, облаченными в законные формы?
 СПАСОЕ. Нет!
 ДЖУРИЧ. Ведь что может сделать закон? А вот что! Предположим, это моя балка, и я прошу закон мне ее вернуть. Закон есть закон, ему деваться

jer to je jedna organizacija, zasnovana na širokim osnovama, i sad dođe neko i kaže dajte mi moju gredu. Da, gredu, ali ako mi gredu izvučemo, srušiće nam se cela »Ilirija« na glavu.

SPASOJE: Užasno!

ĐURIĆ: Još ako je...imate li vi slučajno telefon?

SPASOJE: Eto vam ga pri ruci.

ĐURIĆ (*odlazi telefonu i traži broj*): Alo, alo... To je gospodin šef kabineta? Jeste li vi gospodine Markoviću? Ovde je Đurić. Dakle? (*posle saopštenja koje čuje, lice mu se obasja radošću*) Hvala! Velika hvala! (*napušta slušalicu i ide Spasiju raširenih ruku uzvikujući.*) »Ilirija«! »Ilirija«! (*zagrlj ga čvrsto.*)

SPASOJE: Ilirija?

ĐURIĆ: Da!

SPASOJE: Svršeno?

ĐURIĆ: Da!

SPASOJE (*poleti mu u zagrljaj*): »Ilirija« Milioni! (*na jedan mah se trgne*) A greda?

ĐURIĆ: Kakva greda?

SPASOJE: Ona što može da se izvuče pa da padne kuća?

ĐURIĆ: Ne brinite sad smo na konju. Svršićemo i to dođite još danas k meni! Ja moram samo do Ministarstva hoću očima da vidim ministarske potpise. Dođite još danas, smisliću već ja dotle, ili bolje reći, ja već imam izvestan plan ne brinite! Zbogom! (*ode*).

SPASOJE: Zbogom! (*prati ga do vrata*)

некуда, и он предписывает: твоя балка, возьми ее! Но что может произойти, если на этой балке держится дом? Разве только ради того, чтоб ты взял свою балку, можно допустить, чтобы развалился весь дом? Что больше, что важнее, спрашиваю я вас? Дом или балка?

СПАСОЕ. Дом!

ДЖУРИЧ. Правильно! И теперь представьте себе, «Иллирия» – это дом, так как эта организация создана на широких основах, и вдруг кто-то приходит и говорит: «Отдайте мне мою балку». Да, балку, но, если мы вытащим балку, нам на голову рухнет вся «Иллирия»!

СПАСОЕ. Ужасно!

ДЖУРИЧ. Если еще... у вас случайно нет телефона?

СПАСОЕ. Вот он, у вас под рукой.

ДЖУРИЧ (*подходит к телефону и набирает номер*). Алло, алло! Это господин шеф кабинета? Это вы, господин Маркович? Говорит ДЖУРИЧ. Значит?... (*Слушает, лицо его озаряется радостью.*) Спасибо! Большое спасибо! (*Кладет трубку и идет к СПАСОЕ с распростертыми объятиями, восклицая.*) «Иллирия», «Иллирия»! (*Крепко его обнимает.*)

СПАСОЕ. «Иллирия!»

ДЖУРИЧ. Да!

СПАСОЕ. Свершилось?

ДЖУРИЧ. Да!

СПАСОЕ (*бросается ему в объятия*). «Иллирия»! Миллионы! (*Вдруг отпрянув.*) А балка?

ДЖУРИЧ. Какая балка?

СПАСОЕ. Та, которую если вытащить – рухнет дом?

ДЖУРИЧ. Не беспокойтесь, теперь мы на коне. Сделаем и это. Сегодня же заходите ко мне! Я должен только зайти в министерство, хочу собственными глазами увидеть подписи министров. Заходите сегодня же, к тому времени я уж придумаю, вернее сказать, у меня уже есть кое-какой план; не беспокойтесь! До свидания! (*Уходит.*)

СПАСОЕ. До свидания! (*Провожает его до дверей.*)

XVIII

СПАСОЕ, РИНА, НОВАКОВИЧ, ЛЮБОМИР, ВУКИЦА.

СПАСОЕ (*возвращаясь от дверей, довольный, потирает руки и шепчет*). «Иллирия»!

XVIII

SPASOJE, RINA, NOVAKOVIĆ, LjUBOMIR, VUKICA

SPASOJE (*vraćajući se od vrata, trlja zadovoljno ruke, šapćući*): »Ilirija«! »Ilirija«! (*odlazi Vukičinim vratima*): Deco, gospodo, ovamo, ovamo!

SVI (*dolaze*): Šta je?

SPASOJE (*razdragano*): »Ilirija«! »Ilirija«! »Ilirija«!

XIX

ANTA. PREDAŠNJI

ANTA (*ulete zadihan*): Dobar dan! Gospođe, gospodo, važno saopštenje. Pati li ko od vas od srca? (*odleti zadnjim vratima, Sofiji*) Pet čaša vode! Stvar je, gospodo, prijatna, prijatna, ali moram iz obazrivosti početi izdaleka...

SPASOJE: Hoćete valjda da nam saopštite da je dobijena koncesija za »Iliriju«!

ANTA (*razočaran*): Dakle, znate? (*ode zadnjim vratima*) Sofija, nije potrebna voda!

SPASOJE: Da, gospođe i gospodo, milioni su dobijeni, to jest, koncesija je dobijena. 'Odite, 'odite svi na moje grudi...

ANTA (*potrči mu u zagrljaj*).

SPASOJE (*gurne Antu*): Ama, ne vi akcionari, ovamo na moje grudi, braćo i sestre, akcionari. (*zagrli sve koliko može i kliče*) »Ilirija«! »Ilirija«!

Zavesa

ČIN TREĆI

(Radna soba kod Spasoja)

«Иллирия»! (*Направляется к дверям комнаты Вукицы.*) Дети, господа, сюда, сюда!

Входят РИНА, НОВАКОВИЧ, ЛЮБОМИР, ВУКИЦА.

Все. В чем дело?

СПАСОЕ (*растроганный*). «Иллирия»!

«Иллирия»! «Иллирия»!

XIX

АНТА, те же.

АНТА (*влетает, запыхавшись*). Добрый день! Господа, важное сообщение! У кого из вас большое сердце? (*Подбегает к дверям в глубине, кричит Софье.*) Пять стаканов воды! Вещь, господа, очень приятная, но я из осторожности должен начать издалека...

СПАСОЕ. Вы хотите, вероятно, сообщить, что «Иллирия» получила концессию?

АНТА (*разочарованно*). Следовательно, вы знаете? (*Подходит к дверям в глубине.*) Софья, не нужно воды!

СПАСОЕ. Да, господа, получены миллионы, то есть получена концессия. О, придите, придите все в мои объятия!..

АНТА бросается к нему в объятия.

(*Отталкивает его.*) Да не вы! Акционеры, приникните к моей груди! Братья и сестры-акционеры! (*Обнимает всех, кого может захватить в объятия, и восклицает.*) «Иллирия»! «Иллирия»!

Занавес

Действие третье

Рабочий кабинет в доме СПАСОЕ.

I

СПАСОЕ, Софья.

СПАСОЕ стоит возле стола и разбирает почту. Софья приносит письмо.

СПАСОЕ (*берет письмо*). От кого?

Софья. Не знаю, мальчик принес.

СПАСОЕ (*распечатывает, читает про себя и*

I

SPASOJE, SOFIJA

SPASOJE (*stoji kraj stola i otvara poštu*).

SOFIJA (*donosi jedno pismo*).

SPASOJE (*uzimajući ga*): Od koga?

SOFIJA: Ne znam, doneo jedan dečko.

SPASOJE (*otvara pismo, čita u sebi i mršti se, čita ponovo i gundā*): Dabome! Znao sam ja to! Dabome da sam znao! (*Sofiji*) Je li tu taj dečko?

SOFIJA: Jeste, čeka odgovor.

SPASOJE: Pa da, čeka odgovor razume se da čeka odgovor, a to znači da ja treba da odgovorim, je li?

SOFIJA: Ja ne znam, gospodine.

SPASOJE: Pa ko će drugi nego ja? Moram odgovoriti mogu se ja buniti koliko hoću, al' moram odgovoriti. (*vadi iz portmonea i odbrojava pet stotinki, pa ih stavlja u jedan koverat koji lepi*) Na, daj mu odgovor kad već moram odgovoriti.

SOFIJA (*primi pismo i odlazi, ali na vratima zastaje*): Jedan gospodin!

SPASOJE: Koji je to?

SOFIJA: Ne znam, ne poznajem ga.

SPASOJE: Neka uđe!

SOFIJA (*povlači se i propušta Mila*).

II

SPASOJE, MILE

MILE (*sa kožnom torbom pod pazuhom, klanja se i pruža pismo*).

SPASOJE (*otvarajući pismo*): Opet pismo. O, brate, šta su okupila ta pismo od jutros? (*čita potpis*) A, ovo je od gospođe Rine!

MILE: Da, gospođa me je uputila k vama.

SPASOJE (*pročita pismo*): A, tako? E, milo mi je, izvolte, izvolte, sedite, mladiću.

MILE (*sedne*).

SPASOJE: A vi ste, kako mi gospođa piše, pisar kod advokata Petrovića.

MILE: Da!

SPASOJE: Tom se advokatu obratio takozvani Pavle Marić, da ga zastupa?

хмурится, потом снова читает и ворчит).

Конечно! Так я и знал! Так я и знал! (*Софье*.)

Здесь этот мальчик?

Софья. Да, ждет ответа.

СПАСОЕ. Ну да, ждет ответа; разумеется, ждет ответа, а это значит, я должен ответить, не так ли?

Софья. Не знаю, барин.

СПАСОЕ. Кому же отвечать, как не мне? Должен ответить. Я могу возмущаться сколько угодно, но ответить должен. (*Достает бумажник и отсчитывает из него пятьсот динаров, кладет их в конверт и заклеивает*.) На, отдай ему ответ, коли я должен ответить!

Софья (*взяв конверт, идет, но в дверях останавливается*). Там какой-то господин.

СПАСОЕ. Кто?

Софья. Не знаю; я его не знаю.

СПАСОЕ. Пусть войдет!

Софья выходит и пропускает Миле.

II

СПАСОЕ, Миле.

Миле с портфелем подмышкой, кланяется и подает письмо.

СПАСОЕ (*распечатывает письмо*). Опять письмо. О, брат, что это меня сегодня с самого утра письмами завалили? (*Читает подпись*.) А, это от госпожи Рины!

Миле. Да, госпожа РИНА направила меня к вам.

СПАСОЕ (*прочитав письмо*). А, вот что? Ну, мне очень приятно! Пожалуйста, пожалуйста, садитесь, молодой человек.

Миле садится.

А вы, как мне пишет госпожа РИНА, делопроизводитель адвоката Петровича?

Миле. Да.

СПАСОЕ. К этому адвокату обратился за защитой так называемый Павле МАРИЧ?...

Миле. Да, для того чтобы возбудить против вас уголовное дело.

СПАСОЕ (*вздвигнув*). Против меня? Как, против меня? Почему против меня? Вам по всей вероятности это дело известно?

Миле. Да, я сейчас над ним работаю.

СПАСОЕ (*взволнованно*). Как работаете? Каким образом работаете? Скажите, прошу вас, в чем там дело? Вы говорите, он хочет возбудить иск? Ну

MILE: Da, da povede krivični postupak protivu vas.
SPASOJE (*trgne se*): Protivu mene? Kako protivu mene? Zašto protiv mene! A vama je stvar, izgleda, bliže poznata?
MILE: Da, ja radim po tom predmetu.
SPASOJE (*uznemiren*): Šta radite? Kako radite? Recite mi, molim vas, u čemu je stvar. Hoće da digne tužbu, velite? Pa dobro, neka digne, ali zašto protivu mene? To mi recite, zašto baš protivu mene?
MILE: Ne samo protivu vas, četiri tužbe.
SPASOJE (*nudi mu cigaretu*): Kakve četiri tužbe?
MILE: Vas traži što ste lažnim dokazima kod suda prigrabili imanje. Traži povraćaj imanja i podiže krivičnu optužbu protivu vas.
SPASOJE: Gle, molim te! Krivičnu!? A one ostale tri?
MILE: Jednu protivu gospodina Milana Novakovića za preljubu i narušavanje braka.
SPASOJE: To sam već mislio, a treću?
MILE: Treću protiv profesora univerziteta, gospodina Ljubomira Protića, za krađu rukopisa i objavljivanje istoga pod svojim imenom!
SPASOJE: Ala je taj zapeo! A četvrtu tužbu?
MILE: Protivu nekoga Ante Milosavljevića za krivokletstvo.
SPASOJE: Pa zar ni njega nije preskočio? A vi, ovaj, šta sam ono hteo da kažem, pa je l' to onako sasvim ozbiljno, tužbe?
MILE: Boga mi, moj šef, kad je razgledao materijal, uzviknuo je: »Poklaću ih kao piliće!«
SPASOJE: Koga će poklati kao piliće!
MILE: Pa vas!
SPASOJE: Šta on ima mene da kolje i zašto, molim vas, baš mene da kolje?
MILE: On to misli onako figuralno.
SPASOJE: Ne volim ja te stvari ni figuralno. Uostalom, kažite vi meni, je l' on već podneo te tužbe?
MILE: Ne, nije, sad ih radi, pa ću ih onda ja prepisati.
SPASOJE: Vrlo dobro! Vrlo dobro! Vi ćete ih dakle prepisivati! A i vi možete da otegnete prepisivanje, zar ne? Nama je potrebno da se ta stvar malo otegne.
MILE: Da, ja sam već dao reč gospođi Rini da ću otezati.
SPASOJE: Vrlo dobro! Vrlo dobro! Verujte, mladiću, bićemo vam vrlo blagodarni i gledaćemo na nekakav način da vam se odužimo.
MILE: To bi najbolje učinili, ja sam to već govorio gospođi Rini, kada bi me, recimo, uzeli u službu u vaše društvo »Ilirija«. Vi ćete, izvesno, imati potrebe za više činovnika?
SPASOJE: Razume se! A vi imate od kvalifikacija?
MILE: Da... kako da vam kažem... imam nedovršenu gimnaziju, imam nedovršenu trgovačku akademiju,

хорошо, пусть себе возбуждает! Но почему против меня? Вы мне скажите, почему именно против меня?
Миле. Не только против вас, у нас четыре иска. СПАСОЕ (*предлагает сигарету*). Какие четыре иска?
Миле. Один – против вас, в котором он утверждает, что вы при помощи ложных свидетельств на суде захватили его имущество. Он требует его возврата и возбуждает против вас уголовное обвинение.
СПАСОЕ. Смотри пожалуйста! Уголовное?! А остальные три?
Миле. Один – против господина Милана НОВАКОВИЧА, за соращение его жены и нарушение законного брака.
СПАСОЕ. Так я и думал; а третий?
Миле. Третий – против профессора университета господина ЛЮБОМИРА Протича, за кражу рукописи и опубликование ее под своим именем.
СПАСОЕ. Ну и разошелся! А четвертый иск?
Миле. Против некоего Анты Милославлевича, за ложную клятву.
СПАСОЕ. Неужели и его не минуло? А вы, это... что я хотел сказать?... Да неужели все это так серьезно, эти обвинения?
Миле. Ей-богу, мой шеф, рассмотрев материал, воскликнул: «Да я их, как цыплят, общиплю!»
СПАСОЕ. Кого он собирается общипать, как цыплят?
Миле. Да вас!
СПАСОЕ. Чего же ему меня общипывать и за что, скажите, пожалуйста? За что именно меня общипывать?
Миле. Это он так выражается, фигурально!
СПАСОЕ. Не люблю я подобных вещей даже фигурально. Впрочем, скажите мне, он уже подал эти иски?
Миле. Нет, сейчас он над ними работает, а затем я их перепису.
СПАСОЕ. Очень хорошо! Очень хорошо! Следовательно, вы их будете переписывать! И вы можете как-нибудь затянуть эту переписку, не правда ли? Нам нужно это дело немного оттянуть.
Миле. Да, я уже дал слово госпоже Рине, что буду тянуть.
СПАСОЕ. Очень хорошо! Очень хорошо! Поверьте, молодой человек, мы вам будем весьма благодарны и постараемся вас как следует отблагодарить.
Миле. Лучше всего было бы, если бы вы – как я уже говорил госпоже Рине – приняли меня,

imam nedovršenu srednju tehničku školu, imam nedovršeni pravni fakultet»..

SPASOJE: Uopšte, niste dovršeni. Uostalom, i šta će vam, za vas je najbolja kvalifikacija to što vas poznaje gospođa Rina.

MILE: To je, znate, jedno slučajno poznanstvo.

SPASOJE: Pa da, slučajno, tako sam i mislio. Dakle, ja vam rado obećavam službu samo, razume se, kad društvo počne rad. To neće biti tako brzo, ali čim počne rad.

MILE: A dotle?

SPASOJE: Dotle? Dotle strpljenje!

MILE: Da, svakojako samo, znate, ja imam tako skromnu platu god gospodina advokata, a život je tako skup.

SPASOJE: Ah, da!... Sad razumem. Vi bi, izvesno, želeli da budete nagrađeni za uslugu koju ćete nam učiniti?

MILE: Bože, sačuvaj; to nikako. Ja to činim čisto iz pažnje i poštovanja prema gospođi Rini. Druga je stvar kad bi mi ponudili kakav mali zajam, to da, to bih primio bez pogovora, ali nagrada, to bi bila uvreda.

SPASOJE: A koju sumu predstavlja ta uvreda?

MILE: Odnosno taj zajam?

SPASOJE: Pa da, to mislim.

MILE: Ja nikad nemam običaj da tražim više no što mi odista treba. Meni bi momentalno trebalo, recimo, pet stotina dinara.

SPASOJE (*vadi nevoljno novac iz džepa*): Toliko najviše, ne bih vam zasad ni mogao dati više. (*daje mu*)

MILE (*primajući*): Samo, molim vas lepo, to ne treba da zna gospođa Rina.

SPASOJE: Razume se. Ono što znate vi i gospođa Rina ne treba da znam ja, ono što znamo ja i vi ne treba da zna gospođa Rina. To se u računici, čini mi se, zove pravilo trojno.

MILE (*smeje se*): Da, da! Dakle, ja ću vas stalno izveštavati o tome kako se stvar razvija kod advokata. (*polazi*)

SPASOJE (*prateći ga*): I otezati stvar, otezati koliko god možete.

MILE: Sluga sam ponizan! (*ode*)

скажем, на службу в ваше товарищество «Иллирия». Вам, безусловно, потребуется большое количество чиновников?

СПАСОЕ. Разумеется! А какое у вас образование? Миле. Да... как вам сказать... незаконченная гимназия, незаконченная коммерческая академия, незаконченная средняя техническая школа, а также незаконченный юридический факультет...

СПАСОЕ. В общем, вы незаконченный. Впрочем, зачем вам это, для вас самый лучший документ об образовании то, что вас знает госпожа РИНА.

Миле. Это, понимаете, случайное знакомство.

СПАСОЕ. Ну да, случайное, я так и думал. Следовательно, я охотно обещаю вам службу, но только, само собой разумеется, после того, как предприятие «Иллирия» начнет работать. Это будет не так скоро, но как только оно начнет работать...

Миле. А до тех пор?

СПАСОЕ. До тех пор? До тех пор потерпите!

Миле. Да, конечно, но только, знаете, я получаю у господина адвоката такое скромное жалованье, а жизнь так дорога.

СПАСОЕ. Ах, да!.. Теперь понимаю. Вы хотели бы, как говорится, получить за услугу, которую нам окажете?

Миле. Боже сохрани, ни в коем случае! Все это я делаю исключительно из уважения и внимания к госпоже Рине. Другое дело, если бы вы мне предложили какую-нибудь небольшую сумму займы, ее я принял бы без разговоров, но вознаграждение – это было бы оскорблением.

СПАСОЕ. А какую сумму представляет собой это оскорбление?

Миле. То есть заем?

СПАСОЕ. Ну да, я это и подразумеваю.

Миле. Не имею обыкновения просить больше, чем мне на самом деле требуется. В данный момент мне необходимо, скажем, динаров пятьсот.

СПАСОЕ (*неохотно достает из кармана деньги*). Это самое большее, больше я вам сейчас и не смог бы дать. (*Подает ему деньги.*)

Миле (*принижая деньги*). Только очень вас прошу, госпожа РИНА не должна этого знать.

СПАСОЕ. Ну, разумеется, то, что знаете вы и госпожа РИНА, не должен знать я, а то, что знаем мы с вами, не должна знать госпожа РИНА. В арифметике это, как мне кажется, называется тройным правилом?

Миле (*смеется*). Да, да! Итак, я постоянно буду извещать вас о том, как идет дело у адвоката. (*Идет к дверям.*)

III

ANTE, SPASOJE

SPASOJE (*čita ponovo Rinino pismo i smeška se*).

ANTA (*dolazi, s praga*): Evo me!

SPASOJE: E, nađe li?

ANTA: Pa nađo' dabome!

SPASOJE: Je l' onako ko što sam ti rekao?

ANTA (*dije mu kuvertić*): Evo!

SPASOJE (*vadi iz kuvertića neku fotografiju*): Jeste, sasvim dobro! Gde nađe, boga ti!

ANTA: Ne pitaj, muke sam video. Obišao sam sve fotografe, one što slikaju za pasoše, p preturao, preturao po nekim kutijama punim slika i naposletku, eto, našao sam.

SPASOJE: Vrlo dobro!

ANTA (*sedajući*): Ali mislim se nešto... zar, zaboga, u ovolikoj kući nema njegovih fotografija?

SPASOJE: Bilo je, ali meni treba ovaj format za pasoš.

ANTA: A gledao sam uz put i lokale za kancelarije »Ilirije«. Našao sam dva-tri, ali dve sobe.

SPASOJE: Malo je to. Nama samo za činovništvo treba tri-četiri sobe.

ANTA: A imaćete veliko činovništvo?

SPASOJE: O pa, posao će biti ogroman.

ANTA: Pa dobro, zar za mene nema tu posla?

SPASOJE: Nemaš, brate, pare, a tu su potrebne pare. Eto, da nisi zajeo onih 10 000 dinara, mogao bi za taj novac da kupiš akcije...

ANTA: Ne moram ja biti akcionar.

SPASOJE: Nego?

ANTA: Onako, neko nameštenje. Ja sam u ovoj državi jedini nezaposleni penzioner, a ne može se reći da nisam sposoban.

SPASOJE: Sposoban si, ne kažem da nisi, i hoćeš da potrčiš, ali pravo da ti kažem, malo je nezgodno da ti budeš nameštenik takvog jednog preduzeća.

СПАСОЕ (*провожая его*). И оттягивайте, оттягивайте, как только можно!

Миле. Ваш покорный слуга! (*Уходит.*)

III

СПАСОЕ, Ант а.

СПАСОЕ *перечитывает письмо Рины и улыбается.*

АНТА (*входит, с порога*). Вот и я!

СПАСОЕ. Ну что, нашел?

АНТА. Конечно, нашел!

СПАСОЕ. Так, как я тебе говорил?

АНТА (*подает ему маленький конверт*). Вот!

СПАСОЕ (*достает из конверта фотокарточку*).

Да, совсем то, что надо! Где же ты нашел?

АНТА. И не спрашивай, хватил муки! Обошел всех фотографов, снимающих для паспортов, и рылся, рылся в каких-то коробках, наполненных фотокарточками, и вот напоследок нашел.

СПАСОЕ. Очень хорошо!

АНТА (*сидясь*). Но я все думаю... неужели в таком большом доме не нашлось его фотографии?

СПАСОЕ. Нашлась, но мне требуется именно этот формат, для паспорта.

АНТА. А кроме того, по пути я посмотрел несколько помещений для канцелярии «Иллирии». Нашел два-три, но по две комнаты.

СПАСОЕ. Мало. Нам только для одних чиновников нужно три-четыре комнаты.

АНТА. А много будет чиновников?

СПАСОЕ. О да, дело разворачивается огромное.

АНТА. Ну хорошо, а разве для меня тут дела не найдется?

СПАСОЕ. У тебя, брат, денег нет, а здесь нужны деньги. Вот если бы ты не проел те десять тысяч динаров, мог бы купить на них акции...

АНТА. Я вовсе не собираюсь стать акционером.

СПАСОЕ. А что же?

АНТА. Так, какую-нибудь должность. Я в этой стране единственный пенсионер, не занятый делом, а нельзя сказать, чтобы я был неспособным.

СПАСОЕ. Способный, не скажу, что неспособный, и побегать готов; но, по правде говоря, немного неудобно, чтобы ты был служащим такого предприятия.

АНТА. Почему?

СПАСОЕ. Да... из-за того.

АНТА. Из-за чего того?

СПАСОЕ. Да из-за твоего клятвопреступления.

АНТА. Э, верно, я этого не отрицаю: мы с тобой

ANTA: Zašto?
 SPASOJE: Pa... zbog onog.
 ANTA: Koga onog?
 SPASOJE: Pa zbog onog tvog krivokletstva.
 ANTA: E, to jest, to ti priznajem, ja i ti nismo za takva preduzeća.
 SPASOJE: Ti, brate, ti, a ne ja.
 ANTA: Pa mislim, znaš, zbog onih lažnih svedoka i falsifikovanih uverenja.
 SPASOJE (*plane*): Rekao sam ti jedanput za svagda, da to više ne pominješ.
 ANTA: A što ti meni pominješ?
 SPASOJE: Drugo sam ja, a drugo ti. Zakleo si se krivo, pa šta? Ko si i šta si sad! Niko i ništa, imaš u džepu koliko ti treba za tramvaj, i to ta je sav kapital. Drugo je to da si ti od onih deset hiljada što si mi ih zajeo napravio sto hiljada, pa od sto dvesta i od dvesta četiri stotine i tako dalje! Drugo je to, imam da ti skinem kapu i nikad da ne pomenem krivokletstvo. Šta je to krivokletstvo kad ti stojiš na osam stotina hiljada kapitala? Ceo svet ima da ti skine kapu, a nikom ni na pamet da ne padne krivokletstvo.
 ANTA: To jest, evo tebi svi skidaju kapu.
 SPASOJE: Skidaju, dabome, i u tome i jeste razlika između tebe i mene.
 ANTA: Pa jest, tako je, samo, vidiš, ja mislim trebaće vama u preduzeću i takvi ljudi kao što sam ja.
 SPASOJE: Možda će i trebati, ali nekako, brate, nisi čovek srećne ruke, pravo da ti kažem, nisi srećne ruke.
 ANTA: Po čemu opet nisam?
 SPASOJE: Eto, našao si mi onog publicistu!
 ANTA: Pa šta?
 SPASOJE: Pa to, uzeo mi dve hiljade dinara prekuče, a vidi danas šta mi piše. (*vadi pismo iz džepa*) Slušaj šta mi piše od jutros. (*čita*) »Poštovani gospodine, saznao sam pouzdano da će ovih dana sve novine pisati nadugačko i naširoko po onoj stvari. Materijal im daje sam onaj koji po vašem uverenju nije živ. Ako bi novine to objavile, one bi mi otele kapital koji ja već imam u ruci ili, bolje reći, otele bi mi zalogaj iz usta. Da ih pretečem, ne ostaje mi ništa drugo do da još noćas ispišem brošuru i sutra po podne da je pustim u prodaju. Ili to ili da se uzdržim, ali uzdržavanje bi bilo veliko požrtvovanje s moje strane, a požrtvovanje se danas vrlo skupo plaća. Ja bih, u svojoj skromnosti, mogao biti zadovoljan i sa hiljadu dinara.« Evo!
 ANTA: Pa šta si radio?
 SPASOJE: Podvalio sam mu. Poslao sam mu pet stotina.
 ANTA: Hoće li biti dosta to za uzdržavanje?
 SPASOJE: Dosta je, nego! Ti bi se uzdržavao i za

не для таких предприятий.
 СПАСОЕ. Ты, ты, брат, а не я.
 АНТА. Да, знаешь, я предполагаю из-за... подставных свидетелей и фальшивых удостоверений.
 СПАСОЕ (*рассвирепев*). Я тебе раз и навсегда сказал, чтобы ты не смел мне об этом больше напоминать.
 АНТА. А чего же ты мне напоминаешь?
 СПАСОЕ. Одно дело я, другое – ты! Ты дал ложную клятву из-за чего? Кто ты и что ты сейчас? Никто и ничто. У тебя в кармане лишь на трамвай – вот и весь твой капитал. Другое дело, если бы ты из тех десяти тысяч, которые заел у меня, сделал сто, а из ста – двести, из двухсот – четыреста тысяч и там еще и еще! Тогда другое дело, я перед тобой шляпу бы снял и никогда бы не вспомнил о твоём клятвopреступлении. Какое там клятвopреступление, если ты стоишь на восьмистах тысячах капитала! Весь свет перед тобой снял бы шляпу, и никому даже в голову не пришло бы вспомнить об этом клятвopреступлении.
 АНТА. Это правда, перед тобой все снимают шляпу.
 СПАСОЕ. Конечно, снимают, в этом-то и разница между мной и тобой.
 АНТА. Ну да, верно, только, видишь, я думаю, что вам нужны будут и такие люди, как я.
 СПАСОЕ. Может быть, и будут нужны; но у тебя, братец, рука несчастливая, прямо-таки, скажу, несчастливая.
 АНТА. Почему несчастливая?
 СПАСОЕ. Да вот, нашел ты мне этого публициста!
 АНТА. Ну и что?
 СПАСОЕ. А то, что взял он у меня позавчера две тысячи динаров, и вот смотри, что он мне сегодня пишет. (*Достаёт из кармана письмо.*) Ты только послушай, что он мне пишет! (*Читает.*)
 «Уважаемый господин СПАСОЕ, я совершенно точно узнал, что на днях во всех газетах будет очень широко писаться об этом деле. Материал им дает тот самый человек, которого, как вы уверяете, нет в живых. Если бы газеты это опубликовали, они отняли бы у меня капитал, который уже находится в моих руках, или, вернее сказать, вырвали бы у меня изо рта кусок. Чтобы их опередить, мне не остается ничего иного, как сегодня же ночью написать брошюру и завтра в полдень пустить ее в продажу. Написать или воздержаться?... Но воздержание было бы с моей стороны большой жертвой, а за жертву теперь

dvadeset dinara, pa neće on za pet stotina.
ANTA: A to što kaže za novine i ja sam čuo.
SPASOJE: Šta si čuo?
ANTA: Čuo sam da je Marić zvao sve novinare kod sebe i čuo sam...
SPASOJE: A nisi čuo i da je zvao advokate?
ANTA: Šta će mu advokat?
SPASOJE: Podneo je tužbu, tužio je tebe.
ANTA: Zašto mene?
SPASOJE: Za krivokletstvo.
ANTA: A što samo mene, zar nikog drugog?
SPASOJE: Tužio je i nas ostale, ali to nije krivično. Tužio je onoga da mu je oteo ženu, tužio je mene da sam mu oteo imanje, a to brate, nisu krivična dela. Tebe tuži za krivokletstvo, a to je najmanje godinu dana robije.
ANTA (*nervira se*): Znam, kazao si mi, koliko puta si mi već kazao. (*zabrinuo se*)
SPASOJE: Kao što vidiš, nije te preskočio.
ANTA: Nije, a baš je mogao.
SPASOJE: Mogao je, ne kažem da nije mogao je i mene da preskoči, ali eto nije hteo!
ANTA (*češe se*): O, majku mu, baš mi se ne ide u apsu.
SPASOJE: Ne ide se ni meni, prijatelju! Misliš ti to je tako ove godine idem u Karlsbad, ove godine idem na Bled, a ove godine idem u aps. Ne ide se ni meni!
ANTA: Pa dobro, šta ćemo sad?
SPASOJE: Imamo, boga mi, da zapnemo. Ja ću da primim na sebe sud, a ti primi na sebe novine. Iz ovih stopa potrči, prođi sve redakcije, idi od urednika pa do onoga što savija novine, reci im neka se strpe, samo dvadeset i četiri časa neka se strpe, pa će sutra već dobiti materijal za jednu ogromnu senzaciju. Tako im reci, i čim što uspeš, dođi da me izvestiš.
ANTA (*diže se i kao hteo bi da pođe*): A ovaj... ono kod suda? ... Ne volim nekako s tim sudom da imam posla.
SPASOJE: Rekao sam ti, ono ću ja da guram i već sam reduzео potrebne korake.

очень дорого платят. Я же, по своей скромности, мог бы удовлетвориться и тысячью динарами». Вот!
АНТА. Ну, и что ты сделал?
СПАСОЕ. Отвалил ему. Послал пятьсот динаров.
АНТА. Но будет ли это достаточно для воздержания?
СПАСОЕ. Конечно, достаточно! Ты бы воздержался и за двадцать динаров, почему же он не захочет за пятьсот?
АНТА. А то, что он говорит о газетах, это и я слышал.
СПАСОЕ. Что ты слышал?
АНТА. Я слышал, что МАРИЧ приглашал к себе всех корреспондентов, и слышал...
СПАСОЕ. А ты не слышал, что он и адвокатов приглашал?
АНТА. Зачем ему адвокаты?
СПАСОЕ. Возбудил иск, обвиняет тебя.
АНТА. За что же меня?
СПАСОЕ. За клятвопреступление.
АНТА. А почему только меня, разве, кроме меня, никого других нет?
СПАСОЕ. Обвиняет и нас, остальных, но не по уголовному делу. Того обвинил в том, что он у него жену отнял, меня, что я захватил его имущество, а это, брат, не уголовное дело. Тебя же обвиняет в клятвопреступлении, а это не менее года каторги.
АНТА (*нервничая*). Знаю, ты мне уже говорил, сколько раз уж повторял. (*Задумался.*)
СПАСОЕ. Как видишь, он и тебя не обошел.
АНТА. Нет, а, конечно, мог бы.
СПАСОЕ. Мог бы, не скажу, что не мог; мог бы и меня миновать, да вот не захотел!
АНТА (*почесывается*). Ах, мать его за ногу, вот уж не хочется мне идти на каторгу!
СПАСОЕ. Да и мне не хочется, приятель! Ты думаешь, это так: в этом году я еду в Карлсбад, в этом – на Блед, а в том – в тюрьму? Мне тоже не хочется!
АНТА. Ну ладно, а что же мы теперь будем делать?
СПАСОЕ. Необходимо порядком потрудиться. Я возьму на себя суд, а ты – газеты. Немедленно лети, обойди все редакции – от редактора до расфасовщика, скажи им, пусть они потерпят, подождут всего только двадцать четыре часа и завтра же получают небывало сенсационный материал. Объясни им это и, как только тебе что-нибудь удастся, приди и сообщи мне.
АНТА (*поднимается и собирается уходить*). А

IV

AGNIJA, PREDAŠNJI

AGNIJA: Dobar dan želim. Gle, i vi ste tu prijatelji Anto, baš dobro. Htela sam i inače da vas potražim, da vam kažem ja sam onu stvar sasvim drukčije čula no što ste mi vi pričali.

ANTA: Može biti, može biti, ali to ne meka stvar.

AGNIJA: Dakle, nije tačno da je pokojni Marić imao mladež više leve usne.

ANTA: Dobro, pristajem nije imao, samo molim vas, mene izvinite, nemam kad da razgovaramo, imam vrlo hitna posla. Je li Spasoje... da imam hitna posla?

SPASOJE: Da, da! Idi odmah!

ANTA (*Agniji*): Izvinite, molim vas! (*ode*)

V

AGNIJA I SPASOJE

AGNIJA: A i s tobom imam da razgovaram, Spasoje.

SPASOJE: O čemu?

AGNIJA: O tome što se napolju govori. Moram ti reći, brine me, brat si mi.

SPASOJE: Šta ti imaš, molim te, moju brigu da brineš?

AGNIJA: Kako da ne? Eto, srela me je juče gospođa Draga Mitrović pa me pita: »Ama zašto je to gospodin Spasoje najedanput odložio venčanje svoje kćeri, kad su sve, sve pozivnice za svadbu štampane?« Ima tu nešto!

SPASOJE: Moja će se ćerka venčati kad je meni volja, a ne kad je gospa-Drage volja, a pozivnice je lako i po

это... в отношении суда?... Я как-то не люблю иметь дело с судом.

СПАСОЕ. Я же тебе сказал, об этом позабочусь я. И я уже предпринял необходимые шаги.

IV

АГНИЯ, те же.

АГНИЯ. Добрый день! Смотрите пожалуйста и вы, друг АНТА, здесь. Очень хорошо. Мне как раз хотелось вас видеть, чтобы сказать: я об этом деле слышала совсем другое, чем вы рассказывали.

АНТА. Может быть, может быть, но это дела не меняет.

АГНИЯ. Значит, неверно, что у покойного МАРИЧА над губой с левой стороны была родинка?

АНТА. Хорошо, согласен, не было, только прошу вас, извините меня, мне разговаривать некогда, у меня очень спешное дело. Не так ли, СПАСОЕ, ведь у меня очень спешное дело?

СПАСОЕ. Да, да! Иди немедленно!

АНТА (*Агнии*). Прошу прощения! (*Уходит.*)

V

СПАСОЕ, АГНИЯ.

АГНИЯ. Мне и с тобой нужно поговорить, СПАСОЕ.

СПАСОЕ. О чем?

АГНИЯ. О том, о чем говорят на улице. Должна тебе сказать, что меня это очень беспокоит, ведь ты же мне брат.

СПАСОЕ. А чего тебе беспокоиться о моем деле?

АГНИЯ. А как же? Встретила меня вчера госпожа Драга Митровић и спрашивает: «Почему же это господин СПАСОЕ вдруг отложил венчание своей дочери, когда уже все, все пригласительные билеты на свадьбу отпечатаны? Тут что-то есть!»

СПАСОЕ. Моя дочь будет венчаться тогда, когда мне захочется, а не тогда, когда захочет госпожа Драга. А пригласительные билеты нетрудно и еще раз отпечатать.

АГНИЯ. Да не одна госпожа Драга. Ох, если бы ты знал, чего только не говорят об этой свадьбе и еще много кое о чем.

СПАСОЕ. Я раз и навсегда тебе сказал: меня не касается, что говорят люди.

АГНИЯ. Я, ей-богу, уж и к госпоже Насте ходила, она для меня в чашку смотрела.

drugi put štampati.

AGNIJA: I nije to samo gospođa Draga. Jaoj, kada bi ti znao šta se sve govori i zbog te svadbe i zbog mnogo čega drugog.

SPASOJE: Rekao sam ti jedanput zasnagda, ne tiče me se šta svet govori.

AGNIJA: Ja sam išla, boga mi, i kod gospa-Naste, gledala mi u šolju.

SPASOJE: U kakvu šolju, pobogu, ženo?!...

AGNIJA: U šolju od kafe! Slušaj ti što ti ja kažem ta gospa Nasta gledala je i samim ministrima, i kazala im, kažu, tačno kad će da postanu bivši. Kažem joj velika nevolja, velika briga. I znaš li šta mi kaže kad je pogledala u šolju?

SPASOJE: Neću da znam, razumeš li, neću da znam, sad ću još i u nekakve šolje da verujem.

AGNIJA: Kako? Ne veruješ u šolju?

SPASOJE: Ne verujem.

AGNIJA: Pa ti onda ne veruješ u boga.

SPASOJE: Ama, šta ti mešaš boga sa šoljom od kafe.

AGNIJA: Pa sudbina, bog deli sudbinu, a šolja ti samo unapred kaže tu sudbinu.

SPASOJE: Ostavi molim te ludorije, nego kad si već došla, učini mi jednu uslugu, za koju ću ti reći hvala. Meni je, vidiš, vrlo potrebno da Vukicu odstranim od kuće bar na jedan sat. Ja imam ovde izvesne susrete koji mogu biti prijatni a mogu biti i neprijatni, pa ne bih hteo da je ona tu.

AGNIJA: No, pa to nije teško, povešću je da biramo materiju za venčanu haljinu. Samo da si mi bar javio pa da sam ponela moju zbirku mustara, ali svejedno, znam ja i napamet šta u kojoj radnji ima.

SPASOJE: Neće to biti tako zgodno. Znaš da sam koliko juče odložio svadbu i kazao Vukici da ne kupuje još venčanu haljinu, pa ne mogu sad tek...

Nego ako bi mogli što drugo.

AGNIJA: Znaš šta? Mogla bih joj ponuditi da pođe sa mnom i da sama izabere srebrni servis. Gledala sam u dve-tri radnje servis za dvadeset četiri osobe to bi želela da joj dam kao svadbeni poklon, al' bolje bi bilo da sama učini izbor.

SPASOJE: E, eto, to je vrlo dobra ideja. Na to će izvesno pristati. *(odlazi levim vratima)* Vukice, Vukice, dušo, 'odi ovamo, došla je tetka Agnija. *(vraćajući se)* I, molim te zadržavaj je koliko možeš više.

СПАСОЕ. В какую чашку, бог с тобой?!

АГНИЯ. В чашку с кофейной гущей! Послушай, что я тебе скажу. Эта госпожа Настя самим министрам гадала и, говорят, совершенно точно предсказывала им, когда они станут бывшими. Я ей говорю: «Стряслось большое несчастье, большая неприятность». И знаешь, что она мне сказала, когда посмотрела?

СПАСОЕ. Не желаю знать, понимаешь, не желаю знать! Теперь еще в какие-то чашки буду верить.

АГНИЯ. Как? Ты не веришь в чашку?

СПАСОЕ. Не верю.

АГНИЯ. Так ты, значит, и в бога не веришь?

СПАСОЕ. Да что ты бога с кофейной гущей мешаешь.

АГНИЯ. А судьба, что такое? Бог предопределяет судьбу, а гуща эту судьбу только предвещает.

СПАСОЕ. Ах, оставь ты, пожалуйста, эти глупости! А уж если пришла, сделай для меня одно дело, за которое я тебе скажу спасибо. Мне, видишь ли, очень нужно удалить из дому Вукицу, хотя бы на один час. У меня должны здесь состояться кое-какие встречи, которые могут быть приятными, а могут быть и неприятными; мне не хотелось бы, чтобы она была здесь.

АГНИЯ. Ну, это нетрудно: я поведу ее выбирать материал для подвенечного платья. Только ты хоть бы пораньше мне сообщил, я тогда захватила бы свою коллекцию образцов. Ну, все равно, я и на память знаю, что в каком магазине имеется.

СПАСОЕ. Это будет не особенно удобно. Ты же знаешь, я только вчера отложил свадьбу и сказал Вукице, чтобы она не покупала подвенечного платья. Не могу же я вдруг теперь... Вот, если бы можно было что-нибудь другое?

АГНИЯ. Знаешь что, может быть, предложить ей пойти со мной выбрать для себя серебряный сервиз? Я смотрела в двух-трех магазинах сервизы на двадцать четыре персоны. Мне хотелось преподнести ей ею как свадебный подарок, но лучше если бы она сама сделала выбор.

СПАСОЕ. Вот это прекрасная идея. Она на это, конечно, согласится. *(Направляется к двери слева.)* ВУКИЦА, ВУКИЦА, душечка, пойди сюда, пришла тетя АГНИЯ! *(Возвращаясь.)* И прошу тебя, задержи ее как можно дольше.

VI

ВУКИЦА, те же.

ВУКИЦА. Смотри ты, откуда вы так неожиданно?

VI

VUKICA, PREDAŠNJI

VUKICA: Gle, vi, tetka, otkud vi tako iznenada?

AGNIJA (*ljubeći se s njom*): Poslom, dušo, i to vrlo važnim poslom. Došla sam da pođemo zajedno.

VUKICA: Da pođemo? A kuda?

AGNIJA: Da mi pomogneš, dušo, da ta izaberem svadbeni dar.

SPASOJE: (*Vukici*): Pa trebalo bi da pomogneš tetki u izboru.

AGNIJA: Reći ću ti u čemu je stvar! Ja sam, vidiš, želela da ti kupim spavaću sobu, ali Spasoje je tome bio protivan. Veli on je naručio kompletni nameštaj.

SPASOJE: Razume se!

AGNIJA: A ja sam želela da ti darujem spavaću sobu po mome ukusu.

VUKICA: To bi, izvesno, bilo nešto neobično.

AGNIJA: Ja sam uvek sebi zamišljala bračnu sobu otvoreno plave boje. Tom bojom bi se čak morali obojiti i zidovi, naročito plafon. I zamisli sad u takvoj sobi bračnu postelju otvoreno plave boje, plav pokrivač i nebesno plave lopte na lusteru. Oh, bože, kako bi to bilo lepo bračni par bi imao utisak da se nalazi na nebu. Ja sam sebi uvek takav nameštaj zamišljala.

VUKICA: Šteta, odista, što niste imali prilike.

AGNIJA (*iskreno uzdahne*): Dabome da je šteta! Dakle, pošto je Spasoje bio protivan, to sam se ja rešila za srebro za 24 osoba. Čisto, teško srebro!

SPASOJE: To može da bude lepa stvar.

VUKICA: Pa zašto sam ja potrebna?

AGNIJA: Našla sam tri garniture u tri razne juvelirske radnje, pa ne znam za koju da se rešim. Volela bih ti to sama da odlučiš.

SPASOJE: Odista, Vukice, kad će to već tebi pripasti, bolje je neka je po tvome ukusu.

AGNIJA: Za mene ne igra ulogu manja ili veća razlika u ceni za mene je glavno da se tebi dopada ono što ću ti dati.

SPASOJE: Pa pođi, Vukice.

AGNIJA: Svakojako! Ja ne bih želela da bez tebe uzmem.

VUKICA: Kad bi to moglo drugi put, danas me tako boli glava.

SPASOJE: A ko ti garantuje da te i drugi put neće boleti glava?

АГНИЈА (*целуясь с ней*). По делу, душенька, и причем по очень важному делу. Я пришла, чтобы взять тебя с собой.

ВУКИЦА. Идти? А куда?

АГНИЈА. Помочь мне, душенька, выбрать тебе свадебный подарок.

СПАСОЕ (*Вукице*). Да, нужно бы помочь тете выбрать.

АГНИЈА. Я скажу тебе, в чем дело. Я, видишь ли, хотела тебе купить спальню, но СПАСОЕ этому воспротивился. Он говорит, что заказал уже всю обстановку.

СПАСОЕ. Да.

АГНИЈА. А я хотела подарить тебе спальню по своему вкусу.

ВУКИЦА. Это было бы, конечно, нечто необыкновенное?

АГНИЈА. Я всегда представляла себе брачную спальню светлоголубого цвета. В этот цвет должны были бы быть покрашены стены, а особенно потолок. И представь теперь в такой спальне светлоголубую брачную постель, голубое одеяло и люстру с шарами небесно-голубого цвета. О боже, как это было бы прекрасно!

Брачная пара чувствовала бы себя, как на небесах.

Я всегда представляла себе такую обстановку.

ВУКИЦА. Действительно жаль, что вам не подвернулся подобный случай.

АГНИЈА (*искренне вздыхает*). Конечно, жаль! Так вот, из-за того, что СПАСОЕ воспротивился, я остановилась на серебряном сервизе на двадцать четыре персоны. Чистое, тяжелое серебро!

СПАСОЕ. Это, должно быть, будет прекрасная вещь!

ВУКИЦА. А зачем же я вам нужна?

АГНИЈА. Я нашла три сервиза в трех разных ювелирных магазинах и не знаю, на каком остановиться. Мне хочется, чтобы ты сама решила. СПАСОЕ. Правда, ВУКИЦА, если уж это будет принадлежать тебе, лучше, чтобы было по твоему вкусу.

АГНИЈА. Разница в цене для меня роли не играет: главное, чтобы тебе понравилось то, что я подарю.

СПАСОЕ. Ну, иди же, ВУКИЦА!

АГНИЈА. Конечно! Мне не хочется покупать без тебя.

ВУКИЦА. А нельзя ли в другой раз, у меня сегодня так болит голова.

СПАСОЕ. А где гарантия, что у тебя в другой раз не будет болеть голова?

АГНИЈА. Поверь мне, только ты выйдешь на воздух, она у тебя пройдет.

AGNIJA: I veruj, kad izadeš na vazduh, proći će te.
VUKICA (*jedva se reši*): Dobro najzad. Samo da se spremim. (*ode u svoju sobu*)

AGNIJA: Evo, i ja ću ti pomoći. (*ode za Vukicom*)

VII

SPASOJE (*sam, ide telefonu i zvoni*): Alo, alo! Vi ste, gospodine Đuriću. Izvinite što vas uznemiravam, ali stvar izgleda vrlo ozbiljna. Čuli ste, je l' te, i vi ste čuli? Kažu, njegov advokat već sprema tužbu za sud. To sam pouzdano čuo, a sprema i kampanju preko novina. Tako ste i vi čuli, je l' te? Pa dobro, zar se o tome ne može stati na put; zar ne bi moglo cenzura da zabrani pisanje o tome, jer, najzad, našto je onda cenzura ako neće da štiti časne i ugledne građane? Najzad, ako neće da štiti nas kao pojedince, onda neka štiti preduzeće »Iirija«, to preduzeće čini čast državi, a skrhati nas znači skrhati preduzeće. Kako? Kako? Pa da, učinio sam sve, dostava je već pred policijom, imenovani su i svedoci, sve, sve, sve je učinjeno. Više nego to, onom policijskom agentu kojega ste mi uputili kazao sam u deset i trideset da bude ovde, jer sam u to doba pozvao Marića! Doći će, jer sam mu rekao da dođe radi definitivnog sporazuma. Sa Švarcom? Pa da, sve sam pripremio i pozvao sam Švarca.

VIII

ŠVARC, PREDAŠNJI

ŠVARC (*u tom času nailazi; on je elegantno obučen*)

ВУКИЦА (*с трудом решается*). Ну, ладно. Я только оденусь. (*Уходит в свою комнату.*)

АГНИЯ. Я тебе помогу, ВУКИЦА. (*Уходит за Вукицей.*)

VII

СПАСОЕ один.

СПАСОЕ (*моет к телефону и звонит*). Алло, алло! Это вы, господин ДЖУРИЧ? Извините, что я вас беспокою, но дело принимает весьма серьезный оборот! Вы слышали? Да. Значит, и вы слышали. Говорят, его адвокат уже готовит дело для подачи в суд. Это я знаю достоверно. И, кроме того, он готовит кампанию в газетах. То же самое слышали и вы? Ну хорошо, но разве нельзя этому воспрепятствовать, разве не могла бы цензура запретить об этом писать? В конце концов зачем же тогда цензура, если она не желает защищать честных и почтенных граждан? И потом, если она не хочет защищать нас как отдельных лиц, пусть защищает «Иллирию». Это предприятие делает честь государству! А уничтожить нас – значит уничтожить «Иллирию». Как? Как? Да, я все сделал: донос уже в полиции, и названы свидетели. Все, все, все проделано. И больше того, полицейскому, которого вы послали ко мне, я приказал быть здесь в десять тридцать, так как на этот час я пригласил МАРИЧу. Он придет. Я ему сказал, чтобы он явился сюда для окончательных переговоров. Со Шварцем? Да, по этой части я тоже все приготовил и вызвал сейчас Шварца.

VIII

СПАСОЕ, Шварц.

Во время разговора СПАСОЕ по телефону входит Шварц. Он элегантно одет.

СПАСОЕ (*заметив его, делает знак рукой, чтобы тот подождал, а сам продолжает*). А вот и он! Да, господин Шварц только что вошел. Да, да, господин ДЖУРИЧ, я так и поступлю, сейчас же все это проделаю с господином Шварцем. Да, мы не можем дальше откладывать – или-или, причем сегодня же, а там что бог даст! Я вас извещу. Да, да, извещу! (*Кладет трубку.*) Где же вы, господин Шварц, были? Я уже три раза за вами посылал. Шварц. Извините, я не знал, что дело настолько спешное.

СПАСОЕ. Ну как же не спешное. Садитесь,

gospodin).

SPASOJE (*kad ga spazi, mahne mu rukom da čeka, a on nastavi dalje na telefonu*): Evo ga, ovoga trenutka naišao je gospodin Švarc. Da, da, gospodine Đuriću, tako ću postupiti, svršiću ovoga časa sa gospodinom Švarcom. Da, ne smemo dalje odlagati, ili-ili, i to još danas, pa šta nam da bog! Izvestiću vas, o da, izvestiću vas! (*ostavlja slušalicu*) Gde ste, zaboga, gospodin-Švarc, tri puta sam slao po vas?

ŠVARC: Izvinite, nisam znao da je stvar hitna.

SPASOJE: Ta kako da nije hitna. Izvolite, sedite!

ŠVARC: Blagodarim. (*sedne*)

SPASOJE: Vi imate viziran pasoš za inostranstvo?

ŠVARC: Da, vi ste mi naredili da ga viziram kako bih bio spreman da odmah krenem na put čim se koncesija dobije.

SPASOJE: Je li vam pri ruci?

ŠVARC (*vadi ga iz džepa*): Ja se nikad od pasoša ne odvajam.

SPASOJE: (*uzima pasoš*): Taj ćete mi pasoš ustupiti.

ŠVARC (*iznenađen*): Kako?

SPASOJE: Taj ćete mi pasoš ustupiti, a sutra ćete ići u policiju i prijaviti da ste pasoš izgubili ili vam je možda ukraden.

ŠVARC (*buni se*): Ali, gospodine!

SPASOJE: Tiče se jednog krupnog pitanja, i vaš je veliki interes da se to pitanje reši onako kako mi želimo.

ŠVARC: Ali kako ja mogu ostati bez pasoša?

SPASOJE: Kazao sam već, sutra se obratite za nov pasoš.

ŠVARC: Hoće li mi ga dati?

SPASOJE: Čuli ste maločas razgovor sa gospodinom ministrovim bratom? Vi vidite valjda da ja sve radim po njegovim uputstvima, pa šta onda lupate glavu brigom kad ima ko za vas da brine.

ŠVARC (*snebiva se*): Pa ipak... Kako da kažem, stvar nije zgodna. Ja ne znam na šta će se upotrebiti moj pasoš i moje ime.

SPASOJE: Nikakav zločin. Toga se ne morate bojati. Naprotiv, vaš pasoš poslužiće da se učini jedno dobro delo, razumete li, dobro delo.

ŠVARC: Verujem, gospodine, ali je stvar ipak vrlo nezgodna.

SPASOJE: Hoćete li da vam telefonsku vezu dam sa gospodinom Đurićem, nek vam on lično objasni.

ŠVARC: Hvala, verujem... samo... je l' sigurno da ću ja sutra dobiti nov pasoš?

SPASOJE: Sutra ili, recimo, prekosutra.

ŠVARC: A kažete, mogu biti bezbrižan?

SPASOJE: Sasvim!

ŠVARC: I mogu ići?

пожалуйста!

Шварц. Благодарю! (*Садится.*)

СПАСОЕ. Вы получили визу для выезда за границу?

Шварц. Да, как вы приказали. Я завизировал, чтобы быть готовым немедленно двинуться в путь, как только вами будет получена концессия.

СПАСОЕ. Он при вас?

Шварц (*достаёт из кармана*). Я никогда не расстаюсь с паспортом.

СПАСОЕ (*берёт паспорт*). Этот паспорт вы уступите мне.

Шварц (*удивленный*). Как?

СПАСОЕ. Дайте этот паспорт мне, а завтра идите в полицию и заявите, что вы потеряли паспорт или, может быть, его у вас украли.

Шварц (*возмутившись*). Но, сударь!

СПАСОЕ. Речь идет об очень важном деле, и в ваших интересах, чтобы это дело разрешилось так, как мы желаем.

Шварц. А как же я могу остаться без паспорта?

СПАСОЕ. Я уже сказал, завтра обратитесь за новым паспортом.

Шварц. А мне его дадут?

СПАСОЕ. Вы же только что слышали разговор с братом господина министра. Вы, вероятно, видите, что я все делаю по его указаниям. Чего же вам тогда ломать голову, если есть кому о вас позаботиться!

Шварц (*колеблясь*). Да, но все-таки... как бы вам сказать... неудобно. Я не знаю, для чего будут использованы мой паспорт и мое имя.

СПАСОЕ. Не для преступления. Этого вам нечего бояться. Наоборот, ваш паспорт послужит для одного доброго дела, понимаете, доброго дела!

Шварц. Верю, но все-таки это весьма неприятно.

СПАСОЕ. Хотите, я соединю вас по телефону с господином ДЖУРИЧЕМ, пусть он вам лично объяснит.

Шварц. Благодарю... верю... только... это точно, что я завтра же получу новый паспорт?

СПАСОЕ. Завтра или, скажем, послезавтра.

Шварц. А скажите, я могу быть совершенно спокоен?

СПАСОЕ. Безусловно!

Шварц. Я могу идти?

СПАСОЕ. Подождите! (*Открывает паспорт и ножом для разрезания бумаги отлепляет фотокарточку и отдает ее Шварцу.*) Может быть, она вам еще понадобится.

Шварц (*сильно забеспокоившись*). Но, сударь, это же...

SPASOJE: Čekajte! (*otvara pasoš i nožićem za hartiju odlepljuje njegovu fotografiju i daje mu je*) Može vam trebati.

ŠVARC (*još više uznemiren*): Ali, gospodine, ovo je...
SPASOJE: To je to što sam vam kazao, budite dakle bez brige!

IX

VUKICA, AGNIJA, ISTI

AGNIJA (*izlazi iz Vukičine sobe*): Mi smo gotove.

SPASOJE: Što ste se toliko zadržale?

AGNIJA: Pa znaš, za koga devojačkim razgovorima nikad kraja nema.

SPASOJE (*predstavljaјуći ih*): Gospodin Švarc, član upravnog odbora »Ilirije«, moja ćerka, moja sestra.

ŠVARC (*klanja se*).

VUKICA: Tatice, ako bi se mi nešto duže zadržale?

SPASOJE: Ništa, ništa, ja i inače imam posla! (*Švarcu koji nestrpljivo čeka.*) Dakle, tako, gospodine Švarc.

ŠVARC: Hvala. Dozvolite! (*klanja se duboko damama i odlazi*)

X

SPASOJE, AGNIJA, VUKICA

AGNIJA (*ispraćajući pogledom Švarca*): Otmen neki čovek!

SPASOJE: Nije otmen! Ženjen je!

AGNIJA: A, tako?

SPASOJE: Šta sam ono hteo reći? (*Vukici*) Da, nemoj ti zbog mene da žuriš. Razgledaj dobro te servise, jer, znaš, to su stvari koje se jedanput za ceo život kupuju.

AGNIJA: I ja joj to kažem! 'Ajdemo, Vukice.

VUKICA (*poljubi oca u obraz i ode sa Agnijom*).

СПАСОЕ. Это то, что я вам сказал, и, следовательно, будьте спокойны!

IX

ВУКИЦА, АГНИЯ те же.

АГНИЯ (*выходя с Вукицей из ее комнаты*). Вот мы и готовы.

СПАСОЕ. Что вы так задержались?

АГНИЯ. Ну, знаешь, девичьим разговорам никогда нет конца.

СПАСОЕ (*знакома их*). Господин Шварц – член правления «Иллирии», моя дочь, моя сестра.

Шварц кланяется.

ВУКИЦА. Папочка, если мы задержимся немножко дольше, ничего?

СПАСОЕ. Ничего, ничего, у меня все равно дела! (*Шварцу, который нетерпеливо ждет.*)

Следовательно, так мы и сделаем, господин Шварц.

Шварц. Благодарю! Разрешите откланяться! (*Низко кланяется дамам и уходит.*)

X

СПАСОЕ, ВУКИЦА, АГНИЯ.

АГНИЯ (*проводя взглядом Шварца*).
Благородный человек!

СПАСОЕ. Вовсе не благородный. Он женат!

АГНИЯ. Ах, так?

СПАСОЕ. Что это я хотел сказать (*Вукице.*) Да, из-за меня не торопись. Присмотрись хорошенько к сервисам, знаешь, такие вещи покупаются один раз на всю жизнь.

АГНИЯ. И я ей то же говорю. Ну пойдем,

ВУКИЦА!

ВУКИЦА, поцеловав отца в щеку, уходит вместе с Агнией.

XI

СПАСОЕ один.

СПАСОЕ оглядывается, не следит ли за ним кто-нибудь. Вынимает из кармана конвертик, принесенный Антой, извлекает из него фотокарточку и, достав из ящика бутылочку гуммиарабика, наклеивает ее на паспорт Шварца и прижимает ладонью.

XI

SPASOJE (*osvrće se desno kao da vidi gleda li ga ko, vadi iz džepa fotografiju iz kovertića koju mu je doneo Anta zatim vadi iz fioke bočicu gumirabike i maže poledinu slike, a zatim je lepi na Švarcov pasoš i presuje šakom.*)

XII

SOFIJA, SPASOJE

SOFIJA (*dolazi*): Jedan gospodin od policije.
SPASOJE: Neka uđe, neka odmah uđe.
SOFIJA (*povlači se i propusti agenta*).

XIII

DRUGI AGENT, SPASOJE

SPASOJE: Vi dolazite?
DRUGI AGENT: Da vam se stavim na raspoloženje.
SPASOJE: Stvar vam je poznata?
DRUGI AGENT: Da.
SPASOJE: Imate li uputstva?
DRUGI AGENT: Rekli su mi da ćete mi ih vi dati.
SPASOJE: Dobro, vrlo dobro. Prati li vas ko?
DRUGI AGENT: Dva žandarma, eno ih na ulici.
SPASOJE: Nemojte ih ostavljati tamo, palo bi u oči.
Neka uđu u moje dvorište, a vi ćete otići u sobu do ove i čekati dok vas ne pozovem. Onoga za koga vam ja garantujem nemojte uznemiravati. Inače... već znate.
DRUGI AGENT: Molim!
SPASOJE: Izvolte, dakle, u prvu sobu desno. (*prati ga do spoljnih vrata*) Sofija, odvedite gospodina u moju malu sobu. (*vraća se*)

XII

СПАСОЕ Софья.

Софья (*входит*). Там господин из полиции.
СПАСОЕ. Пусть войдет! Пусть немедленно войдет.
Софья *впускает 2-го полицейского агента и уходит.*

XIII

СПАСОЕ, 2-й полицейский агент.

СПАСОЕ. Вы пришли?
2-й полицейский агент. Явился в ваше распоряжение.
СПАСОЕ. Дело вам известно?
2-й полицейский агент. Да.
СПАСОЕ. Вы получили указания?
2-й полицейский агент. Мне сказали, что я получу их от вас.
СПАСОЕ. Хорошо, очень хорошо. Вас кто-нибудь сопровождает?
2-й полицейский агент. Два жандарма, они на улице.
СПАСОЕ. Не оставляйте их там, это может броситься в глаза. Пусть войдут во двор, а вы пройдите в комнату рядом и ждите, пока я вас не вызову. Того, из-за кого я вас позвал, не стоит беспокоить раньше времени. Остальное... вы сами знаете.
2-й полицейский агент. Пожалуйста!
СПАСОЕ. Извольте, значит, первая комната направо. (*Провожает его до дверей.*) Софья, проводите господина агента в маленькую комнату! (*Возвращается.*)

XIV

СПАСОЕ, ЛЮБОМИР, АНТА.

АНТА. Я встретил господина зятя, он уже ходил по редакциям.
СПАСОЕ (*ЛЮБОМИРУ*). Ты ходил?
ЛЮБОМИР. Да, но на успех рассчитывать трудно. Это великолепная сенсация, поэтому не так-то легко от нее откажешься.
СПАСОЕ. И, следовательно, будут писать?
ЛЮБОМИР. Мне удалось отложить дня на два, я обещал, что к этому времени они будут иметь еще более сенсационное сообщение.

XIV

LjUBOMIR PROTIĆ, ANTA, PREDŠNJI

ANTA: Sreo sam gospodina zeta, on je već išao po redakcijama.

SPASOJE (*Protiću*): Išao si?

LjUBOMIR: Da, ali teško se može uspeti. To je senzacija prve vrste, to se ne ispušta lako iz ruke.

SPASOJE: I pisaće?

LjUBOMIR: Uspeo sam da odložim za dva dana, obećao sam im da će dotle imati još senzacionalnije otkriće.

SPASOJE: Vrlo dobro, vrlo dobro dan, dva, toliko nama i treba, dan-dva.

LjUBOMIR: A gospodin Anta mi veli da je svoj već predao stvar advokatu.

SPASOJE: Da, tuži gospodina Antu.

ANTA: Sve nas tuži.

LjUBOMIR: Krivično?

SPASOJE: Ja ne znam, ali mislim da nas tuži administrativno, a gospodina Antu krivično.

ANTA: Tuži nas sve podjednako, nema tu razlike.

LjUBOMIR: A zašto tuži?

SPASOJE: Gospodina Novakovića tuži što mu je oteo ženu, mene tuži da sam mu kobajagi oteo imanje, tebe tuži...

LjUBOMIR (*prekine mu znakom reč da izgovori pred Antom*).

SPASOJE (*seti se*): Ah, da... tebe tuži za ono.

LjUBOMIR: A gospodina Antu?

ANTA: I mene tuži za ono.

LjUBOMIR: To znači i mi bi morali uzeti advokata?

SPASOJE: Meni je najbolji advokat moja čista savest.

ANTA: I meni!

LjUBOMIR: Pa ipak... čista savest ne zna paragrafe, a paragrafi su vrlo opasna stvar.

ANTA (*više za sebe*): Vrlo opasna!

SPASOJE: Pitanje bi bilo samo, je li da uzmemo zajedničkog advokata ili svako posebno! U svakom slučaju ne treba da preduhitrimo. Savetovaću se o tome još i sa gospodinom Đurićem.

LjUBOMIR (*hteo bi da pođe u sobu*): Vukica je tamo?

SPASOJE: Ne, ona je izišla sa tetka-Agnijom, zabaviće se možda malo više.

СПАСОЕ. Очень хорошо, очень хорошо; день-два, больше нам не нужно, день-два!

ЛЮБОМИР. А господин АНТА сказал мне, что он уже передал дело адвокату.

СПАСОЕ. Да, он обвиняет господина Анту.

АНТА. Он всех нас обвиняет.

ЛЮБОМИР. По уголовному делу?

СПАСОЕ. Не знаю, но думаю, что к нам он предъявляет иск в гражданском порядке, а к господину Анте – в уголовном.

АНТА. Он всех обвиняет одинаково, разницы тут никакой нет.

ЛЮБОМИР. А в чем он обвиняет?

СПАСОЕ. Господина НОВАКОВИЧА в том, что он отнял у него жену, меня – в том, что я якобы присвоил его имущество, тебя обвиняет...

ЛЮБОМИР *делает ему знак, чтобы он не говорил при Анте*.

(*Как бы вспомнив.*) Ах, да... тебя он обвиняет за это.

ЛЮБОМИР. А господина Анту?

АНТА. И меня обвиняет за это.

ЛЮБОМИР. Значит, мы тоже могли бы взять адвоката?

СПАСОЕ. Для меня лучший адвокат – моя чистая совесть.

АНТА. И для меня!

ЛЮБОМИР. Да, но все нее... чистая совесть не имеет статей закона, а статьи очень опасная штука.

АНТА (*скорее про себя*). Очень опасная!

СПАСОЕ. Вопрос только в том, взять ли нам общего адвоката или каждому в отдельности? Во всяком случае, спешить не следует. Я еще посоветуюсь об этом с господином ДЖУРИЧЕМ.

ЛЮБОМИР (*направляясь в комнату Вукицы*).

ВУКИЦА там?

СПАСОЕ. Нет, она ушла с теткой Агнией и, может быть, долго задержится.

Входят РИНА и НОВАКОВИЧ.

XV

НОВАКОВИЧ, РИНА, те же.

СПАСОЕ (*увидев их в дверях*). Ну, слава богу!

РИНА. У меня так болела голова...

СПАСОЕ. У нас у всех, сударыня, сегодня болит голова. Но ничего не поделаешь. Дело очень серьезное, необходимо собраться вместе, посоветоваться и сообща защищать себя, так как у нас у всех над головой крыша горит. Потому-то я вас и побеспокоил и просил обязательно прийти.

XV

NOVAKOVIĆ, RINA, PREDAŠNJI

SPASOJE (*kada ih opazi na vratima*): No, hvala bogu!

RINA: Tako me je bolela glava...

SPASOJE: Sve nas, gospođo, danas boli glava, ali nema se kud, stvar je vrlo ozbiljna, moramo se zajednički posavetovati i zajednički se brinuti, jer svima nam gori krov nad glavom. Zato sam vas i uznemirio i zvaao vas da svakako dođete. Marić je predao stvar advokatu, i za dan-dva bićemo optuženi.

NOVAKOVIĆ: Pa ništa, uzećemo i mi advokata i branićemo se.

SPASOJE: Branićemo se? Lako je vama kazati branićemo se, jer, najzad, šta vi imate da izgubite, ništa?

NOVAKOVIĆ: Kako ništa?

SPASOJE: Pa tako, on vas tuži da ste mu preoteli ženu. I ako izgubite parnicu, šta ste izgubili, ženu i ništa više. A to bar nije nikakav gubitak.

RINA (*uvređena*): Kako vi to mislite, gospodine?

SPASOJE: To jest, pardon, ja mislim gubitak žene nije nikakav materijalni gubitak, a ovde je reč o materijalnom gubitku. Pa posle, pređašnje tuđe žene nije krivično delo, to je danas samo jedan sport i ništa više. Prema tome, tužba protiv vas dabome da nije opasna, al' uzмите ovoga grešника Antu, na primer.

ANTA (*buni se*): A što ti opet mene?

RINA: Uzmi, brate, sebe kao primer.

SPASOJE: I sebe i sve nas, jer vi se najzad varate, gospodine Novakoviću, da ćete jevtino proći time što će vam uzeti ženu. Predstoji vama i težak materijalni gubitak. Vi ste uzeli gospođu Rinu u uverenju da Marić nije živ ako se, međutim, njemu dosudi žena, to znači da je on živ, onda ode cela »Ilirija« do đavola. Sve će se skrhati, sve razume se, propašće i vaših pola miliona dinara, koliko ste dosad uložili u ovo preduzeće.

NOVAKOVIĆ (*prestravljen*): Mojih pola miliona? Zar mogu, zaboga, propasti?! Kada bi se to desilo, verujte, meni ne bi ništa drugo preostalo do da izvršim samoubistvo.

SPASOJE: Eto, vidite! Zar treba dozvoliti da dođe do toga? Izvršite vi samoubistvo, izvrši moj zet samoubistvo i izvrši Anta samoubistvo, naposletku neka i ne izvrši Anta samoubistvo, al' šta mi je vajde od njega. Ne mogu se ja sam boriti, moramo svi zajedno.

ANTA: Pa dabome!

SVI (*odobravaju*).

МАРИЧ передает дело адвокату, и через день-два мы станем обвиняемыми.

НОВАКОВИЧ. Ничего, мы тоже возьмем адвоката и будем защищаться.

СПАСОЕ. Защищаться! Вам просто говорить – защищаться, в конце концов что вы теряете?

Ничего.

НОВАКОВИЧ. Как «ничего»?

СПАСОЕ. Да так, он обвиняет вас только в том, что вы отняли у него жену. Ну, если вы и проиграете процесс, что же, в сущности, вы потеряли? Жену – и больше ничего. А это вовсе не потеря.

РИНА (*оскорбленная*). Вы так думаете, сударь?

СПАСОЕ. То есть, pardon, я думаю, что потеря жены материальным убытком не является, а речь идет о материальном убытке. Ну, и потом, отбить чужую жену – не уголовное дело, в настоящее время это только спорт, и ничего больше!

Следовательно, обвинение против вас, безусловно, менее опасно, чем, например, против этого грешника Анты.

АНТА (*возмущенно*). Ну что ты опять обо мне?!

СПАСОЕ. Для примера.

АНТА. Возьми лучше, брат, для примера себя.

СПАСОЕ. И себя, и всех нас. Но вы ошибаетесь, господин НОВАКОВИЧ, предполагая, что вы дешево отделаетесь тем, что у вас отнимут жену.

Вам предстоит, кроме того, и тяжелый материальный ущерб. Вы женились на госпоже

Рине, будучи уверенным, что МАРИЧ нет в живых. Между тем если ему будет присуждена жена, значит, он жив; а если он жив, вся

«Иллирия» полетит к черту! Все рухнет, все! Ну, разумеется, пропадут и ваши полмиллиона динаров, которые уже вложены в предприятие.

НОВАКОВИЧ (*в ужасе*). Мои полмиллиона?

Разве они могут пропасть?! Если это случится, мне не останется ничего иного, как покончить жизнь самоубийством.

СПАСОЕ. Вот видите! Разве можно допустить, чтобы до этого дошло. Покончите самоубийством вы, покончит мой зять, наложит на себя руки и

АНТА, или пусть, наконец, АНТА и не совершит самоубийства, все равно, какая мне от него польза? Не могу же я один бороться, нужно всем вместе.

АНТА. Ну конечно!

Общее одобрение.

СПАСОЕ. Мы должны бороться не на жизнь, а на смерть. Сейчас мы не можем выбирать средства, так как вопрос идет о нашем существовании. Мы должны быть готовы на все, понимаете, на все!

SPASOJE: Moramo se boriti, i to na život ili smrt. Mi ne smemo birati sredstva, jer ovde je u pitanju naš opstanak. Morate biti na sve gotovi, razumete li, na sve!

NOVAKOVIĆ: Kako vi to zamišljate to »na sve«.

SPASOJE: Reći ću vam ceo plan. Ceo dan i celu noć sam ga smišljao. Ne velim da sam ga sam smislio, u osnovi, to je plan gospodina Đurića, i ja sam ga samo razradio. Gospodin Đurić se sav založio da se ovaj plan i ostvari, pa je učinio sve potrebne korake kod vlasti. Vlasti će nam biti potpuno pri ruci.

NOVAKOVIĆ: Sudske vlasti?

SPASOJE: Ne, stvar baš i jeste u tome da se ne dođe do sudskih vlasti. Marić je prijavljen policiji kao opasan elemenat, kao predstavnik razornih organizacija iz inostranstva, što ću posvedočiti ja, vi gospodine Novakoviću, gospođa Rina, moj zet i Anta. Na tu svedodžbu morate biti spremni ako eventualno do nje dođe.

NOVAKOVIĆ: Šta da posvedočimo?

SPASOJE: Sve, sve što ga može ocrtati, sve što ga može predstaviti kao rušilački elemenat, kao tuđinskog agenta, kao anarhistu, sve što ga može upropastiti, razumete li?

ANTA: I ono što nismo ni videli ni čuli?

SPASOJE: Ne »i ono što nismo ni videli ni čuli«, nego upravo to što niste ni videli ni čuli, to imate da posvedočite.

NOVAKOVIĆ (*ustručava se*): To bi ipak bilo, kako da kažem...

SPASOJE: Recite!

RINA: Bilo bi možda nevaljalstvo.

SPASOJE: Pa nevaljalstvo, dabome, nego šta vi mislite! Mislite valjalstvo će vam pomoći. Učio sam i ja u hrišćanskoj nauci valjalstvo, al' drugo je hrišćanska nauka a drugo je život. Ajde, izvolte mi reći vi, gospođa Rina, šta vam je milije valjalstvo ili samoubistvo gospodin-Milanovo? Ili izvolite mi vi, gospodine Novakoviću, odgovoriti: volite li valjalstvo ili vaših pet stotina hiljada, ili recimo ti, zete, voliš li valjalstvo ili... (*uzdrži se*) Ili ti, Anto, 'ajd reci ti, voliš li valjalstvo ili godinu dana robije? 'Ajd reci?

LjUBOMIR: Odista, težah, vrlo težak položaj.

SPASOJE: Težak, dabome. Nevaljalstvo je sila, sila, gospodine, i to sila starija i jača i od samoga zakona. Ceo se svet danas klanja nevaljalstvu, samo Anta kobajagi... ANTA (*brani se*): Šta ja?

SPASOJE: Nešto mi se mrštiš, hteo bi valjda ti da predstavljaš vrlinu u našem društvu?

НОВАКОВИЧ. Что вы подразумеваете под этим «на все»?

СПАСОЕ. Сейчас я вам расскажу свой план. Весь день и всю ночь я о нем думал. Не буду хвастаться, что я придумал его сам, в основном это план господина ДЖУРИЧА, а я его только подработал. Господин ДЖУРИЧ целиком отдался осуществлению этого плана и предпринял даже все необходимые шаги у властей. Власти нас полностью поддержат.

НОВАКОВИЧ. Судебные власти?

СПАСОЕ. Нет, в том-то и дело, чтобы до судебных инстанций это не дошло. На МАРИЧА донесено в полицию, что он опасный элемент, представитель подрывных организаций иностранного государства, о чем и дадим показания мы: я, вы, господин НОВАКОВИЧ, госпожа РИНА, мой зять и АНТА. Вы должны быть готовы к этим свидетельским показаниям, если, конечно, до них дойдет.

НОВАКОВИЧ. И что мы должны показать?

СПАСОЕ. Всё, всё, что может его очернить; всё, всё, что может представить его как опасный элемент, как иностранного агента, как анархиста-коммуниста; всё, всё, что может его уничтожить, понимаете?

АНТА. И то, чего мы не видели и не слышали?

СПАСОЕ. Не «и то, чего мы не видели и не слышали», а именно то, чего вы не видели и не слышали, вот это вы и должны показать.

НОВАКОВИЧ (*колеблется*). Это будет все же, как бы сказать...

СПАСОЕ. Назовите!

РИНА. Это, может, будет подлостью.

СПАСОЕ. Да, подлость, конечно, подлость! А как вы думаете? Думаете, порядочность вам поможет! Учился и я по закону божьему порядочности, но одно дело – закон божий, а другое – жизнь. Ну вот, скажем, ответьте вы, госпожа РИНА, что вам милее: порядочность или самоубийство господина Милана? Или ответьте вы, господин НОВАКОВИЧ, что для вас лучше: порядочность или свои пятьсот тысяч? Или, скажем, тебе, зять, что – порядочность или... (*Воздержавшись*.) Или ты скажи, АНТА, что тебе милее: порядочность или год каторги? Ну, ответь!

ЛЮБОМИР. Действительно, положение тяжелое, очень тяжелое!

СПАСОЕ. Конечно, тяжелое. Подлость – сила, сила! Причем, сударь, сила, которая старше и сильнее самого закона. Весь свет сегодня кланяется подлости, только АНТА как будто...

XVI

SOFIJA, ISTI

SOFIJA (*donosi kartu*): Gospodin.

SPASOJE (*čita kartu*): Gospodin Marić. Neka uđe.

SOFIJA (*odlazi*).

SPASOJE: Gospodo, opominjem vas, budite spremni na sve!

XVII

MARIĆ, PREDAŠNJI

MARIĆ (*ulazi i klanja se niko ga ne otpozdravlja obraća se Spasoju*): Ja sam došao po vašem naročitom pozivu.

SPASOJE: Da, ja sam vas umolio da dođete.

MARIĆ: Poručili ste mi da bi to imalo da bude definitivni razgovor između nas.

SPASOJE: Da, definitivni.

MARIĆ: Pošto sam ja po celoj stvari doneo definitivnu odluku, ne osećam potrebu još i za neki definitivni razgovor, pa ipak, došao sam da čujem.

SPASOJE: Dobro ste uradili, u vašem je velikom interesu što ste tako uradili.

MARIĆ: Mislite?

SPASOJE: Ne mislim, nego znam. Kako i inače, nemamo dovoljno vremena za razgovor, preći ćemo odmah na stvar.

АНТА (*защищаясь*). Что я?

СПАСОЕ. Ну, ты что-то хмуришься, может быть, ты собираешься представлять в нашей компании добродетель?

XVI

Софья, те же.

Софья (*приносит визитную карточку*). Вас спрашивает какой-то господин.

СПАСОЕ (*читает карточку*). Господин МАРИЧ. Пусть войдет!

Софья уходит.

Господа, я вас предупреждаю, будьте готовы на все!

Входит МАРИЧ.

XVII

МАРИЧ, те же.

МАРИЧ (*кланяется, никто ему не отвечает.*

Обращается к СПАСОЕ). Я пришел по вашему особому приглашению.

СПАСОЕ. Да, я просил вас прийти.

МАРИЧ. Вы передали, что это будет наш окончательный разговор.

СПАСОЕ. Да, окончательный.

МАРИЧ. Так как я в отношении всего этого дела уже принял окончательное решение, я не чувствую надобности еще в каком-то окончательном разговоре, но все же я пришел вас выслушать.

СПАСОЕ. И хорошо сделали, это в ваших интересах.

МАРИЧ. Вы думаете?

СПАСОЕ. Не только думаю, но и знаю. Ввиду того, что у нас нет времени для долгих разговоров, перейдемте прямо к делу.

МАРИЧ. И мы будем говорить так, при всех?

СПАСОЕ. Да, при всех присутствующих. Я их нарочно позвал, так как хочу вам сказать это все и от своего и от их имени.

МАРИЧ. Пожалуйста!

СПАСОЕ. Вы знаете, что за каждым вашим шагом следит полиция?

МАРИЧ (*удивленно*). Полиция?

СПАСОЕ. Да, и меня несколько не удивило бы, если бы ее агенты в данный момент оказались перед моим домом, во дворе или, может быть, даже здесь, за дверями.

МАРИЧ. Я так опасен?

MARIĆ: A razgovaraćemo ovako, javno?
 SPASOJE: Da, pred svima prisutnima. Ja sam ih naročito i pozvao radi toga, jer što vam budem govorio biće i u moje i u njihovo ime.
 MARIĆ: Molim!
 SPASOJE: Vi znate da vas u stopu prati policija?
 MARIĆ (*iznenađen*): Policija?
 SPASOJE: Da, i mene ne bi iznenadilo ako se njeni agenti već ovoga trenutka nalaze pred mojom kućom, ili možda u dvorištu, ili možda čak i tu, pred vratima.
 MARIĆ: Tako sam opasan?
 SPASOJE: Opasniji no što vi mislite, jer sve vaše radnje, svi vaši pokreti, sve vaše mahinacije, otkrivene su.
 MARIĆ: To je vrlo interesantno.
 SPASOJE: I za policiju je vrlo interesantno.
 MARIĆ: Mislite li vi kazati što bliže o tim mojim radnjama i mahinacijama?
 SPASOJE: Upoznaću vas sa celim materijalom koji je prikupljen protiv vas kako bi mogli sami da ocenite opasnost u kojoj ste.
 MARIĆ: Biću vam zahvalan.
 SPASOJE: Vi ste, gospodine, agent i eksponent jedne anarhističke organizacije kojoj je cilj rušenje države, rušenje društva i društvenog poretka.
 MARIĆ (*smeje se*): To je sve?
 SPASOJE: To nije sve uverićete se da nije sve kad vam iznesem materijal. Početak istrage vodi od nekakve krađe pisama u vašoj kući...
 MARIĆ: Ljubavnih pisama?
 SPASOJE: Tako vi kažete, ali istraga drukčije kaže... To je bila krađa pisama koja vas teško kompromituju i koja otkrivaju svu vašu razornu akciju. Čim su ta pisma uhvaćena, vaš intimni saradnik u toj akciji, nekakav ruski emigrant Aljoša, izvršio je samoubistvo, a vi ste prebegli preko granice i skriveno ste živeli u emigraciji tri godine.
 MARIĆ: To sad prvi put čujem. To su bila, dakle, politička pisma?
 SPASOJE: Ne politička, već revolucionarna, anarhistička.
 MARIĆ: Moglo bi se i tako reći ako se neverstvo ženino shvati kao anarhija u braku.
 SPASOJE: Policiji je poznata sadržina tih pisama.
 MARIĆ: Tako, policija ih je čitala?
 SPASOJE: Nije ih čitala, jer je gospođa uništila sva pisma želeći da vas spase.
 MARIĆ: Vrlo sam blagodaran! Ali po čemu onda policija zna da su pisma revolucionarna, sem ako to gospođa ne tvrdi?
 SPASOJE: Razume se da ona to tvrdi.
 MARIĆ: Tako?! To znači da će gospođa to i

СПАСОЕ. Опаснее, чем вы думаете, так как все ваши дела, все ваши действия, все ваши махинации открыты.
 МАРИЧ. О, это очень интересно.
 СПАСОЕ. Это очень интересно и для полиции.
 МАРИЧ. Вы не можете рассказать мне что-нибудь более конкретное о моих действиях и махинациях?
 СПАСОЕ. Я познакомлю вас со всем материалом, собранным против вас, чтобы вы сами могли судить об опасности, вам угрожающей.
 МАРИЧ. Буду благодарен.
 СПАСОЕ. Вы, сударь, агент и представитель одной анархистской организации, цель которой – подрыв государства, подрыв устоев общества и уничтожение общественного порядка.
 МАРИЧ (*смеется*). Это все?
 СПАСОЕ. Нет, не все, да вы и сами убедитесь, что это не все, когда я изложу вам весь материал. Следствие начинается с какой-то кражи писем в вашем доме...
 МАРИЧ. Писем любовных?
 СПАСОЕ. Так говорите вы, но следствие говорит иначе... Это была кража писем, которые вас сильно компрометировали и раскрывали всю вашу подрывную деятельность. Как только эти письма были перехвачены, ваш ближайший сотрудник в этом деле, какой-то русский эмигрант АЛЕША, покончил жизнь самоубийством, а вы удрали за границу и тайно жили там в эмиграции три года.
 МАРИЧ. Впервые слышу. Значит, это были политические письма?
 СПАСОЕ. Не политические, а революционные, анархистские.
 МАРИЧ. Можно назвать и так, если измену жены понимать как анархию в браке.
 СПАСОЕ. Полиции известно содержание этих писем.
 МАРИЧ. Ах так, их читала полиция?
 СПАСОЕ. Нет, она их не читала, так как госпожа РИНА, желая вас спасти, уничтожила все письма.
 МАРИЧ. Очень благодарен! Но откуда же тогда полиция знает, что письма были революционные, если только госпожа этого не подтверждает?
 СПАСОЕ. Разумеется, она это подтверждает.
 МАРИЧ. Ах, так! Значит, госпожа, если потребуется, может это подтвердить?
 СПАСОЕ. Конечно, подтвердит.
 МАРИЧ (*обращаясь к Рине*). Мне хотелось бы, чтоб госпожа сама об этом сказала.
 РИНА (*смущена и взволнована*). Я... я...
 МАРИЧ. Да, да, да, госпожа даст такие показания, так как это вполне соответствует ее понятиям о

posvedočiti ako ureba.
 SPASOJE: Dabome da će posvedočiti.
 MARIĆ (*obraćajući se Rini*): Voleo bih da mi to i sama gospođa kaže.
 RINA (*zbunjena, uzbuđena, čisto grca*): Ja... ja...
 MARIĆ: Da, da, da, gospođa će svedočiti, jer to potpuno odgovara njenom shvatanju morala.
 NOVAKOVIĆ: Gospodine, ja vam ne dozvoljavam da vređate moju ženu.
 MARIĆ: Ja vređam svoju ženu, gospođa je samo vaša naložnica.
 NOVAKOVIĆ: Dok nosi moje ime...
 MARIĆ: Ime? Ne znam da li za vas to znači što, ali za gospođu ne! Nosila je ona i moje ime, pa ipak je imala svoje naročite poglede na moral nosi sada vaše ime imajući uvek svoje naročite poglede na moral.
 RINA (*gušeći se od uzbuđenja n mržnje koja joj u tom trenutku plamti iz očiju, plane odjednom i drekne*): Dosta! (*prkosno*) Svedočiću, svedočiću! (*ona od uzbuđenja klone u fotelju*)
 MARIĆ (*mirno i ravnodušno*): Verujem vam! (*Novakoviću*) Pa i vi ćete izvesno svojom svedodžbom to potvrditi; i vama je poznata sadržina tih pisama?
 SPASOJE: Da, i gospodin će to potvrditi. I ne samo to, već će gospodin svedočiti i o anarhističkoj propagandi koju ste vi vodili među radnicima na građevini, o sumnjivim tipovima, agentima raznih internacionalnih organizacija, koje ste dovodili sa strane i zapošljavali ih na građevini, da bi im prikriili trag.
 MARIĆ: Gospodin će to posvedočiti?
 SPASOJE: I mnogo štošta više.
 MARIĆ (*pogleda Novakovića pravo u oči, pa kad ova obori pogled, on mu sa dubokim prezrenjem okrene leđa obraćajući se Spasoji*): Razume se da iz reda tih besprekornih svedoka neće izostati ni vaš poštovani gospodin zet?
 SPASOJE: Ni on, gospodine. I njegova će svedodžba biti od najtežih protiv vas.
 MARIĆ: Tako?
 SPASOJE: Vi ste polazeći u emigraciju, a da bi uklonili tragove koji vas terete, poverili ovome mladom čoveku izvesne vaše rukopise, za vas dragocene, kako ste vi rekli.
 MARIĆ: Tako je!
 SPASOJE: Eto, vidite, vi ne poričete osnovni fakat. Pa da, istina se ne može poricati. Posle vašega pogreba, moj zet, ne znajući šta da radi sa ostavljenim rukopisima, uzeo ih je razgledati i, na svoje veliko iznenađenje, on je tu našao najpoverljiviju revolucionarnu prepisku sa raznim organizacijama u inostranstvu. Prepisku koja ne vodi u tamnicu, već

морали!
 НОВАКОВИЧ. Сударь, я не позволю вам оскорблять мою жену!
 МАРИЧ. Я оскорбляю свою жену, а для вас она только наложница.
 НОВАКОВИЧ. Пока она носит мою фамилию...
 МАРИЧ. Фамилию? Не знаю, значит ли это что-нибудь для вас, но для госпожи – ничего не значит! Она носила и мою фамилию и все же имела свой особый взгляд на мораль; теперь она носит вашу фамилию и все равно имеет свой особый взгляд на мораль.
 РИНА (*захлебываясь от волнения и ненависти, со взглядом, полным презрения, в бешенстве кричит*). Довольно! (*Зло.*) Я дам такие показания, дам! (*В изнеможении падает в кресло.*)
 МАРИЧ (*спокойно и равнодушно*). Я вам верю! (*НОВАКОВИЧу.*) Ну, конечно, и вы подтвердите это своими показаниями, ведь вам тоже известно содержание писем?
 СПАСОЕ. Да, господин НОВАКОВИЧ тоже это подтвердит. И не только это, он даст показания и об анархистской пропаганде, которую вы проводили среди рабочих на стройке, о сомнительных типах, об агентах различных подрывных организаций Интернационала, которых вы приводили со стороны и брали на стройку, чтобы помочь им замести следы.
 МАРИЧ. Господин НОВАКОВИЧ даст такие показания?
 СПАСОЕ. И еще многие другие.
 МАРИЧ (*смотрит НОВАКОВИЧу прямо в глаза и, когда тот опускает взгляд, с глубоким презрением поворачивается к нему спиной и обращается к СПАСОЕ*). Разумеется, среди этих безупречных свидетелей не будет отсутствовать и ваш уважаемый господин зять?
 СПАСОЕ. Конечно, и он. Притом его свидетельские показания будут самыми тяжелыми для вас.
 МАРИЧ. Ах, так?
 СПАСОЕ. Отправляясь в эмиграцию, для того чтобы замести следы, компрометирующие вас, вы доверили этому молодому человеку некоторые ваши рукописи, как вы выразились, весьма ценные для вас.
 МАРИЧ. Правильно!
 СПАСОЕ. Вот видите, вы даже не отрицаете основного факта. Ну, конечно, правду отрицать невозможно. После ваших похорон мой зять, не зная, что делать с оставленными рукописями, начал их просматривать и, к своему великому

pravo na vešala. Mladi čovek se našao u zabuni nije svakojako želeo da zadrži takve spise kod sebe a da ih preda policiji, našto, da vas teretiti kad ste vi već bili mrtvi? Moj zet se posavetovao sa gospodinom Antom, kao čovekom od iskustva, i oni su zajedno doneli zaključak da svu tu korespondenciju spale u interesu vašega mira i spokoja na onome svetu.

MARIĆ (*sa užasnom odvratnošću*): Vaš zet će to posvedočiti?

SPASOJE: Da!

MARIĆ: A to će potvrditi i gospodin Anta?

SPASOJE: Gospodin Anta? On će se zakleti na sudu ako to treba.

MARIĆ: Bednik!

ANTA (*Novakoviću više poverljivo*): Eto ti sad, po čemu sam ja bednik?

MARIĆ: Gospodine Protiću, ja bih želeo da od vas čujem hoćete li vi zbilja smeti tako što da tvrdite?

LjUBOMIR (*ćuti*).

SPASOJE: Reci mu, reci, slobodno mu reci!

LjUBOMIR (*mučen savešću jedva šapće*): Da ... svedočiću tako!

MARIĆ (*plače*): Nitkove!
(*opšti pokret*)

MARIĆ: Ja sam mislio vi ste običan lopov, a vi ste više nego to, vi ste drumski razbojnik

ANTA: Oho!

SPASOJE: Nemojte se uzbuđivati gospodo, gospodin se nema čim drugim braniti do uvredama.

MARIĆ (*još uvek uzbuđen*): A vi ste očekivali da ću se ja braniti? Od čega? Od koga? Od vas, moralnih bednika!

ANTA (*Novakoviću*): Eto sad opet, sad smo svi bednici!

MARIĆ (*trgne se i pribere*): Nisam smeo dozvoliti sebi da se uzbudim. Ovakve pojave i u ovoj sredini nisu dovoljan razlog za uzbuđenje. (*Spasoju*) Vratimo se dakle maločašnjem ćaskanju? Recite mi, na primer, moj dragi i najbliži rođače, recite mi, hoćete li i vi što svedočiti?

SPASOJE: Kakvo je to pitanje? Razume se da ću reći sve što znam. Ne može se od mene tražiti da budem nesavestan, i da prikrijem ono što znam.

MARIĆ: A šta je to što vi znate i što bi eventualno opteretilo vašu savest?

SPASOJE: Znam tačno o velikim sumama u stranoj valuti, koje su vam poverljivo stizale iz inostranstva, znam...

MARIĆ: I taj ćete iskaz potvrditi uverenjima sličnim onima koja ste sudu podnosili o našem srodstvu?

SPASOJE: Ja znam kako ću to potvrditi, to je moja stvar.

удивлению, нашел в них секретнейшую революционную переписку с различными иностранными организациями. Переписку, ведущую не только в тюрьму, а прямо на виселицу. Молодой человек пришел в смятение.

Он, конечно, не захотел держать у себя такие документы, а передать их полиции – зачем... зачем компрометировать вас, когда вы уже умерли? Мой зять посоветовался с господином Антой, как человеком опытным, и они вместе пришли к заключению – сжечь всю эту корреспонденцию в интересах вашего мира и спокойствия на том свете.

МАРИЧ (*с ужасом и отвращением*). И ваш зять даст такие показания?

СПАСОЕ. Да!

МАРИЧ. Это подтвердит и господин АНТА?

СПАСОЕ. Господин АНТА... Господин АНТА даже поклянется на суде, если это потребуется.

МАРИЧ. Жалкий человечешко!

АНТА (*НОВАКОВИЧу, скорее по секрету*). Вот тебе на, почему же я жалкий человечешко?

МАРИЧ. Господин Протич, мне хотелось бы лично от вас услышать, действительно ли вы осмелились утверждать что-либо подобное?

ЛЮБОМИР молчит.

СПАСОЕ. Скажи ему, скажи ему смело!

ЛЮБОМИР (*мучимый совестью, почти шепотом*). Да... я дам такие показания!

МАРИЧ (*вспыхнув*). Негодяй!

Общее движение.

Я думал, вы обыкновенный вор, но вы хуже, вы разбойник с большой дороги!

АНТА. Ого!

СПАСОЕ. Не волнуйтесь, господа! Ему нечем больше защищаться, он может только оскорблять.

МАРИЧ (*все еще взволнованный*). А вы ожидали, что я буду защищаться? От чего? От кого? От вас – аморальных людишек!

АНТА (*НОВАКОВИЧу*). Вот те на, теперь уже все мы аморальные людишки!

МАРИЧ (*взяв себя в руки*). Я не должен был позволять себе так волноваться. Такие явления и в такой среде – недостаточная причина для того, чтобы волноваться! (*К СПАСОЕ.*) Итак, вернемся к нашему недавнему приятному разговору. Скажите мне, мой дорогой и ближайший родственник, скажите, и вы будете давать какие-нибудь показания?

СПАСОЕ. Что за вопрос, разумеется, и я расскажу все, что знаю. Нельзя же от меня требовать, чтобы я был несознательным и скрывал то, что знаю.

MARIĆ (*ponovo se uzbuđuje*): Bože moj, da li je moguće sve to što čujem da li ste zbilja vi rekli sve to što sam čuo? Nemoguće je zamisliti tolika nevaljalstva sabrana kod ovoliko malog broja ljudi. Ljudi da, dobro sam kazao, jer najzad, svako je od vas čovek, svako od vas ima i jednu trunku čovečanstva.

SPASOJE: Ima je, uveriću vas da je ima; uveriću vas koliko smo mi čovečanski i koliko sam ja, u ovakvom trenutku, vodio računa o svojim rođačkim obavezama. (*vadi iz džepa Švarcov pasoš*) Ja sam, gospodine, pripremio već viziran pasoš za Nemačku i druge zemlje. Vi se to tome pasošu zovete Adolf Švarc, jer pod svojim imenom vi ne bi mogli preći granicu. Na pasošu je vaša slika. (*daje mu ga*)

MARIĆ (*zgranut*): Pasoš?... Zašto pasoš?

SPASOJE: Da se možete bez smetnje i za vremena ukloniti iz zemlje.

MARIĆ: Ukloniti? (*šćepa pasoš*) Dajte ga, dajte ga, dajte mi taj dragoceni dokumenat. (*trpa hitno u džep*) Ovo je najveći pismeni dokaz vašeg nevaljalstva. Ne dam vam natrag ovaj dokumenat, po cenu glave vam ga ne dam!

SPASOJE: Ne tražim ga, čuvajte ga, trebaće vam. Kad budete odlučili hoćete li deset ili petnaest godina provesti usamljeni, neviđeni, nečuvani i pod tuđim imenom u kakvoj prijatnoj nemačkoj ili holandskoj, ili ako hoćete švedskoj varoši, ili ćete deset ili petnaest godina provesti usamljeni, nečuvani i neviđeni u kakvoj tamničkoj ćeliji, vi ćete tada shvatiti vrednost ovoga

MARIĆ: U tamnici... U ćeliji? Šta ću ja tamo, zašto? Zato zar što tražim da mi razbojnici vrate opljačkanu čast, trud i imanje? I zato, je l' te, zato sam ja agent anarhističkih ćelija, što hoću da izobličim vas, otimače i razbojнике. Zar za vas to znači rušenje društva i društvenog poretka? Zar jedna perverzna žena, jedan lažan prijatelj, jedan razbojnik na katedri univerziteta, jedan otimač tuđe imovine i jedan krivokletnik zar su to stubovi na kojima počiva taj vaš društveni poredak? I zar je onaj koji traži da mu se oteta moralna i materijalna imovina vrati, zar je to razoran element? O bedni nitkovi, koji ne zaslužujete čak ni da čestit čovek pljune na vas!

SPASOJE: Dozvolili smo vam da kažete sve što ste hteli reći, a i čuli ste već sve što vam je trebalo čuti; sad treba još i da se uverite da sve to nije samo prazan razgovor. (*zvoni, pauza, nema tišina*)

МАРИЧ. А что такое вы знаете, что могло бы случайно потревожить вашу совесть?

СПАСОЕ. Я точно знаю о крупных суммах в иностранной валюте, которые секретно поступали к вам из-за границы, знаю...

МАРИЧ. И это показание вы подтвердите удостоверениями, подобными тем, которые вы представили суду в доказательство нашего родства?

СПАСОЕ. Я знаю, чем подтвердить, это уж мое дело.

МАРИЧ (*снова волнуясь*). Боже, неужели все, что я слышу, возможно! Неужели вы действительно произнесли все то, что я слышал? Невозможно представить, чтобы так много подлости скопилось у такого небольшого количества людей. Людей? А верно ли я сказал? Конечно, в конце концов каждый из вас человек, но есть ли в вас хоть частица человеческого?

СПАСОЕ. Есть, уверяю вас, есть. Я докажу вам, насколько мы человечны и насколько я в этот момент считался с моими родственными обязанностями. (*Вынимает из кармана паспорт Шварца.*) Я, сударь, уже приготовил вам завизированный паспорт в Германию или любые другие страны. По этому паспорту вас зовут Адольф Шварц, так как под своим именем вы не могли бы пересечь границу. На паспорте ваша фотография. (*Подает ему паспорт.*)

МАРИЧ (*поражен*). Паспорт?... Зачем паспорт?...

СПАСОЕ. Для того чтобы вы могли беспрепятственно и своевременно удалиться из страны.

МАРИЧ. Удалиться? (Хватает паспорт.) Дайте его, дайте его, дайте мне этот драгоценный документ! (*Поспешно сует паспорт в карман.*) Это

наилучшее письменное доказательство вашей подлости! Я не отдам вам обратно этот документ, не отдам, даже если это будет стоить мне жизни.

СПАСОЕ. Я его от вас и не требую; берегите его, он вам пригодится. Когда вы взвесите и решите, что лучше: провести ли десять-пятнадцать лет в одиночестве, никем не видимым и не слышимым, под чужим именем, в каком-нибудь приятном немецком, голландском или, если хотите, швейцарском городке, или же провести десять-пятнадцать лет в одиночестве, никем не видимым и не слышимым, в каком-нибудь тюремном каземате, тогда вы поймете всю ценность этого паспорта.

МАРИЧ. В тюремном... каземате? Почему я там буду, за что? Разве только за то, что я требую,

XVIII

SOFIJA, PREDAŠNJI

SOFIJA (*pojavi se*).

SPASOJE: Sofija, čeka li ko napolju?

SOFIJA: Da, ovde je pred vratima jedan gospodin od policije, a u dvorištu su dva žandarma.

SPASOJE: Recite tom gospodinu neka uđe.

SOFIJA (*ode*).

чтобы разбойники возвратили мне украденные у меня мою честь, научный труд и состояние? Потому-то я и агент анархистских организаций, что хочу разоблачить вас, грабителей и разбойников с большой дороги! Для вас это означает подрыв общества и общественного порядка? Разве развратная женщина, неверный друг, разбойник на кафедре университета, грабитель чужого имущества и клятвопреступник, разве они столпы, на которых зиждется этот ваш общественный порядок? А разве тот, кто требует, чтобы ему вернули отнятые моральную и материальную собственность, разве он подрывной элемент? О, жалкие негодяи, не заслуживающие даже плевка честного человека!

СПАСОЕ. Мы позволили вам высказать все, что вы хотели, и вы слышали все, что вам нужно было услышать. Теперь вам необходимо еще убедиться в том, что все это не было пустым разговором.

(*Звонит.*)

Пауза. Немая тишина. Входит Софья.

XVIII Софья, те же.

СПАСОЕ. Софья, там кто-нибудь ожидает? Софья. Да, здесь у дверей господин из полиции, а во дворе – два жандарма.

СПАСОЕ. Скажите этому господину, пусть войдет.

Софья уходит.

XIX

Те же, без Софьи.

МАРИЧ (*пораженный, смотрит на всех по очереди*). Значит, это правда, да? Это правда? *Все молчат.*

Да скажите же наконец, это правда? Господин СПАСОЕ, господин Протич, господин НОВАКОВИЧ, господин АНТА, скажите, скажите, это правда?

Все молчат.

Я должен идти в тюрьму, да? В тюрьму или в изгнание, чтобы вы могли жить на то, что было нажито мной? Не так ли?... Не так ли?

(*Оглядывает всех, но они не поднимают глаз. С горечью и болью.*) О, как много подлости и как мало храбрости! Неужели никто, никто не осмеливается сказать: правда ли это, правда ли все это?

XIX

MARIĆ (*gleda zaprepašćeno sve redom*): To je dakle istina, je li te? To je istina?

SVI (*ćute*).

MARIĆ: Govorite, zaboga, je li to istina? Gospodine Spasoje, gospodine Protiću, gospodine Novakoviću, gospodine Anto, govorite, govorite je li to istina?

SVI (*ćute*).

MARIĆ: Ja moram u tamnicu, je li te? U tamnicu ili u izgnanstvo, da bi vi na mojoj tekovini mogli živeti? Je li te... je li te? (*pogleda ih, ali oni ne dižu pogled sa gorčinom i bolom*) O, koliko mnogo nevaljalstva, a koliko malo hrabrosti zar niko, niko zar ne sme da kaže je li to istina, je li sve to istina?

XX

DRUGI AGENT, PREDAŠNJI

DRUGI AGENT (*Spasoju*): Izvinite, ja dolazim službenim poslom.

SPASOJE: K meni?

DRUGI AGENT: Po saznanju, ovoga trenutka nalazi se u vašoj kući jedna osoba, za kojom se na sve strane prestonice traga. Sem vas i gospodina (*pokazuje na Novakovića*), koje lično poznajem, ja molim da se ostala gospoda legitimišu. (*Anti*) Vaša legitimacija, gospodine?

ANTA (*zbunjeno čeprka po džepovima*): Ja ovaj ... nemam pri sebi...

SPASOJE: To je moj rođak, ja garantujem za njega.

DRUGI AGENT (*Ljubomiru Protiću*): Gospodin? LjUBOMIR (*već je pripremio knjižicu i daje mu je*).

DRUGI AGENT (*vraćajući Protiću knjižicu*):

Blagodariam! (*obraća se Mariću*) Vaša legitimacija? (opšti tajac sa izvesnim uzbuđenjem)

MARIĆ (*jedan trenutak mučne borbe i savlađivanja*): Koga vi u stvari tražite ?

DRUGI AGENT: Ja tražim bivšeg inženjera Pavla Marića.

MARIĆ (*uzbuđen*): Vi tražite Pavla Marića?...

DRUGI AGENT: Molim vašu legitimaciju!

MARIĆ (*ophrvan i slomljen, malodušno i rezignirano vadi iz džepa Švarcov pasoš i predaje*): Ja se zovem Adolf Švarc!

(*opšti diskretni pogled i izmena pogleda*)

SPASOJE (*brzo prihvati situaciju*): Gospodin Švarc je

XX

2-й полицейский агент, те же.

2-й полицейский агент (*к СПАСОЕ*). Извините, я к вам по служебному делу.

СПАСОЕ. Ко мне?

2-й полицейский агент. Как нам стало известно, в настоящее время в вашем доме находится личность, которую ищут во всех концах столицы. За исключением вас и этого господина (*показывает на НОВАКОВИЧА*), лично мне известных, прошу всех остальных господ предъявить свои документы! (*Анте*.) Ваш документ сударь?

Ант а (*смущенно шарит по карманам*). Я, это... У меня при себе нет...

СПАСОЕ. Я ручаюсь за него – это мой родственник.

2-й полицейский агент (*ЛЮБОМИРУ*.) Сударь, ваш?

ЛЮБОМИР уже приготовил паспорт и подает ему.

СПАСОЕ. Этот господин – мой зять, профессор университета.

2-й полицейский агент (*возвращая ЛЮБОМИРУ документ*). Благодарю. (*Обращается к МАРИЧУ*.) Ваш документ?

Все, притихнув, с некоторым волнением пристально смотрят на МАРИЧА.

МАРИЧ (*некоторое время переживает мучительную борьбу; овладевает собой*). В сущности, кого вы ищете?

2-й полицейский агент. Я ищу бывшего инженера Павле МАРИЧА.

МАРИЧ (*волнуясь*). Вы ищете Павле МАРИЧА?

2-й полицейский агент. Пожалуйста, ваш документ!

МАРИЧ (*сломленный, малодушно вынимает из кармана паспорт Шварца и подает*). Меня зовут Адольф Шварц.

Все незаметно бросают взгляд на МАРИЧА и переглядываются между собой.

СПАСОЕ (*быстро воспользовавшись создавшимся положением*). Господин Шварц – член правления акционерного общества «Иллирия», сегодня он по делам общества уезжает... (*смотрит на часы*) первым поездом, в одиннадцать десять, в Германию, а возможно, и дальше. Паспорт, как видите, уже имеет визу.

МАРИЧ (*берет паспорт у агента*). Да, я еду первым поездом, в одиннадцать десять.

član uprave preduzeća »Ilirija« i po poslovima toga društva on putuje danas... a sad već (*gleda u sat*) prvim vozom u 11 i 10, u Nemačku, i dalje možda. Kao što vidite, pasoš mu je i viziran.
MARIĆ (*primajući od agenta pasoš*): Da, ja putujem, prvim vozom u 11 i deset.
SPASOJE (*Mariću*): Potrebne instrukcije dobili ste, morali bi požuriti da ne bi propustili voz.
MARIĆ (*s prezrenjem*): Požuriću, ne brinite, neću propustiti voz. (*pogleda ih još jednom sve redom*) Da, požuriću, idem, ja idem! (*ode*)

XXI

PREDAŠNJI BEZ MARIĆA

DRUGI AGENT: Jesam li završio povereni mi posao?
SPASOJE: Ne, još ne. Molio bih vas još za jednu uslugu. Moja su kola dole, sedite u njih i idite hitno na stanicu, jer nema ni pet-šest minuta do voza. Uverite se lično je li ovaj gospodin otputovao.
DRUGI AGENT: Molim! (*odlazi*)
SPASOJE (*prateći ga*): I izvestite me!

XXII

PREDAŠNJI BEZ AGENTA

SPASOJE (*vraćajući se od vrata dokle je ispratio agenta*): Gospodo, priberite se i da niste dušom.
ANTA (*duboko dahne*).

СПАСОЕ (*МАРИЧу*). Вы получили необходимые инструкции, и вам следует поспешить, чтобы не пропустить поезда.
МАРИЧ (*с презрением*). Поспешу, не беспокойтесь, не пропущу поезда. (*Еще раз окидывает всех взглядом.*) Да, поспешу, я еду, еду! (*Уходит.*)

XXI

Те же, без МАРИЧА.

2-й полицейский агент. Я выполнил порученное мне дело?

СПАСОЕ. Нет, еще нет. Я хочу попросить вас еще об одной услуге. Моя машина внизу, садитесь и быстрее ежайте на станцию, до отхода поезда осталось меньше пяти минут. Лично убедитесь, уехал ли этот господин.

2-й полицейский агент. Пожалуйста! (*Уходит.*)
СПАСОЕ (*проводя его*). И известите меня!

XXII

Те же, без 2-го полицейского агента.

СПАСОЕ (*возвращаясь от дверей, до которых проводил агента*). Господа, успокойтесь и воспряньте духом.

Анита глубоко вздыхает.

НОВАКОВИЧ. Я не могу успокоиться, никак не могу.

ЛЮБОМИР. Действительно, можно скорее подумать о чем угодно, только не об этом.

СПАСОЕ. Я верил в нашу победу, так как всегда веровал в народную мудрость: правда в конце концов должна победить!

РИНА. Ну хорошо, а куда же он теперь?

СПАСОЕ. Он возвращается в покойники.

НОВАКОВИЧ. Вы серьезно думаете, что он таким образом сошел со сцены?

СПАСОЕ. О да, теперь больше, чем когда-либо. Прежде он эмигрировал под своим собственным именем, теперь – под чужим. Тем самым он превратил себя в покойника.

АНТА. Ну да... но это... если он опять так, года через три появится?

СПАСОЕ. В таком случае твой год не пропадет.

Что же касается нас, остальных, мы к тому времени разовьем наше дело, забаррикадируемся миллионами – и тогда нам никто не страшен.

НОВАКОВИЧ. Только... вы уверены, что он

NOVAKOVIĆ: Ne umem da se priberem, verujte, ne umem da se priberem.

LjUBOMIR: Odista, svemu se drugom čovek pre mogao nadati.

SPASOJE: Ja sam verovao u našu pobedu, jer sam uvek cenio onu narodnu mudrost, da pravda mora na kraju krajeva pobediti.

RINA: Pa dobro, kuda će on sada?

SPASOJE: On se vraća u pokojnike.

NOVAKOVIĆ: Mislite li, odista, da je time on sišao s pozornice?

SPASOJE: O, sad više no ranije. Pre je emigrirao pod svojim sopstvenim imenom, sada pod tuđim. Time je sam sebe oglasio za pokojnika.

ANTA: Pa jeste... Ali ovaj... Ako se on opet tamo kroz tri godine javi?

SPASOJE: U tom slučaju tvoja godina ne gine. Što se nas ostalih tiče, mi ćemo dotle razviti posao, blokiraćemo se milionima i tada niko nam ništa neće moći.

NOVAKOVIĆ: Samo... Jeste li vi uvereni da će on otići?

SPASOJE (*gleda na sat*): Ovog trenutka on je već u vagonu. (*duga pauza*)

SVI (*ćute*).

SPASOJE (*i dalje gleda u sat*): Ovoga trenutka voz je krenuo. (*telefon on mu prilazi*) Alo, alo... da, ovde Spasoje Blagojević... Da, da, dakle seo u voz i krenuo?... Hvala... hvala na obaveštenju! (*ostavlja slušalicu, pobedonosno*) Čuli ste izveštaj agentov. A sad, pokojniku neka bog da rajsko naselje, a mi nastavimo naš redovan život!

XXIII

VUKICA, AGNIJA, ISTI

VUKICA (*ocu*): Jesam li se mnogo zadržala?

SPASOJE: Ne, ne, tačno si na vreme došla. Rekao sam vam, gospodo, mi nastavljamo redovan život. I počećemo ga sa jednim veseljem. Sine, zete, venčanje što pre, sutra, prekosutra, najdalje u nedelju. (*zagrli Vukicu*) Da, mi nastavljamo život mi nastavljamo život!

(*opšti pokret zadovoljstva*)

Zavesa

уедет?

СПАСОЕ (*смотрит на часы*). В эту минуту он уже в вагоне.

Продолжительная пауза. Все молчат.

(*Продолжает смотреть на часы.*) Вот секунда, и поезд тронулся.

Телефонный звонок.

(*Подходит.*) Алло, алло! Да, я СПАСОЕ

Благоевич... Да, да, значит, сел в поезд и поехал?

Спасибо, большое спасибо за сообщение!

(*Победоносно кладет трубку.*) Вы слышали звонок агента? А теперь пусть бог даст покойнику райскую обитель, а мы продолжим нашу нормальную жизнь!

XXIII

ВУКИЦА, АГНИЯ, те же.

ВУКИЦА (*отцу*). Я не очень долго задержалась?

СПАСОЕ. Нет, нет, ты пришла как раз вовремя. Я сказал вам, господа, мы продолжаем нашу нормальную жизнь, и начнем ее с веселья! Сын, зять, венчанье как можно скорее; завтра, послезавтра, самое позднее в воскресенье.

(*Обнимает Вукицу.*) Да, мы продолжаем жизнь, мы продолжаем жизнь!

Все выражают удовольствие.

Занавес

Kraj

Režija može, prema svome nađenju, ovu poslednju (XXIII) pojavu i izostaviti.